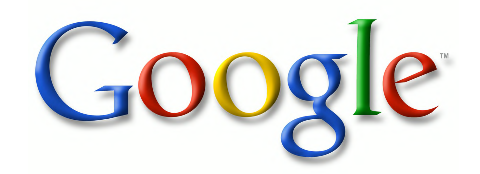

HDI
HL 40H6 M

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О

ВЫДАЧѢ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

„Amicus Plato, amicus Socrates,
sed magis amica veritas".

А. Штиглица.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул., д. № 33.
1882.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При изданіи настоящаго изслѣдованія мы, помимо возбужденнаго въ послѣднее время интереса къ выдачѣ преступниковъ, имѣли въ виду и научную важность этого вопроса, которая зависитъ отъ самой идеи международнаго общенія. Государства соединяются въ международный союзъ для преслѣдованія общихъ культурныхъ цѣлей, недостижимыхъ силами каждаго члена союза; одною изъ такихъ цѣлей служитъ возможно полное устраненіе преступныхъ правонарушеній и преслѣдованіе нарушителей права. Понятно, эта задача тогда только можетъ составлять вопросъ международнаго права, если данное правонарушеніе какимъ либо образомъ коснулось сферы дѣятельности двухъ государствъ, совокупными усиліями которыхъ и долженъ быть возстановленъ правовой порядокъ. Самымъ простымъ видомъ правонарушенія, имѣющаго международный характеръ, есть побѣгъ лица, совершившаго какое либо правонарушеніе въ одномъ государствѣ, въ другое, съ цѣлью скрыться отъ преслѣдованія и такимъ образомъ

избѣжать наказанія за совершенное имъ преступленіе. И дѣйствительно, въ то время, когда сфера международнаго общеніябыла крайне ограничена, подобный расчетъ былъ вполнѣ вѣренъ и влекъ за собою полную безнаказанность каждаго, могущаго перейти на территорію другого государства; но съ развитіемъ понятія о международномъ общеніи, государства должны были придти къ тому несомнѣнному выводу, что подобная безнаказанность вредна не только государству, въ которомъ совершено преступленіе, но и всему человѣческому обществу и въ частности тому государству, въ предѣлы коего вошелъ преступникъ. Отсюда родилось понятіе о необходимости выдачи преступниковъ и съ теченіемъ времени понятіе это сдѣлалось общепризнаннымъ. Выдача преступниковъ, бѣжавшихъ изъ предѣловъ того государства, гдѣ ими совершены болѣе или менѣе тяжкія правонарушенія, составляя настоятельную необходимость въ интересахъ международнаго общенія, въ тоже время не только не противорѣчитъ принципамъ международнаго права, но основывается именно на нихъ.—Субъективный принципъ международнаго права, установляя суверенность, верховенство каждаго отдѣльнаго самостоятельнаго государства—такое государство только и можетъ быть субъектомъ международнаго права—даетъ право данному государству требовать выдачи, для суда и наказанія, лица, совершившаго посягательство на установленныя въ немъ нормы; разумѣется, это требованіе постольку возможно, поскольку оно не противорѣчитъ законодательнымъ нормамъ того государства, въ предѣлахъ коего нарушитель нашелъ себѣ убѣжище. Съ другой стороны, объективный принципъ международнаго

права, установляя общность, солидарность интересовъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, непремѣнно требуетъ выдачи бѣжавшаго преступника, совершившаго преступленіе въ другой странѣ, такъ какъ интересы всего человѣчества на пути преслѣдованія нарушителей права настолько сходятся, что невозможно рѣшить, гдѣ кончаются интересы государства, въ которомъ совершено правонарушеніе, и начинаются интересы государства, куда преступникъ бѣжалъ, и ни въ какомъ случаѣ интересы эти не могутъ расходиться такъ, чтобы въ интересахъ какого бы то ни было государства было укрывать нарушителя права другого государства. Понятно, это относится только къ общимъ преступленіямъ и къ преступленіямъ политическимъ соединеннымъ съ общими, такъ какъ нормы права во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ основаны на однихъ и тѣхъ же принципахъ; что же касается преступленій чисто политическихъ, направленныхъ противъ общественнаго строя отдѣльнаго государства, то здѣсь не можетъ имѣть мѣста общность интересовъ государствъ, такъ какъ интересы эти вполнѣ зависятъ отъ даннаго общественнаго строя, въ каждомъ государствѣ различнаго. Большинство конвенцій настоящаго времени о выдачѣ преступниковъ именно исключаютъ изъ выдачи преступниковъ политическихъ, и въ этомъ состоитъ различіе ихъ отъ картельныхъ конвенцій прежняго времени, когда объектомъ выдачи служили именно политическіе преступники, бунтари. Глубокое убѣжденіе всѣхъ цивилизованныхъ государствъ въ пользѣ выдачи преступниковъ побудило ихъ заключить между собою картельныя конвенціи о выдачѣ преступниковъ

противъ общаго права. Историко-догматическое разсмотрѣніе этихъ конвенцій и самаго вопроса о выдачѣ преступниковъ и составляетъ предметъ нашего изслѣдованія.

А. Ш.

С-Петербургъ.
7 Августа 1882 года.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ВЫДАЧѢ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

ГЛАВА I.

Вопросъ о выдачѣ преступниковъ возникаетъ въ томъ случаѣ, когда, по причинѣ бѣгства обвиняемаго или уже осужденнаго лица, территоріальная юрисдикція не можетъ быть примѣнена къ разбирательству даннаго уголовнаго случая. Примѣры отдѣльныхъ выдачъ преступниковъ или же только требованій о выдачѣ встрѣчаются въ глубокой древности. Такъ жители Іудеи выдали Самсона Филистимлянамъ [1]). Затѣмъ сыны Израилевы принуждаютъ колѣно Веніаминово выдать имъ преступниковъ, скрывшихся въ городѣ Гиву [2]). Лакедемоняне объявляютъ войну Мессенянамъ за отказъ въ выдачѣ одного убійцы [3]) Катонъ требуетъ выдачи Цезаря Германцамъ за несправедливое веденіе войны [4]). Римляне требуютъ отъ Кароагенянъ выдачи Гамилькара, галльскаго бун-

---

[1]) См. кн. Судей, гл. XV., ст. 9—14.
[2]) См. тамъ-же, гл. XX, ст. 13.
[3]) См. Grotius: Le droit de la guerre et de la paix перев. Pradier Fodéré. Кн. II, гл. XXI.
[4]) Тамъ-же.

таря [1]). Римляне также требуютъ выдачи Ганнибала и Югурты. Но, съ другой стороны, Римляне не только требуютъ, но и сами выдаютъ преступниковъ. Такъ они выдаютъ лицъ, нарушившихъ неприкосновенность Кареагенскихъ пословъ [2]). Аеиняне объявляютъ черезъ герольда, что они выдадутъ того, кто, совершивъ заговоръ противъ Филиппа Македонскаго, убѣжитъ затѣмъ въ Аеины [3]). Лукуллъ требуетъ отъ Тиграна выдачи Митридата и, получивъ отказъ, объявляетъ войну [4]). Изслѣдователи Египетскихъ древностей нашли даже въ іероглифахъ трактатъ о выдачѣ преступниковъ или такъ называемую картельную конвенцію, заключенную между царемъ египетскимъ Рамзесомъ II и княземъ Хетскимъ (prince de Cheta) [5]) „Если кто-либо убѣжитъ, будь это одинъ человѣкъ, или двое или трое, и явится къ князю Хетскому, то этотъ послѣдній вышлетъ ихъ обратно къ Солнцу Начальнику правосудія (Soleil Seigneur de justice). Что же касается до человѣка, котораго приведутъ обратно къ Рамзесу Міамуну, то да не будетъ разрушенъ его домъ, да не будетъ нанесенъ вредъ его женѣ, его дѣтямъ, да не будетъ убита его мать, да не будетъ онъ самъ лишенъ зрѣнія, рта, носа и вообще да не будетъ ему вмѣнено никакое преступленіе (et qu'aucun crime ce s'éléve contre lui)“. Тоже постановленіе встрѣчается по отношенію къ лицамъ, скрывшимся въ предѣлахъ князя Хетскаго [6]). Римское право предписываетъ выдачу непріятелямъ тѣхъ гражданъ, которые нарушили непри-

[1]) Тамъ-же.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Тамъ-же.
[5]) Тамъ-же.
[6]) См. Vaselhes: Etude sur l'extradition, Paris, 1877. стр. 15.

косновенность иностранныхъ пословъ: „Si quis legatum hostium pulsasset, contra jus gentium id commissum esse existimatur: quia sancti habentur legati... itaque eum qui legatum pulsasset, Quintus Mucius dedi hostibus, quorum erant legati, solitus est respondere... [1]). На основаніи этого закона были выданы два Римлянина Кареагенамъ въ 188 году [2]). Для разсмотрѣнія случаевъ оскорбленія Римляниномъ иностранца существовалъ въ Римѣ особый судъ, такъ называемый recuperatores, который разрѣшалъ вопросъ о томъ, подлежитъ ли данный римскій гражданинъ выдачѣ національному государству оскорбленнаго [3]). Послѣ всемірнаго расширенія римскаго могущества уже не могло быть рѣчи о выдачѣ преступниковъ, такъ какъ исчезаетъ политическая самостоятельность различныхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ огромнаго римскаго государства. Съ паденіемъ Рима, вновь появляется возможность существованія экстрадиціоннаго права. Изъ древнѣйшихъ средневѣковыхъ международныхъ договоровъ о выдачѣ преступниковъ укажемъ на слѣдующіе: Въ 1174 году былъ заключенъ трактатъ между англійскимъ королемъ Генрихомъ II и шотландскимъ королемъ Вильгельмомъ, по которому обѣ договаривающіяся стороны обязуются выдавать другъ другу политическихъ преступниковъ [4]). Въ 1303 году былъ заключенъ трактатъ въ Парижѣ между Англіею и Франціею. Договоръ стипулируетъ выдачу политическихъ преступниковъ [5]). Въ 1378 году

---

[1]) Тамъ-же, стр. 16.
[2]) См. Clarke: The Law of Extradition 2-е изд. Лондонъ 1874, г. стр. 18.
[3]) См. Calvo; Le Dr. Intern , изд. третье, Парижъ. 1880. Томъ II, § 1225.
[4]) См. Clarke, стр. 18.
[5]) См. Clarke, названное соч. стр. 19.

по договору, въ которомъ участвовали король французскій Карлъ V и герцогъ Савойскій, было постановлено, что всѣ злоумышленники (malefactors), бѣжавшіе изъ Савойи въ Дофинэ, или наоборотъ, будутъ выданы обратно, даже если они состоятъ подданными государства, отъ котораго требуется выдача [1]). Въ 1413 году (14-го сентября) французскій король Карлъ VI отправляетъ письмо королю англійскому, прося выдачи парижскихъ бунтарей [2]), Въ 1497 году заключенъ международный договоръ королемъ англійскимъ Генрихомъ II съ Фламандцами. Договоръ этотъ названъ Фламандцами Intercursus Magnus отчасти потому, что онъ полнѣе предшествовавшихъ международныхъ договоровъ, заключенныхъ съ англійскимъ королемъ, но главнымъ образомъ для отличія отъ договора, заключеннаго въ 21-ый годъ царствованія короля, который названъ Фламандцами Intercursus Malus. Intercursus Magnus содержитъ постановленіе, по которому обѣ договаривающіяся стороны обязуются не давать убѣжища въ своихъ территоріальныхъ предѣлахъ политическимъ злоумышленникамъ и изгонять ихъ изъ національныхъ предѣловъ въ пятнадцатидневный срокъ [3]). Въ 1661 году подписанъ трактатъ англо-датскій, на основаніи котораго Данія соглашается выдать правительству короля англійскаго Карла II нѣкоторыхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ казни Карла I [4]). Голландскіе Генеральные Штаты выдали нѣкоторыхъ изъ цареубійцъ безъ всякихъ договорныхъ стипуляцій, а затѣмъ, въ 1662 году, они заключили съ Англіею трактатъ и обязались вы-

---

[1]) См. тамъ-же.
[2]) См. Calvo; Томъ II § 1226.
[3]) См. Clarke, стр. 20.
[4]) Тамъ-же.

давать Англіи всѣхъ лицъ, исключенныхъ изъ англійскаго Акта объ Амнистіи (Art of Indemnity) [1]). На основаніи этого трактата, правительство короля Іакова, въ 1687 г., потребовало выдачи Бѣрнета (Burnet), который состоялъ тогда частнымъ секретаремъ принца Оранскаго. Этотъ Бернетъ написалъ нѣсколько рѣзкихъ статей противъ англійскаго короля. Но незадолго передъ предъявленіемъ требованія о выдачѣ со стороны Англіи Бернетъ былъ принятъ въ Нидерландское подданство. Имѣя въ виду это обстоятельство, Генеральные Штаты отвѣчали англійскому дипломатическому агенту, что натурализація есть вещь священная и что если имѣются какія-либо обвиненія противъ Бернета, то обвиненія эти подлежатъ разсмотрѣнію въ туземной судебной инстанціи [2]).

И такъ мы видимъ, что значительное большинство приведенныхъ примѣровъ относится къ политическимъ нарушеніямъ. Впрочемъ, въ тѣ времена не различали такъ строго, какъ въ настоящее время, политическихъ правонарушеній отъ обыкновенныхъ или общихъ [3]). Международные договоры, заключавшіеся тогда, имѣли по большей части въ виду конкретные случаи, а не цѣлую категорію случаевъ, о которыхъ впередъ стипулируется, какъ это дѣлается теперь, причемъ держатся точныхъ, строго-опредѣленныхъ, постоянныхъ правилъ. Такіе международные договоры начинаютъ заключаться между различными европейскими государствами съ XVIII вѣка. При этомъ мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ фактъ, что столь симпатичный и великій фран-

---

[1]) Тамъ-же.
[2]) См. Clarke, стр. 21, 22.
[3]) См. Calvo; § 1226, стр. 337.

цузскій народъ по занимающему насъ вопросу стоитъ во главѣ цивилизаціи. Честь и слава Франціи! Экстрадиціонное право получило свое развитіе, главнымъ образомъ благодаря международной дѣятельности этой державы. А потому, переходя къ историческому очерку международныхъ договоровъ о выдачѣ преступниковъ, а также отдѣльныхъ выдачъ, или требованій выдачи преступниковъ въ различныхъ европейскихъ государствахъ, начиная съ XVIII вѣка и по наше время, мы начнемъ съ Франціи. Въ XVIII вѣкѣ Франція граничила на сѣверѣ съ Нидерландами, принадлежавшими тогда Австріи. Между сосѣдями происходили частыя сношенія, чему въ значительной степени способствовали сравнительно болѣе удобные пути сообщенія. Этимъ объясняется то обстоятельство, что для данныхъ двухъ странъ ранѣе, чѣмъ для другихъ, возникла необходимость помогать другъ другу въ поимкѣ бѣглыхъ злоумышленниковъ. Уже въ 1736 году правительства обѣихъ странъ обмѣнялись деклараціею, въ которой содержится взаимное обѣщаніе оказывать другъ другу содѣйствіе въ выдачѣ преступниковъ, бѣжавшихъ изъ одной страны въ другую [1]). Въ международныхъ сношеніяхъ Франціи и Нидерландовъ, возникавшихъ по экстрадиціоннымъ вопросамъ, впервые установилось правило, общепризнанное въ настоящее время, а именно, что національные подданные не подлежатъ выдачѣ иностранному государству [2]) Въ 1759 году Франція заключаетъ международный договоръ съ Виртембергомъ для взаимной выдачи дезертировъ и преступниковъ. Договоръ этотъ былъ заключенъ на пять лѣтъ и возобновленъ 3-го

---

[1]) См. Billot; Traité de l'Extraditian, стр. 39.
[2]) Тамъ-же.

Декабря 1765 г.; онъ содержитъ слѣдующія главныя постановленія: „Всѣ разбойники, злоумышленники, воры, поджигатели, убійцы, бродяги, а также всѣ кавалеристы, пѣхотинцы, драгуны и гусары...... будутъ заарестованы по первому требованію и затѣмъ будутъ отведены подъ конвоемъ въ ближайшій пограничный пунктъ и переданы подлежащимъ властямъ“. Расходы на содержаніе и на конвоированіе преступниковъ и дезертировъ погашаются согласно съ установленнымъ тарифомъ. Предметы, захваченные бѣглецомъ, возвращаются правительству, потребовавшему выдачи [1]). Первая картельная конвенція, заключенная Франціею съ Швейцаріею, относится къ 1777 году. Конвенція эта признаетъ выдачу не только общихъ, но и политическихъ преступниковъ, причемъ она не дѣлаетъ исключенія по отношенію къ національнымъ подданнымъ. Но на практикѣ, какъ замѣчаетъ Бильо, оба договаривающіяся государства не выдавали своихъ подданныхъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло шло о важномъ нарушеніи публичнаго права („crime grave et public“) При менѣе тяжелыхъ нарушеніяхъ, злоумышленники преслѣдовались національными судами. Трактатъ 1777 г. былъ замѣненъ союзнымъ трактатомъ (traité d'alliance) 19-го Августа 1798 г., въ который также включены политическіе преступники. Статья 13 этого трактата содержитъ новое постановленіе, по которому явка свидѣтелей, вызванныхъ изъ одного государства въ другое, признается обязательною. Въ 1828 г. заключенъ новый трактатъ между Франціею и Швейцаріею, который оставался въ силѣ втеченіи 40 лѣтъ [2]).

---

[1]) См. Billot: стр. 40.
[2]) См. Billot: стр. 41, 42.

Между Франціею и Сардиніею не было заключено картельной конвенціи въ XVIII вѣкѣ, но все таки установился обычай взаимной выдачи преступниковъ [1]). Съ Испаніей Франція вошла въ договорное соглашеніе по занимающему насъ вопросу 29-го сентября 1765 года. Статья третья конвенціи содержитъ взаимное обязательство обоихъ правительствъ подвергать аресту и затѣмъ выдачѣ бѣглыхъ преступниковъ даже по простому требованію пограничныхъ комендантовъ (commandants des frontières respectives).

Статья пятая конвенціи гласитъ: „симъ объявляется и постановляется (il reste établi et déclaré), что испанскіе преступники, которые будутъ захвачены во Франціи въ церкви, если эти лица совершили одно изъ преступленій, по отношенію къ которымъ признается въ Испаніи церковное убѣжище (l'immunité ecclésiastique), будутъ выданы Франціею подъ непремѣннымъ условіемъ освобожденія отъ смертной казни". Постановленіе это сохранено въ франко-испанской картельной конвенціи 1850 года [2]). Въ 1783 г. (16 іюля) Франція присоединяется къ конвенціи, заключенной между Испаніею и Португаліею въ 1778 году. Статья 6-я стипулируетъ взаимную выдачу дезертировъ, фальшивыхъ монетчиковъ и контрабандистовъ [3]). Статья 20-я Аміэнскаго мирнаго трактата, въ которомъ участвовали Франція, Англія, Испанія и Батавская республика, содержитъ постановленія о взаимной выдачѣ лицъ, обвинен-

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) См. Calvo. T. II. § 1227, стр. 339, 340.—Въ 1877 г. заключена новая картельная конвенція между Франціею и Испаніею: Calvo: § 1229.

[3]) Тамъ же.

ныхъ въ убійствѣ, въ поддѣлкѣ монетъ и въ злостномъ банкротствѣ [1]). Франко-англійскія конвенціи 1787 и 1815 гг. стипулируютъ взаимную выдачу злоумышленниковъ, бѣжавшихъ въ восточно-индійскія владѣнія той или другой изъ договаривающихся державъ [2]). Въ 1843 году Франція заключаетъ съ Великобританіею новую картельную конвенцію. Перечень преступленій, влекущихъ за собою выдачу, тотъ же, что и въ ст. 20 Аміэнскаго мирнаго трактата, причемъ выдача преступниковъ примѣняется и по отношенію къ національнымъ подданнымъ [3]). Въ 1876 году заключенъ новый договоръ о выдачѣ преступниковъ между Франціею и Англіею. Статья 2-я дѣлаетъ исключеніе по вопросу о выдачѣ въ пользу національныхъ подданныхъ обѣихъ договаривающихся державъ. Но выдача имѣетъ мѣсто, если бѣжавшее обвиненное или осужденное лицо получило натурализацію послѣ совершенія имъ преступленія (crime) или проступка, вслѣдствіе котораго предъявлено требованіе о выдачѣ. Статья третья содержитъ перечень правонарушеній, за которыя имѣетъ мѣсто выдача, всего 19 пунктовъ: 1) поддѣлка монетъ; 2) поддѣлка государственныхъ печатей, а также клеймъ (poinçons); 3) убійство, предумышленное и не предумышленное, или же покушеніе на убійство; 4) побои и раны, за которыми послѣдовала смерть, убійство по неосторожности, по небрежности или по неловкости (homicide par imprudence, négligence, maladresse). Къ преступленіямъ противъ нравственности относятся: изнасилованіе и растлѣніе; 8) кража дѣтей; 9) похищеніе малолѣтнихъ:

---

1) Calvo: § 1227, стр. 342.
2) Тамъ же и Vazelhes. Прибавленіе стр. 225.
3) Тамъ же; стр. 343.

мальчика моложе 14 лѣтъ, дѣвочки—16 лѣтъ; 11) двоеженство; 13) акты насилія противъ судей и должностныхъ лицъ при отправленіи ими своихъ обязанностей; 14) угрозы на письмѣ или изустныя для вымогательства денегъ или другихъ цѣнностей; 15) ложное свидѣтельское показаніе, подкупъ свидѣтелей, экспертовъ или переводчиковъ; 16) поджогъ; 17) кража со взломомъ, разбой; 18) злоупотребленіе довѣріемъ; 19) мошенничество или укрывательство денегъ, цѣнностей или движимаго имущества (objets mobiliers), пріобрѣтеннаго мошенничествомъ; 20) злостное банкротство; 21) Всѣ дѣянія, совершенныя съ цѣлью подвергнуть опасности (mettre en danger) жизнь лицъ, находящихся въ желѣзнодорожномъ поѣздѣ; 22) преступленіе совершенное на морѣ: а) акты насилія, совершенные экипажемъ французскаго или англійскаго корабля; б) передача пиратамъ судна, все равно, принадлежитъ ли лицо, совершившее эту передачу, къ экипажу корабля, или нѣтъ; г) разрушеніе корабля съ преступною цѣлью; 23) торгъ рабами. Статья четвертая разсматриваемаго договора гласитъ, что онъ примѣняется къ преступленіямъ и проступкамъ, совершеннымъ до его ратификаціи. Но выданное лицо подлежитъ суду только за тѣ правонарушенія, о которыхъ упомянуто въ требованіи о выдачѣ. Статья пятая признаетъ исключеніе въ пользу политическихъ преступниковъ [1]).—Съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами Франція связана картельною конвенціею 9 ноября 1843 года. Выдача имѣетъ мѣсто за убійство (убійство вообще, далѣе отцеубійство, дѣтоубійство и отравленіе); покушеніе на убійство, из-

---

[1]) См. Vazelhes. Прибавленіе, стр. 213—225.

насилованіе, подлогъ, поджогъ и растраты должностными лицами, если за данныя растраты налагаются наказанія тяжкія и позорящія (peines afflictives et infamantes) [1]). Конвенція эта дополнена двумя добавочными статьями. Первая статья относится къ 24 февраля 1845 года и прибавляетъ къ списку преступленій 1843 года слѣдующія правонарушенія: robbery и burglury (особые виды квалифицированной кражи). Вторая статья, подписанная 10 февраля 1858 г., представляетъ дальнѣйшее расширеніе экстрадиціоннаго списка [2]). Съ Пруссіею Франція заключила конвенцію въ 1845 г., которая дѣйствуетъ до сихъ поръ, причемъ сила ея распространяется и на Эльзасъ-Лотарингію. Выдача, на основаніи этой конвенвенціи, имѣетъ мѣсто въ слѣдующихъ случаяхъ: когда совершено убійство, отравленіе, отцеубійство, дѣтоубійство, изнасилованіе, поджогъ, подлогъ и поддѣлка бумажныхъ денегъ, если изъ обстоятельствъ дѣла выходитъ, что за совершеніе этихъ актовъ во Франціи послѣдовало бы тяжкое и позорящее наказаніе (peine afflictive et infamante); далѣе поддѣлка монетъ, ложное свидѣтельское показаніе и подкупъ свидѣтелей, кража, если она совершена при такихъ обстоятельствахъ, которыя включаютъ данный актъ въ категорію преступленій, а не проступковъ; растраты со стороны должностныхъ лицъ въ тѣхъ случаяхъ, когда во Франціи установлены тяжкія и позорныя наказанія; наконецъ, злостное банкротство [3]). Съ Австріею Франція заключила картельную конвенцію въ 1855 г., дополненную въ 1869 г. Съ Италіею въ 1870 году

---

[1]) См. Billot. Прибавленіе, стр. 503.
[2]) Тамъ же, кн. 1, гл. 2, стр. 50.
[3]) Тамъ-же. Прибавленіе, стр. 550.

заключена Франціею конвенція, которая замѣняетъ конвенцію франко-сардинскую 1838 г. Конвенція 1870 года дополнена двумя деклараціями 16 іюля 1873 г. Въ 1877 году, 28 марта, Франція заключила первую картельную конвенцію съ Даніею [1]). Наконецъ, 14 декабря 1877 г. подписана франко-испанская картельная конвенція, замѣняющая конвенцію 26 августа 1850 года [2]). Переходя къ другимъ государствамъ, мы будемъ слѣдовать порядку изложенія, принятому извѣстнымъ ученымъ по международному праву Кальво (De Droit International: Livre XV, § 1230—1250 т. II, изд. 1880 г.), въ книгѣ котораго отдѣлъ о выдачѣ преступниковъ обработанъ съ особенною тщательностью и полнотою матеріала, извлеченнаго изъ всѣхъ важнѣйшихъ европейскихъ и американскихъ трактатовъ. Римская курія заключила картельную конвенцію съ королевствомъ Обѣихъ Сицилій въ 1818 году, причемъ предоставлялось взаимное право преслѣдовать злоумышленниковъ на чужой территоріи [3]). Конвенція между Церковною областью и Франціею 1859 г., дѣлая обычное исключеніе въ пользу политическихъ преступниковъ, допускаетъ, тѣмъ не менѣе, выдачу лицъ, совершившихъ покушеніе на жизнь суверена или членовъ его семейства [4]). Бельгія связана слѣдующими международными договорами по занимающему насъ вопросу: конвенція съ Франціею 1834 г., съ Пруссіею, въ 1836 г., съ Баваріею въ 1869 году. Въ 1869 и 1879 гг. конвенція 1834 г. съ Франціею, измѣненная уже въ 1856 г., была значительно пополнена, а именно рас-

[1]) См. Calvo. Том. II, кн. XV, § 1229, стр. 355.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, § 1230, стр. 358.
[4]) Тамъ же.

ширенъ списокъ преступныхъ дѣяній, за которыя должна имѣть мѣсто выдача злоумышленниковъ. Измѣненіе же 1856 года состояло въ томъ, что покушеніе на жизнь иностраннаго суверена или же членовъ его семьи, (убійство, предумышленное и не предумышленное, а также отравленіе), включены въ число правонарушеній, за которыя имѣетъ мѣсто выдача данныхъ лицъ [1]). Съ Германскою имперіею Бельгія заключила конвенцію 24 декабря 1874 г.; конвенція эта подтверждаетъ дѣйствіе конвенціи, заключенной 9 февраля 1870 г. съ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ [2]). Нидерланды заключили въ 1756 г. конвенцію съ Австріею, въ 1844 и 1860 гг. съ Франціею, въ 1862 г. съ Бельгіею, 19 апрѣля 1867 г. съ Россіею [3]). *Австрія* заключила слѣдующіе международные договоры: съ Швейцаріею (за исключеніемъ кантоновъ: Гларисъ, Цугъ, Базель, Аппенпель, Граубюнденъ и Женева) 14 іюля 1828 г. [4]); конвенція эта имѣетъ въ виду выдачу лицъ, обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ (haute trahison); съ Россіею и съ Пруссіею 4 января 1834 г. для регулированія вопросовъ о взаимной выдачѣ поляковъ [5]); въ октябрѣ 1874 года заключена картельная конвенція съ Россіею [6]). *Пруссія*: конвенція картельная съ Россіею 25 мая 1816 г., установляющая взаимную выдачу какъ общихъ, такъ и политическихъ преступниковъ, причемъ выдача признается обязательною не

---

[1]) См. Billot: стр. 48. Calvo, 1231.
[2]) Calvo, § 1231.
[3]) См. Calvo, § 1232.
[4]) См. Calvo, § 1233.
[5]) Тамъ же.
[6]) Тамъ же. См. подробнѣе о картельныхъ конвенціяхъ Австріи въ книгѣ Пютлингена: Handbuch des in Oesterreich-Ungarn gelten den Jntetnalionalen Privatrechts, ect., Вѣна 1878 г.

только по отношенію къ лицамъ, совершившимъ преступленія, но и проступки. Замѣтимъ также, что требованія о выдачѣ между Пруссіею и Россіею предъявляются не дипломатическимъ путемъ, а непосредственно подлежащими властями [1]). Далѣе: конвенція съ Россіею и съ Австріею, 4 января 1834 г. [2]); съ Бельгіею 29 іюля 1836 года [3]), съ Франціею 21 іюля и 20 августа 1845 г. [4]) и т. д. Австрія и Пруссія, а также и остальныя Германскія государства, выдаютъ другъ другу преступниковъ какъ общихъ, такъ и политическихъ, и при томъ не только лицъ, совершившихъ преступленія, но и тѣхъ, которыя совершили только проступки. Выдачи имѣютъ мѣсто на основаніи союзнаго постановленія (Bundesbeschluss) отъ 26 января 1854 г. *Германская имперія*: 14 мая 1872 г. картельная конвенція съ Англіею, 24 января 1874 года съ Швейцаріею, 24 декабря 1874 года съ Бельгіею, 9 марта 1876 г. съ великимъ герцогствомъ Люксембургскимъ [5]). *Италія*: конвенція съ Австріею 27 февраля 1869 г.; конвенція эта замѣнила слѣдующія предшествовавшія конвенціи: австро-сардинскую конвенцію 1838 года, конвенцію 1818 года между Австріею и великимъ герцогствомъ Пармскимъ, конвенцію 1845 г. между Австріею и королевствомъ Обѣихъ Сицилій, и, наконецъ,

---

[1]) См. Bluntschli's Staatswörterbuch Leipzig und Stuttgart, 1875 статья Auslieferung Штрауха.

[2]) См. Calvo, § 1234.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же.

[5]) Конвенціи эти приведены у Кальво, § 1240. См. подробнѣе о картельныхъ конвенціяхъ Германской Имперіи въ трудѣ г. Кнички (Kuitschky) Die Auslieferungsverträge des Deutschen Reichs въ Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich изданіе Гельцендорфа и Брантана годъ первый книга 4-ая.

конвенцію 1834 г. между Австріею и великимъ герцогствомъ Тосканскимъ. Три послѣднія конвенціи не исключаютъ изъ постановленій о выдачѣ политическихъ преступленій. Договоръ 1869 года распространенъ декларацією 15 и 28 мая 1871 г. и на проступки, совершенные лицами военнаго званія, и подлежащіе вѣдѣнію военныхъ судовъ. Но политическіе преступники не подлежатъ выдачѣ [1]). Съ Бельгіею Италія заключила картельную конвенцію 15 января 1875 г. [2]). Съ Бразиліею: конвенція 12 ноября 1872 г. [3]); съ Китаемъ: конвенція навигаціонная 26 октября 1866 г., статья XXII, содержитъ постановленія о выдачѣ китайскихъ злоумышленниковъ, бѣжавшихъ въ дома итальянскихъ подданныхъ или на итальянскія суда, а также моряковъ и другихъ лицъ, принадлежащихъ къ итальянской національности, бѣжавшихъ съ итальянскихъ военныхъ кораблей или торговыхъ судовъ. Въ данной конвенціи не содержится списка правонарушеній, за которыя должна имѣть мѣсто выдача. Впрочемъ можно допустить, что выдача должна быть ограничена общими преступленіями, признаваемыми китайскими законами и притомъ подъ непремѣннымъ условіемъ отсутствія пытки [4]). Съ Франціею: конвенція между Сардиніею и Франціею 1838 г., отмѣненная конвенціею 12 мая 1870 года, которая до настоящаго времени регулируетъ экстрадиціонныя отношенія между Италіею и

---

[1]) См. Fiore; Traité de Droit Pénal International et de l'extradition, traduit par Charles Antoine. Paris, 1880, часть I, стр. 309.
[2]) См. тамъ же, стр. 311.
[3]) См. Fiore, часть I, стр. 312.
[4]) По аналогіи съ англо-китайскими договорами 1873 и 1868 гг., заключенными Англіею для регулированія вопроса о выдачѣ преступниковъ между небесною имперіею и англійскою колоніею Гонгъ-Конгъ. См. Fiore, стр. 313.

Франціею [1]). Съ Германскою имперіею: конвенція 31 октября 1871 г. [2]). Съ Великобританіею: конвенція 5 февраля 1873 г. [3]). Съ Греціею: конвенція 17 ноября 1877 г. [4]). Съ Мексикою: конвенція, заключенная 17 декабря 1870 г. и ратификованная 30 апрѣля 1874 года [5]). Съ Голландіею: конвенція, заключенная 20 ноября 1869 г. и ратификованная 29 января 1870 года [6]). Съ Португаліею: конвенція 18 марта 1878 года [7]). Съ Россіею: конвенція, подписанная 1/13 мая 1871 г. и ратификованная 7 августа и 28 іюля того же года [8]). Съ Испаніею: конвенція подписанная 3 іюня 1868 г. и ратификованная 13 января 1869 г. Конвенція эта замѣнила трактатъ заключенный 6 сентября 1857 г. между Сардиніею и Испаніею [9]). Съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами: конвенція подписанная 23 марта 1868 г. и ратификованная 21 января 1869 г. [10]) Съ Швеціею и Норвегіею: конвенція подписанная 20 сентября 1866 года и ратификованная 2 ноября того же года. Статья третья конвенціи допускаетъ взаимный отказъ въ выдачѣ преступника, но требуется отказъ мотивированный. Изъ этого слѣдуетъ, что данная конвенція имѣетъ только факультативное значеніе [11]). Съ Швейцаріею: конвенція заключенная 22 іюля 1868 г. и ратификованная 1 мая 1869 г.

---

[1]) См. Fiore, стр. 315.
[2]) Стр. 316.
[3]) Стр. 317.
[4]) Стр. 320.
[5]) Ibid. стр. 324.
[6]) Ibid. стр. 325.
[7]) Ibid. стр. 329.
[8]) Ibid. стр. 330.
[9]) Ibid. стр. 331.
[10]) Ibid. стр. 332.
[11]) Ibid стр. 334.

Вопросъ о выдачѣ преступниковъ въ *Швейцаріи* регулируется федеральными палатами, насколько дѣло идетъ объ отношеніяхъ междукантонныхъ. Въ настоящее время дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи три закона: главный законъ, 29 іюля 1852 г. измѣненный законами 24 іюля 1867 года и 2 февраля 1872 года. Экстрадиціонныя же отношенія Швейцаріи съ различными иностранными государствами регулируются конвенціями, заключенными отъ имени всѣхъ кантоновъ федеральнымъ правительствомъ. Изъ этихъ конвенцій назовемъ слѣдующія: конвенція съ Австріею 1829 г.; конвенція съ Соединенными Штатами 1850 года, конвенція съ Нидерландами 1853 г., вторая конвенція съ Австріею 1855 г.; конвенція съ Португаліею 30 октября 1873 г. и 9 января 1875 г.; съ Россіею конвенція 17 ноября 1874 г.; въ томъ же году заключены Швейцаріею слѣдующія конвенціи: 24 января съ Германскою имперіею, 30 марта и 28 ноября съ Великобританіею и 13 мая съ Бельгіею [1]).

Испанія. Конвенціи съ Франціею: 1765, 1850, 1859, 1867 и, наконецъ, нынѣ дѣйствующая конвенція 14-го декабря 1877 года; далѣе конвенція съ Пруссіей 5-го января 1860 г., конвенція съ Нидерландами 1860 г., конвенція съ Австріею 17-го апрѣля 1861 г., конвенція съ Португаліею 25-го іюня 1867 г. и 27 мая 1868 г., конвенція съ Италіею 3-го іюня 1868 г., конвенція съ Бразиліею 16-го марта 1872 г.. конвенція съ великимъ герцогствомъ Люксембургскимъ 5-го сентября 1879 года [2]).

[1]) Всѣ эти конвенціи приведены у Кальво. Томъ II, кн. XV, § 1242.

[2]) См. перечень этихъ конвенцій у Кальво: томъ II, кн. XV, § 1243.

Португалія. Конвенція съ Испаніею 1778 г., къ которой присоединяется Франція въ 1783 году [1]; въ 1823 году 8-го марта, новая конвенція съ Испаніею, въ 1854 г. три конвенціи: съ Нидерландами (22-го іюня), съ Бельгіею (26-го іюня) и съ Франціею (13-го іюля). Изъ новѣйшихъ конвенцій, укажемъ на слѣдующія: съ Швейцаріею 3-го января 1875 г., съ Бельгію 8-го мая того же года [2].

Данія. Конвенціи: съ Швеціею 10-го декабря 1809 г.; постановляется взаимная выдача преступниковъ и дезертировъ. Къ преступникамъ отнесены: лица, виновныя въ оскорбленіи величества—lite majesté—или въ государственной измѣнѣ; далѣе, лица виновныя, въ убійствѣ, въ разбоѣ, въ поджогѣ, въ подлогѣ, въ кражѣ, въ злостномъ банкротствѣ, въ ложномъ свидѣтельствѣ на судѣ и, наконецъ, въ поддѣлкѣ металлическихъ или бумажныхъ денегъ [3]. Съ Норвегіею заключена конвенція 7-го марта 1823 г., содержаніе которой тождественно съ содержаніемъ датско-шведской конвенціи [4]. Съ Россіею подписана конвенція 1866 г. [5], съ Бельгіею 25-го марта 1876 г. [6], съ Франціею 28 марта 1877 г. [7].

Швеція Конвенціи: упомянутая конвенція съ Даніею 1809 года; съ Россіею 20-го ноября 1810 года; статья 7 конвенціи стипулируетъ выдачу убійцъ, поджигателей, разбойниковъ и воровъ. Туземные же подданные судятся національными судами. Вмѣстѣ съ тѣмъ

---

1) См. Кальво, назв. мѣсто, § 1227.
2) Ibid. § 1244.
3) Ibid. § 1245.
4) Ibid.
5) Ibid.
6) Ibid.
7) Ibid. § 1228.

подтверждается выдача дезертировъ, допущенная шведско-русскими конвенціями 29-го октября 1798 и 13-го марта 1801 года [1]). Новая конвенція съ Россіею заключена 28-го мая 1828 г., данная конвенція признаетъ за договаривающимися сторонами право высылать изъ территоріальныхъ предѣловъ бѣжавшихъ изъ своей родины бродягъ, нищихъ и злоумышленниковъ, причемъ обратный пріемъ этихъ лицъ считается обязательнымъ [2]). Въ 1860 году 27-го сентября, заключена съ Россіею новая конвенція, по которой обязательный пріемъ лицъ поименованныхъ категорій не имѣетъ мѣста, если данныя лица занимали публичныя должности въ томъ государствѣ, куда они бѣжали. или занимались земледѣліемъ или какимъ либо ремесломъ или, наконецъ, въ случаѣ заключенія брака съ туземною подданною. Если же данныя лица бѣжали со своими семействами, то члены семействъ подвергаются также обратной высылкѣ на родину. Политическіе преступники не исключаются изъ этихъ постановленій [3]). Съ Бельгіею 28-го октября 1843 года; съ Нидерландами 1-го марта 1854 года; съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами 21-го марта 1860 г.; съ Португаліею 17 декабря 1863 г.; съ Италіею 20-го сентября 1869 г. [4]).

Россія. Конвенціи: вышеупомянутыя конвенціи съ Швеціею. Далѣе съ Пруссіею 1816 года (25-го мая) [5]); съ Пруссіею и съ Австріею 4-го января 1834 г. [6]);

[1]) См. Calvo: § 1246.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Всѣ эти конвенціи приведены у Кальво назг. мѣсто, § 1246.
[5]) См. выше въ рубрикѣ „Пруссія“.
[6]) См. Calro: § 1234.

содержаніе этой послѣдней конвенціи тождественно съ содержаніемъ конвенціи 1816 года. Въ 1857 году (8-го августа) продолжено дѣйствіе русско-прусской конвенціи 1816 года еще на 12 лѣтъ [1]). Въ октябрѣ 1866 г. заключена Россіею конвенція съ Даніею, въ апрѣлѣ 1867 г. съ Нидерландами. О политическихъ преступленіяхъ въ этихъ конвенціяхъ не упоминается. Съ Баваріею конвенція 1869 года: впервые исключаются политическіе преступники изъ постановленій о выдачѣ; впрочемъ цѣлая категорія политическихъ преступниковъ не пользуется данною привилегіею, а именно—цареубійцы. Съ Италіею конвенція 1871 г. [2]). Съ Швейцаріею 17-го ноября 1874 г.: признается исключеніе въ пользу политическихъ преступленій и, притомъ, не только въ пользу политическихъ преступленій въ тѣсномъ значеніи этого слова, но и по отношенію къ тѣмъ случаямъ, когда политическія преступленія соединены съ общими. Перечень правонарушеній, за которыя имѣетъ мѣсто выдача, отличается большою подробностью; сюда входятъ крупныя преступленія, каковы: отцеубійство, убійство и т. д., а также проступки, напр.: мошенничество, обманъ и пр. Съ Бельгіею конвенція, заключенная въ августѣ 1872 г. Съ Австріею конвенція 15-го октября 1874 года. Содержаніе этой послѣдней конвенціи сходно съ содержаніемъ русско-швейцарской конвенціи того же года [3]). Съ Испаніею конвенція 31-го марта (нов. ст.) 1877 г. [4]).

---

[1]) См. Bluntschli's Staatswörterbuch, статья Auslieferung Штрауха.

[2]) См. Fiore: Droit Pénal International, часть II, гл. II, стр. 330: Конвенція эта содержитъ исключеніе въ пользу политическихъ преступниковъ.

[3]) См. эти конвенціи у Кальво, § 1247.

[4]) См. Annuaire de l'Institut de Dr. Intern., troisiéme et quatrieme année томъ II, стр. 294.

Великобританія. Конвенціи: съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами 9-го августа 1842 г. [1]); съ Франціею 13-го февраля 1843 г. [2]). Въ послѣдней конвенціи постановляется выдача за слѣдующія преступленія: убійство, отцеубійство, дѣтоубійство, отравленіе, покушеніе на убійство, подлогъ и злостное банкротство. Въ первой конвенціи—за убійство, или нападеніе съ цѣлью совершить убійство, пиратство, поджогъ, разбой, подлогъ, а также за выпускъ въ обращеніе подложныхъ бумагъ [3]). Съ 1843 по 1852 годъ изъ 14 требованій выдачи преступниковъ, предъявленныхъ Франціею, Великобританія удовлетворила только одному. Причиною то́му послужили радикальныя различія внутреннихъ законодательныхъ нормъ обоихъ государствъ по разсматриваемому нами вопросу. Конвенція англо-французская 1843 г. молчитъ о политическихъ преступникахъ, но конвенція, заключенная между Англіею и Франціею въ 1852 г. (ст. 7), категорически воспрещаетъ выдачу этихъ лицъ. Списокъ преступныхъ дѣйствій, за совершеніе которыхъ выдача признается обязательною, значительно расширенъ сравнительно съ конвенціею 1843 года: до 20 случаевъ [4]). Съ 1852 по 1865 г. Франція потребовала выдачи семи бѣглыхъ преступниковъ, но получила семь отказовъ. Англія же, въ тотъ же промежутокъ времени, предъявила девять требованій, изъ нихъ шесть удовлетворены Франціею; два требованія не могли быть удовлетворены въ виду того, что не удалось разыскать преступниковъ; девятое-же требованіе относилось къ

---

[1]) См. Кальво, § 1250.
[2]) См. Clarke: The Law of Extradition, стр. 112.
[3]) Ibid. стр. 112, 113.
[4]) См. Кальво, § 1250.

лицу, обвиняемому въ злостномъ банкротствѣ; но данное лицо, до заарестованія, вошло въ соглашеніе со своими кредиторами. Франція отказала Англіи въ выдачѣ преступниковъ только въ трехъ случаяхъ: изъ нихъ два случая относились къ преступленіямъ, не предусмотрѣннымъ международнымъ договоромъ, а въ третьемъ случаѣ фигуровалъ французскій подданный [1]). Съ іюня мѣсяца 1866 г. по 1876 годъ между Англіею и Франціею не существовало договорныхъ отношеній по интересующему насъ вопросу. Въ 1876 году заключена новая конвенція между двумя данными державами (см. выше, въ рубрикѣ Франція). Съ Германскою Имперіею Англія заключила картельную конвенцію 14-го мая 1872 г.; съ Бельгіею 31-го іюля и съ Бразиліею 13-го ноября того-же года съ Италіею 5-го февраля 1873 г.; въ томъ же году, 31-го марта съ Даніею. 26-го іюня съ Швеціею и Норвегіею и 3-го декабря съ Австро-Венгріею; въ 1874 году: 31-го марта съ Швейцаріею и 19-го іюня съ Нидерландами; въ 1875 г. 12-го ноября съ Гондурасомъ: въ 1876 г.: 20-го мая съ Бельгіею и 14-го августа съ Франціею [2]). Съ Китаемъ Англія заключила двѣ картельныя конвенціи: 1) 8-го октября 1843 г. (traité de la Bogue); 2) 26-го іюня 1868 г. (Тіенцинская конвенція). Конвенціи эти имѣютъ въ виду предупредить наплывъ китайскихъ злоумышленниковъ въ англійскую колонію Конигъ-Комъ. Выдача должна имѣть мѣсто по отношенію къ лицамъ, совершившимъ преступленіе противъ общаго права и притомъ на китайской территоріи или на китайскомъ кораблѣ [3]).

---

1) См. Calvo; lac. cit., стр. 375, 376.
2) См перечень этихъ конвенцій у Calvo, loc. cit.. стр, 380.
3) Ibid. § 1254.

Аргентинская республика заключила четыре картельныя конвенціи: съ Бельгіею 1-го мая 1852 г., измѣненную 7-го октября 1868 г.; съ Уругвайскою республикою 14-го іюня 1865 г.; съ Италіею 25-го іюля 1868 г. и съ Чилійскою республикою 9-го іюля 1869 г. Аргентино-Боливійская конвенція признаетъ исключеніе въ пользу политическихъ преступниковъ. Національные подданные не выдаются. Невыдача политическихъ преступниковъ стипулируется также въ конвенціи аргентино-итальянской и аргентино-чилійской [1]).

Бразильская имперія. Конвенціи: 3-го ноября 1853 г. съ республикою Эквадоръ. Политическіе преступники и туземные подданные не выдаются. Дезертиры, какъ военные, такъ и морскіе подлежатъ выдачѣ. Лица, совершившія общія преступленія, выдаются только въ такомъ случаѣ, если правонарушеніе совершено въ территоріальныхъ предѣлахъ государства, требующаго выдачи. Съ Испаніею конвенція 16-го марта 1872 г. [2]).

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Первая картельная конвенція заключена съ Англіею (Jay's Treaty) въ 1794 году. Выдача постановляется за убійство и за подлогъ [3]). Съ 1806 по 1842 годъ не существовало никакой картельной конвенціи между двумя данными государствами. Въ 1842 году 3-го августа заключена новая картельная конвенція (Ashburton Treaty), которая повторяетъ стипуляціи первой конвенціи, расширивъ притомъ номенклатуру случаевъ выдачи. О политическихъ преступникахъ не упомянуто, но, пред-

---

[1]) См. Calvo; § 1255

[2]) См. Кальво; § 1256.

[3]) См. Clarke; The Law of Extradition, стр. 35.

ставляя конвенцію на разсмотрѣніе и одобреніе конгресса, президентъ Тайлеръ (Tyler) замѣтилъ, что номенклатура случаевъ выдачи имѣла въ виду признаніе исключенія по отношенію къ лицамъ, обвиняемымъ въ государственныхъ правонарушеніяхъ [1]) Съ Франціею Соединенные Штаты заключили въ Вашингтонѣ конвенцію 9-го ноября 1843 г.: конвенція содержитъ исключеніе въ пользу государственныхъ преступниковъ. Въ 1845 г. 24-го февраля конвенція 1843 года была расширена на новые случаи. Тоже имѣло мѣсто и въ конвенціи 10-го февраля 1858 г. [2]). Съ Пруссіею: конвенція 29-го апрѣля 1845 г. Постановлено, что туземные подданные не подлежатъ выдачѣ, а потому Сенатъ Соединенныхъ Штатовъ не ратификовалъ данной конвенціи. Сенатъ поступилъ такъ, имѣя въ виду отсутствіе взаимности. Дѣло въ томъ, что Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты не подвергаютъ наказанію національныхъ гражданъ за преступленія, совершенныя за границею, между тѣмъ какъ въ Пруссіи имѣетъ мѣсто обратное явленіе, вслѣдствіе чего произошло-бы отсутствіе взаимности, а также возникали бы затрудненія по поводу лицъ натурализованныхъ. Въ 1852 году, 16-го іюня, между Соединенными Штатами и Пруссіею заключена картельная конвенція въ Вашингтонѣ. Исключеніе въ пользу національныхъ подданныхъ признается данною конвенціею, но, въ отличіе отъ конвенціи 1845 г., упомянутый спорный пунктъ разрѣшенъ съ сохраненіемъ характера взаимности договорныхъ стипуляцій [3]). Съ Баваріею

---

[1]) См. Clarke; стр. 45—48.
[2]) Ibid. 48 51. Calvo, § 1228.
[3]) См. Calvo, § 1237.

конвенція 1853 г.; съ Австро-Венгріею 1856 г.; съ Баденомъ 1857 г.; съ Швеціею и Норвегію 1860 г. Конвенціи эти не допускаютъ выдачи туземныхъ подданныхъ. Конвенціи же: съ Швейцаріею 1850 г.; съ Венецуэлою 1861 г.; съ Италіею 1868 г. и съ республикою Никорагуа 1871 года умалчиваютъ объ этомъ вопросѣ [1]). Съ Бельгіею конвенція 1874 года 30-го апрѣля [2]). Съ Мексикою конвенція 23-го мая 1862 г.; признается исключеніе въ пользу туземныхъ подданныхъ; перечень правонарушеній, влекущихъ за собою выдачу—самый подробный сравнительно съ остальными сѣверо-американскими картельными конвенціями. Преступленія, совершенныя до ратификаціи конвенціи, не могутъ служить основаніемъ выдачи; тоже слѣдуетъ замѣтить по отношенію къ преступленіямъ политическимъ въ тѣсномъ смыслѣ. [3]).

---

[1]) См. Clarke: ств. 67—68.
[2]) См, Calvo: 1241.
[3]) Ibid. § 1239.

ГЛАВА II.

Признаніе юридическаго элемента въ вопросѣ о выдачѣ преступниковъ является спорнымъ пунктомъ въ доктринальной сферѣ международнаго права. Уже Пуфендорфъ не считаетъ выдачу преступниковъ юридическою обязанностью государствъ. Если-же бѣжавшій преступникъ продолжаетъ совершать преступныя дѣянія противъ того государства, изъ котораго онъ бѣжалъ, то выдача получаетъ юридическое основаніе [1]. Шмальцъ также отрицаетъ въ вопросѣ о выдачѣ преступниковъ характеръ юридической обязанности. Признаніе этого характера повлекло-бы за собою лишеніе людей невинныхъ, преслѣдуемыхъ деспотизмомъ, послѣдняго убѣжища [2]. Мартенсъ смотритъ на выдачу преступниковъ, какъ на актъ международной вѣжливости (comitas gentium). Строго-правовый характеръ имѣетъ мѣсто только при существованіи международныхъ договоровъ [3]. Клюберъ держится того же мнѣ-

[1] См. Pufendorf: Jus. nat. et dentium, L. VIII. c. 6, § 12.
[2] См. Schmalz: Europäisches Völkerrecht, стр. 158.
[3] См. Martens: Précis du droit des gens, стр. 184 и слѣд., а также: Causes célèbres etc., томъ I, стр. 21.

нія; онъ говоритъ: „Ни одно государство не обязано къ выдачѣ собственныхъ подданныхъ за преступленія, совершенныя на національной территоріи или внѣ территоріальныхъ предѣловъ... Государство такъ же не обязано, если оно не заключило международныхъ договоровъ, выдавать иностранцевъ другому государству за преступленія, совершенныя на территоріи даннаго государства или на территеріи другого государства“ [1]). Пинхейро-Феррейра находитъ, что ни одно правительство, ни одинъ народъ не въ правѣ отказать безвредному иностранцу (étranger inoffensif) въ дозволеніи свободнаго доступа въ территоріальные предѣлы. Иностранецъ имѣетъ право пользоваться всѣми тѣми правами, какими пользуются туземные подданные, а потому выдача иностранца его національной судебной власти было-бы нарушеніемъ права свободнаго повсемѣстнаго пребыванія, права, принадлежащаго иностранцу до тѣхъ поръ, пока онъ не посягаетъ на чужія права. Отсюда авторъ выводитъ, что выдача преступника должна имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда онъ добровольно и безповоротно отдалъ себя въ кабалу. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ потерпѣвшая сторона имѣетъ только право требовать удовлетворенія, которое должно быть дано подлежащими властями государства, служащаго убѣжищемъ для преступника. Судебная власть даннаго государства обязана при этомъ подвергнуть преступника суду и наказанію, но изгнаніе его или предоставленіе его на судъ другой юрисдикціи не должно быть дозволено [2]). Оппенгеймъ не

---

[1]) См. Klüber: Europäisches Völkerrecht, томъ I, § 66.
[2]) См. Pinheïro-Ferreira: Revue étrangère, томъ I, стр. 65, а также въ его: Cours de droit public, II, стр, 32, 33, 279.

признаетъ съ одной стороны выдачу преступниковъ естественною обязанностью государствъ, но, съ другой, по странной неконсеквентности, авторъ считаетъ обязательнымъ для государствъ заключеніе международныхъ договоровъ о выдачѣ преступниковъ; впрочемъ конвенціи должны быть заключаемы только съ тѣми государствами, которыя стоятъ на равномъ культурномъ уровнѣ [1]). Геффтеръ находитъ, что выдача или невыдача преступниковъ при отсутствіи конвенціи, есть дѣло совѣсти и политическихъ обстоятельствъ. Не существуетъ абсолютной обязанности выдавать преступниковъ, но не должно быть, съ другой стороны, исключеній, какъ въ пользу, такъ и противъ выдачи, обусловленныхъ родомъ преступленій [2]). Филлиморъ также не допускаетъ характера юридической обязанности въ выдачѣ бѣглыхъ злоумышленниковъ; рѣшеніе государства зависитъ отъ международной вѣжливости, а не отъ требованія права (matter of comity, not of right) [3]) Вульсэ выводитъ отсутствіе юридической обязанности въ выдачѣ преступниковъ изъ факта существованія множества картельныхъ конвенцій. Если заключено столько конвенцій по данному предмету, разсуждаетъ авторъ, то, стало быть, признаніе юридической обязанности не является общераспространеннымъ. А иначе, заключеніе картельныхъ конвенцій было бы актомъ безполезнымъ [4]). Траверсъ Туисъ также считаетъ выдачу обязательною только тогда если подписанъ

---

[1]) См. Oppenheim: Völkerrecht, стр. 192 и 382.

[2]) См. Heffter: das Europäisches Völkerrecht, изд. 6-ое, стр. 130, 131.

[3]) См. Phillimore: Commentaries upon International Law, томъ I, № 367.

[4]) См. Woolscy: International Law, § 79.

международный договоръ *). Къ этой же группѣ юристовъ слѣдуетъ причислить спеціальныхъ изслѣдователей по частному международному праву: Сторэ и Феликсъ (Story: Conflict of Laws, 2-ое изд., стр. 516 и слѣд.; Foelix: Droit International Privé, стр. 579). Изъ монографій, посвященныхъ занимающему насъ вопросу и проникнутыхъ тѣмъ же взглядомъ о необязательности выдачи, мы укажемъ на книгу Клуита (Provo Kluit: De deditione profugorum, 1839). Авторъ утверждаетъ, что каждое государство имѣетъ безспорное право давать убѣжище преступнымъ бѣглецамъ, а потому государство, изъ предѣловъ котораго бѣжалъ преступникъ, можетъ только предъявить просьбу о выдачѣ, а не требованіе. Государство, служащее убѣжищемъ, не обязано юридически удовлетворить данной просьбѣ, ибо на немъ не лежитъ обязанности охранять чужой правовой порядокъ и оказывать ему содѣйствіе; впрочемъ авторъ признаетъ существованіе нравственной обязанности по отношенію къ такимъ правонарушеніямъ, которыя отличаются универсальною наказуемостью. Авторъ безусловно противится выдачѣ за маловажныя правонарушенія, а также за правонарушенія государственныя и церковныя.

Переходя ко второй группѣ писателей, т. е. къ писателямъ, признающимъ выдачу преступниковъ юридически обязательною, мы укажемъ прежде всего на отца международнаго права—Гуго Гроція.

Гуго Гроцій находитъ, что каждое государство обязано или выдать требуемаго преступника, или же подвергнуть его наказанію. Установился обычай, продолжаетъ авторъ, требовать выдачи только за нарушенія, направленныя.

---

*) См. Travers Twiss; The Law of Nations, часть 1, § 222.

противъ государственнаго строя, или-же за особенно тяжкія преступленія. Если-же государство, служащее убѣжищемъ для преступника, откажетъ въ выдачѣ, то оно должно считаться соучастникомъ въ преступленіи. Гроцій не признаетъ за преступникомъ права на убѣжище [1]). Того-же мнѣнія держатся Бурламаки [2]) и Рутефортъ [3]). Ваттель также признаетъ выдачу преступниковъ юридически-обязательною, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда совершены крупныя общія преступленія, каковы: убійство, отравленіе, поджогъ, морской разбой. Подобныхъ преступниковъ, а также рецидивистовъ, слѣдуетъ считать врагами всего человѣчества. Такіе индивиды подлежатъ суду всякаго захватившаго ихъ; впрочемъ преимущественное право суда и наказанія надо признать за тѣмъ государствомъ, которому непосредственно нанесенъ ущербъ. Государство не выдающее и само не наказывающее преступниковъ является соучастникомъ въ преступленіи [4]). Кэнтъ также очень энергично высказывается за признаніе юридическаго элемента въ вопросѣ о выдачѣ преступниковъ [5]). Къ данной группѣ писателей присоединяется и Корнваль Люисъ [6]). Онъ, собственно говоря, не утверждаетъ, что существуетъ юридическая обязанность, но онъ приводитъ массу самыхъ вѣскихъ мотивовъ въ пользу цѣлесообразности выдачи; сюда относятся: значительно большая вѣроятность раскрытія истины и справедливости приговора, если дѣло бу-

[1]) См. Grotius: Le droit de la Guerre et de la paix, перев. Pradier Fodéré книга II, гл. 21.
[2]) См. Burlamaque: Du droit naturel, томъ II, ч. IV, гл. 3, § 23.
[3]) См. Rutherforth. Institutes of natural law, т. II, стр. 12.
[4]) См. Vattel: Le Droit des geus, книга II, глава VI § 76.
[5]) См. Kent: Cammentaries etc., изд. 1854 года, стр. 40.
[6]) Cornwall Lervis: Foreign jurisdiction, стр. 31.

детъ разбираться территоріальною юрисдикціею. Въ концѣ концовъ каждый безпристрастный читатель изъ чтенія автора выноситъ убѣжденіе, что выдача преступниковъ имѣетъ юридическое основаніе, а не вытекаетъ только изъ международной вѣжливости (comity). Фіоре считаетъ территоріальнаго судью естественнымъ судьею (juge naturel) бѣжавшаго преступника, а потому выдача преступниковъ территоріальной юрисдикціи должна-бы, по мнѣнію автора, считаться обязанностью, помимо картельныхъ конвенцій [1]).

Наконецъ существуетъ третья группа писателей, мнѣніе которыхъ представляетъ средину между двумя крайними теоріями. Къ этой послѣдней группѣ принадлежатъ слѣдующіе писатели: Блунчли [2]); Блунчли указываетъ на основанія, которыми можно оправдать выдачу преступниковъ и видитъ эти основанія въ нравственной обязанности одного государства содѣйствовать другому для достиженія цѣли правосудія и для борьбы противъ всеобщаго распространенія зла—contre l'ubiquité du mal—какъ выразился французскій министръ Руэ (Rouher) въ засѣданіи 4-го марта 1866 года Законодательнаго Корпуса. Нѣтъ и не должно быть ни безусловнаго права убѣжища (ein unbeschrenktes Asyl), ни безусловной обязанности (absolute Auslieferungspflicht) выдавать преступниковъ. Гдѣ нѣтъ трактатовъ, тамъ рѣшаетъ дѣло усмотрѣніе государства, давшаго убѣжище, при соблюденіи и соображеніи общихъ правовыхъ началъ. Но эти общія правовыя начала до сихъ поръ не признаются всѣми въ равной

---

[1]) См. Pasquale Fiore: Traité de droit pénal international, переводъ Charles Antoine; томъ II, стр. 459—465.
[2]) Bluntschli: das moderne Völkerrecht, nº 395.

степени, а потому все сводится въ концѣ концовъ къ усмотрѣнію того государства, въ предѣлы котораго бѣжалъ преступникъ. Но слѣдуетъ считать постепенное признаніе всѣмъ цивилизованнымъ миромъ нѣкоторыхъ коренныхъ началъ и тогда будетъ ограниченъ произволъ отдѣльныхъ государствъ. б) Faustin Hélie считаетъ обязанностью государства содѣйствовать осуществленію общихъ правовыхъ началъ, а неизбѣжность наказанія онъ считаетъ согласнымъ съ общегосударственнымъ интересомъ. Но, тѣмъ не менѣе, обязанность выдавать преступниковъ онъ не признаетъ за строго-юридическую, а смотритъ на нее какъ на добровольное участіе въ обезпеченіи общаго правоваго порядка [1]. Кальво замѣчаетъ, что хотя нельзя считать актъ выдачи преступниковъ обязанность stricti juris, но, что, все таки, данному акту слѣдуетъ приписать значеніе обязанности, относящейся къ области общественной нравственности [2] Кларкъ (Clarke) утверждаетъ, что выдача бѣглыхъ злоумышленниковъ есть международная обязанность (international duty). Впрочемъ строго-юридическій элементъ этого акта не обнаруживается настолько, чтобъ отказъ въ несовершеніи его могъ повлечь за собою объявленіе войны. Подобный отказъ является, тѣмъ не менѣе, столь вреднымъ для отказывающаго государства и для цѣлаго міра (to the whole world), что за нимъ должно признать характеръ нарушенія нравственныхъ обязанностей существующихъ между цивилизованными государствами [3]. Билльо (Billot) находитъ, что отсутствіе строго юридическаго

[1]) См. Faustin Hélie: Traité de l'instruction criminelle, томъ II, стр. 661—667.
[2]) См. Calvo: opcit, томъ II, § 1221.
[3]) См. Clarke: The Law of Extradition, изд. 2. 1874 г., стр. 14.

элемента въ актѣ выдачи преступниковъ вытекаетъ изъ того факта, что данный актъ есть всегда слѣдствіе международнаго договора, а для дѣйствительности всякаго договора требуется свободное согласіе сторонъ. Но, продолжаетъ авторъ, хотя актъ выдачи преступниковъ не вытекаетъ изъ jus strictum, слѣдуетъ тѣмъ не менѣе признать существованіе обязанности не дозволять безнаказаннаго нарушенія нравственнаго закона (la loi morale), обязанности, лежащей на всякомъ благоустроенномъ государствѣ *).

*) См. Billot. Traité de l'Extradition, стр. 33.

ГЛАВА III.

Древній міръ не зналъ международнаго права, такъ какъ древнему міру было чуждо понятіе о юридической связи, соединяющей членовъ международнаго союза, субъектовъ международнаго права. Война считалась естественнымъ состояніемъ въ междугосударственныхъ отношеніяхъ. Только при существованіи международнаго договора, признавалось существованіе правоотношеній; гдѣ не было договора, господствовала грубая сила. А потому не существовало и частнаго международнаго права, а были единственно зародыши онаго. Вслѣдствіе чего и институтъ выдачи преступниковъ не могъ получить въ тѣ времена никакого развитія и приведенные въ первой главѣ примѣры выставлены нами именно съ цѣлью болѣе наглядно доказать, въ какомъ младенческомъ состояніи находился интересующій насъ вопросъ въ тѣ времена, сравнительно съ всестороннимъ его развитіемъ въ наше время. Да и вообще, чтобы основательно ознакомиться съ какимъ бы то ни было научнымъ вопросомъ, необходимо прослѣдить процессъ его историческаго движенія. Единственное извѣстное намъ исключеніе изъ эпохи древняго міра составляетъ

приведенный трактатъ между фараономъ и княземъ хетскимъ. Внѣшнимъ выраженіемъ идеи безправности, царствовавшей въ умахъ древняго міра, было рабство, основаніемъ котораго римскіе юристы видѣли въ jus gentium, хотя и признавали данный институтъ противнымъ человѣческой природѣ [1]). Рабство и было одною изъ главныхъ причинъ паденія древняго міра, въ частности Римской имперіи, и выступленія на сцену всемірной исторіи новыхъ дѣятелей — варваровъ. Варвары наносятъ смертельный ударъ идеѣ безправія и грубой силы, господствовавшей въ древнемъ мірѣ; они вводятъ новый элементъ въ жизнь народовъ—принципъ индивидуальности. Индивидуализмъ германцевъ, какъ принципъ совершенно отличный отъ всепоглощающаго единства древнихъ народовъ, соединеннаго съ принципіальнымъ исключеніемъ изъ юридической сферы тѣхъ лицъ, которыя не принадлежали къ туземнымъ подданнымъ, или не были гражданами даннаго государства, представляетъ собою важнѣйшій элементъ прогрессивнаго развитія человѣчества. Уваженіе къ человѣческой индивидуальности, къ личности человѣка, какъ человѣка, только потому, что онъ человѣкъ, независимо отъ національности и подданства,—вотъ въ чемъ заключается великій принципъ индивидуализма. Перенесите этотъ принципъ изъ области внутреннихъ законодательныхъ нормъ въ сферу отношеній международныхъ; примѣните этотъ принципъ къ коллективнымъ личностямъ, къ государствамъ, и вы получите суверенность, независимость, свободу, самостоятельность государствъ, субъектовъ международнаго права, а принципъ суверенности государствъ есть не-

[1]) См. Florentinus. l. 4, § 1, D. 1, 5; „Servitus est constitutio juris gentium, quo quis dominio alieno contra naturam subjicitur".

обходимое условіе существованія международнаго права — это субъективный принципъ международнаго права. Такой переносъ изъ области внутренно-законодательной въ область международную ясно выраженъ и прекрасно формулированъ въ знаменитой деклараціи правъ человѣка и гражданина. Національное собраніе торжественно объявляетъ:

1) „Что оно смотритъ на весь родъ человѣческій, какъ на единое общеніе, имѣющее своею цѣлью миръ и счастье всѣхъ членовъ общенія и каждаго въ отдѣльности;

2) „Что въ этомъ великомъ общеніи народы и государства пользуются тѣми же естественными правами и подчинены тѣмъ же правиламъ справедливости, которыми пользуются и которымъ подчинены частныя лица въ отдѣльныхъ общественныхъ союзахъ;

3) Что, поэтому, ни одинъ народъ не имѣетъ права посягать на собственность другого народа, или же лишать его свободы и естественныхъ его выгодъ;

4) Что всякая война, возникшая не для защиты справедливаго права (un droit juste), а для какой либо иной цѣли, есть актъ насилія, въ устраненіи которой заинтересовано великое общеніе (la *grande société*), ибо нашествіе въ предѣлы чужаго государства угрожаетъ свободѣ и безопасности всѣхъ остальныхъ государствъ;

„По этой причинѣ Національное Собраніе декретируетъ въ видѣ статьи конституціи слѣдующее: Французская нація съ даннаго момента считаетъ недозволеннымъ объявленіе войны съ цѣлью территоріальнаго увеличенія [1]."

---

[1]) См. Laurent: Etudes sur l'histoire de l'humanitè томъ XV, стр. 68 и слѣд.; а также Le Droit civil international, того-же автора томъ I, стр. 629.

Но субъективный принципъ международнаго права, признаніе котораго государствами необходимо для существованія международнаго права, недостаточенъ для достиженія полнаго развитія данной отрасли права. Для этого обязательно долженъ быть допущенъ второй коренной принципъ международнаго права—объективный принципъ.

Объективный принципъ международнаго права былъ такъ же чуждъ древнему міру, какъ и принципъ субъективный. Государства древняго міра жили жизнью изолированною, не интересуясь жизнью другихъ народовъ, степенью ихъ развитія и т. д. Каждое отдѣльное государство считалось совершеннѣйшею формою общежитія, а потому и признавалось безполезнымъ содѣйствовать общенію съ другими государствами. Государство считалось конечною цѣлью всѣхъ низшихъ формъ человѣческаго общенія [1]). Въ средніе вѣка изолированности государствъ былъ положенъ конецъ торговыми сношеніями, установленными итальянскими республиками, но, тѣмъ не менѣе, при господствѣ политики исключительныхъ интересовъ, объективный принципъ международнаго права не могъ получить развитія. Декларація 28 февраля 1780 года и Парижская декларація 16 апрѣля 1856 года являются блестящими санкціями объективнаго принципа международнаго права, къ развитію и формулировкѣ котораго мы и приступимъ. Разсматривая человѣчество съ исторической точки зрѣнія, мы замѣчаемъ, что люди прежде всего, образуютъ семейный союзъ, ибо, какъ замѣчаетъ Аристотель, „прежде всего необходимо соединятся между собою то, что не можетъ существовать одно безъ другаго“: такъ жен-

---

[1]) См. Аристотель: Политика, пер. Скворцова, кн. I, гл. I, стр. 8.

щина соединяется съ мужчиною“, продолжаетъ авторъ, съ цѣлью рожденія и это соединеніе бываетъ понятно не по разсчету: напротивъ, въ человѣкѣ, какъ въ другихъ животныхъ и растеніяхъ, есть природное стремленіе оставить послѣ себя особь подобную себѣ [1])“. Союзъ семейный уже порождаетъ извѣстныя юридическія связи между своими членами и имѣетъ своею цѣлью, какъ справедливо замѣчаетъ В. Даневскій [2]), достиженіе различныхъ матеріальныхъ интересовъ, при большей или меньшей нравственно-религіозной подкладкѣ и окраскѣ этого союза. Семейный союзъ, какъ и прочіе, слѣдующіе, высшіе человѣческіе союзы, основывается людьми безсознательно, ибо человѣку врождено стремленіе къ обществу, къ общенію съ другими людьми. (Это стремленіе къ жизни въ общеніи съ другими людьми названо Гуго Гроціемъ appetitus societatis... Человѣкъ, говоритъ Аристотель, „есть существо болѣе общественное, нежели пчелы и всѣ прочія животныя, живущія стадами, что“, продолжаетъ авторъ, „находитъ себѣ подтвержденіе въ природѣ всего созданнаго: если природа не производитъ ничего безъ цѣли, то не даромъ одинъ только человѣкъ между всѣми животными обладаетъ словомъ. Голосъ вообще служитъ лишь для выраженія печали и радости, посему его имѣютъ и другія животныя, ибо природа животныхъ развита до такой степени, что онѣ способны ощущать печаль и радость и свои ощущенія передавать другъ другу. А слова служатъ для того, чтобы высказывать, что полезно и что вредно, и также что справедливо и что несправедливо. Отъ прочихъ

---

[1]) См. Аристотель op. cit, кн. I. гл. I, стр. 3.
[2]) См. В. Даневскій Историческій Очеркъ Нейтралитета Москва 1879 г. стр. 375.

животныхъ человѣкъ отличается именно тѣмъ, что имѣетъ сознаніе о добрѣ и злѣ, о справедливомъ и не справедливомъ и о другомъ подобномъ. Итакъ, вслѣдствіе общенія людей мужду собою, сперва образуется семья, а потомъ государство“ [1]). Образованіе семейнаго союза, а также и слѣдуюшихъ затѣмъ союзовъ—рода, далѣе племени,—происходитъ вслѣдствіе инстинктивно чувствуемой человѣкомъ необходимости соединенія съ другими людьми для восполненія пробѣловъ, присущихъ природѣ отдѣльнаго лица. Человѣкъ рождается на свѣтъ вполнѣ немощнымъ, такъ что даже первоначальное продолженіе его существованія невозможно безъ содѣйствія ему подобныхъ. Затѣмъ и все дальнѣйшее существованіе человѣка находится въ зависимости отъ чужихъ услугъ. Изъ этой зависимости и рождается общественность, такъ что даже въ странахъ, населенныхъ бродячими племенами, въ виду ограниченности силъ человѣческихъ, являются соединенія лицъ, различные союзы лицъ. Такъ мы видимъ звѣролова или рыболова въ семьѣ или съ товарищами, слѣдовательно въ союзѣ съ другими людьми. Вступая въ союзы съ другими людьми, человѣкъ совершенствуется, возвышается умственный его уровень, потребности его увеличиваются и видоизмѣняются, силы и способности человѣческія растутъ. Первымъ, низшимъ союзомъ является, какъ уже было указано нами, союзъ семейный, но, съ прогрессивнымъ движеніемъ историческихъ фактовъ, данный союзъ оказывается недостаточнымъ, онъ уже не можетъ удовлетворять новымъ потребностямъ, потребностямъ высшимъ, потребностямъ болѣе культурнымъ. Да и самая защита отъ окружающей среды, какъ одна изъ цѣлей семей-

[1]) Аристотель, назв. соч., кн. I, гл. I, стр. 9.

наго союза, не вполнѣ достижима. Отсюда дальнѣйшее соединеніе людей—родъ. Далѣе—племя. Наконецъ, однимъ изъ высшихъ союзовъ человѣческихъ является государство, которое болѣе и полнѣе всѣхъ предъидущихъ человѣческихъ союзовъ удовлетворяетъ потребностямъ человѣческой природы. И такъ, цѣль государства, какъ и всѣхъ прочихъ человѣческихъ союзовъ, состоитъ въ томъ, чтобы развивать силы и способности человѣка, чтобы удовлетворять его потребностямъ. Но союзы менѣе сложные, болѣе примитивные, не доходятъ ни до той экстенсивности, ни до той интенсивности, до которыхъ доходитъ государство при удовлетвореніи какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ потребностей человѣка, при чемъ эти двѣ категоріи потребностей подлежатъ параллельному удовлетворенію. Всякая односторонность въ этомъ отношеніи явилась бы, по нашему мнѣнію, искаженіемъ природы человѣка, какъ существа духовно-физическаго *). Но мы не раздѣляемъ мнѣнія Аристотеля, утверждающаго, что государство есть совершеннѣйшая форма человѣческаго общежитія, въ которой можетъ быть достигнута высшая степень благосостоянія („Политика", стр. 8). Существуетъ высшій человѣческій союзъ, высшая форма общенія—это союзъ международный. Только въ этомъ союзѣ, только въ международномъ правовомъ общеніи можетъ быть достигнуто полное удовлетвореніе человѣческихъ потребностей и всестороннее развитіе силъ и способностей человѣка. Нормальное существованіе международнаго права, правильное его развитіе немыслимо при непризнаніи принципа международнаго правоваго общенія, при не-

---

*) Ср. нашъ трудъ: Изслѣдованіе о военной контрабандѣ. С.-Петербургъ, 1881 г., стр. 165.

признаніи юридическаго характера союза международнаго. Признаніе это не въ томъ должно заключаться, чтобъ допустить необходимость безразличія и идеальной неподвижности интернаціональнаго правоваго порядка, о которыхъ мечталъ Цицеронъ *). Мысль Цицерона задерживаетъ всякіе культурные успѣхи и убиваетъ идею прогресса, ибо если признать существованіе естественнаго права (jus naturale, droit naturel, Naturrecht), въ смыслѣ вѣчно-юнаго, вѣчно-годнаго, вѣчно-свѣжаго, вѣчно-истиннаго образца, образца независимаго отъ времени и пространства, отъ случая и произвола, то слѣдуетъ одновременно признать нормальность косности, застоя. Да сохранитъ насъ Богъ отъ китайской политической философіи! Не въ этомъ радикально-ложномъ и антицивилизаціонномъ идеалѣ Цицерона состоитъ объективный принципъ международнаго права—принципъ международнаго правоваго общенія. „Принципъ международнаго правоваго общенія", справедливо замѣчаетъ В. Даневскій, „есть результатъ историческаго развитія государствъ и международнаго союза. Такъ какъ личность человѣка, его природа не находятся въ состояніи status quo, а постоянно развивается, дополняется, измѣняется и совершенствуется, то и союзы человѣческіе, удовлетворяя различнымъ способностямъ и потребностямъ той человѣческой природы, шествуютъ вмѣстѣ съ нимъ по этому пути историческаго прогресса. Потому и нормы права, связующія тѣ союзы между собою и съ союзами высшими, видоизмѣняются и совершенствуются. Другими словами—

---

*) См. Cicero: De Republica, III, 22, „Nec erit alia lexRomae, alia Athenis; alia nunc, alia posthac, sed et omnes gentes et' omni tempore una lex et sempiterna et immutabilis continebit".

принципъ международнаго правоваго общенія терпитъ историческія измѣненія. То, что можетъ удовлетворять одному вѣку, одному состоянію членовъ союза, не будетъ уже удовлетворять послѣдующему времени, новымъ потребностямъ союза и отдѣльныхъ его членовъ" [1]). Но, далѣе: принципъ международнаго правоваго общенія не слѣдуетъ понимать въ значеніи юридической обязательности признанія союза, причемъ имѣло бы мѣсто большее или меньшее нарушеніе суверенности отдѣльныхъ членовъ союза. Между объективнымъ и субъективнымъ принципами международнаго права должна существоовать полная гармонія. Преобладаніе того или другого изъ данныхъ двухъ принциповъ губитъ нормальный процессъ развитія международнаго права. Такъ, если принципъ объективный беретъ верхъ, то происходитъ незаконное вмѣшательство во внутреннія дѣла свободныхъ, независимыхъ государствъ, что имѣло мѣсто въ эпоху конгрессовъ въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ. Если же исключительное развитіе получаетъ принципъ субъективный, то имѣетъ мѣсто господство эгоистической, антисолидарной политики, политики, которая ищетъ блага государствъ не въ солидарности интересовъ, не въ гармоническомъ ихъ сочетаніи, а въ противоположеніи однихъ интересовъ другимъ, въ противоположеніи непримиримомъ, доходящимъ до необходимости поглощенія однихъ интересовъ другими. Это совершилось между прочимъ съ особенною силою въ концѣ шестнадцатаго столѣтія и въ началѣ семнадцатаго, когда въ отношеніяхъ междугосударственныхъ духъ меркантильной системы пріобрѣтаетъ первенствующее положеніе. Объ-

---

[1]) См. В. Даневскій: „Историческій Очеркъ нейтралитета", стр. 354.

ективный принципъ международнаго права заключается въ томъ, что мы признаемъ за союзомъ, членами котораго состоятъ субъекты международнаго права, т. е. за союзомъ международнымъ, значеніе юридическое, значеніе строго-правовое, а не только характеръ основанный на требованіяхъ справедливости или международной вѣжливости (comitas nationum) *). Мы находимъ, что обязанности, вытекающія изъ признанія союза международнаго, принадлежатъ къ разряду obligationes juris. Въ самомъ дѣлѣ, съ какою цѣлью образуется союзъ международный? или, другими словами, съ какою цѣлью отдѣльныя государства вступаютъ въ жизнь международную? Цѣль таже, что и при образованіи другихъ, низшихъ союзовъ, т. е. союза семейнаго, далѣе рода, племени и, наконецъ, государства: Человѣчество чувствуетъ безсиліе единичнаго лица и, для пополненія недостатковъ индивидуальной природы, соединяется въ различныя общенія. Высшимъ человѣческимъ общеніемъ, союзомъ мы считаемъ союзъ международный, который долженъ удовлетворять высшимъ потребностямъ человѣка и развивать высшія человѣческія силы и способности. Мы находимъ, что за этимъ высшимъ человѣческимъ союзомъ долженъ быть признанъ такой же строго-правовой характеръ, какъ и въ отношеніяхъ внутренняго публичнаго права. Государства, входящія въ составъ международнаго союза, должны быть признаны состоящими въ связяхъ юридическихъ. Если же считать нормы, соединяющія субъектовъ международнаго права и не вытекающія изъ международныхъ договоровъ,

*) Это послѣднее мнѣніе принадлежитъ Гуго Гроцію, Филлимору и др. См. Grotius: De jure belli et pacis, Proleg; Phillimore, Commentaries etc, т. I стр. 160 и слѣд.

или же изъ международно-правовыхъ аксіомальныхъ юридическихъ принциповъ, отличающихся универсальнымъ признаніемъ,—совокупностью началъ международной этики и вѣжливости (comitas nationum), то, лишая юридической санкціи союзъ международный, мы приравниваемъ его къ духовно-нравственной ассоціаціи, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ вопросахъ, которые не урегулированы трактатами или не пользуются аксіомальною общепризнанностью. А между тѣмъ такое воззрѣніе на союзъ международный грѣшитъ противъ элементарныхъ требованій логики. За всѣми низшими союзами признается характеръ строго-юридическій, а за высшею формою человѣческаго общежитія характеръ правовой признается только въ видѣ исключенія, т. е. если дѣло идетъ о международно-договорныхъ пунктахъ, или же объ азбучныхъ и универсально-допускаемыхъ истинахъ международнаго права. Цѣль вступленія въ союзъ международный таже, какъ выше было замѣчено, которая имѣется въ виду при формаціи всѣхъ предшествующихъ союзовъ. Государство является высшимъ изъ этихъ предшествующихъ союзовъ. За государствомъ признается всѣми элементъ юридической санкціи, а за союзомъ международнымъ юридическая санкція признается только въ видѣ исключенія! Изъ данныхъ двухъ союзовъ высшимъ является союзъ международный; онъ стоитъ выше государства и экстенсивно и интенсивно. Экстенсивно—ибо союзъ международный соединяетъ множество государствъ—членовъ союза. Интенсивно потому, что, представляя собою самую сложную, самую развитую, самую совершенную форму человѣческаго общенія, онъ удовлетворяетъ высшимъ потребностямъ человѣческой природы и развиваетъ высшія человѣческія силы и способности. От-

дѣльныя государства не могутъ достигнуть всесторонняго развитія человѣческой природы, а между тѣмъ вѣдь съ этою цѣлью и соединяются люди въ государства. Отдѣльныя государства, отказываясь отъ союза международнаго, доходятъ до состоянія политическихъ мумій. Признавая же существованіе юридическаго элемента во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ международнаго союза только въ видѣ исключенія, мы отказываемся отъ полнаго достиженія союзомъ международнымъ цѣлей его образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣльныя государства, члены союза, не будутъ вполнѣ осуществлять своей задачи, тождественной съ задачею союза международнаго, т. е. развитіе духовно-физической природы человѣка. И такъ, за союзомъ международнымъ необходимо признать значеніе строго-правовое въ видѣ общаго правила, а не въ видѣ исключенія. При такомъ взглядѣ на союзъ международный, вопросъ о томъ, имѣетъ-ли выдача преступниковъ основаніе строго-юридическое, или-же только справедливо-вѣжливое (comitas gentium), разрѣшается легко. Общее правило: Союзъ международный долженъ имѣть строго-юридическую окраску. Comitas gentium является исключеніемъ. Въ какихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто исключеніе? Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда примѣненіе общаго нарушитъ гармонію между субъективнымъ и объективнымъ принципами международнаго права. Выдача-же преступниковъ не нарушаетъ этой гармоніи, наоборотъ, невыдача, или отрицаніе юридической обязанности выдавать преступниковъ непремѣнно нарушаетъ объективный принципъ международнаго права, давая чрезмѣрное преобладаніе принципу субъективному, т. е. въ концѣ концовъ нарушаетъ гармонію, которая должна существовать между данными двумя

принципами. Въ самомъ дѣлѣ! Признавая выдачу преступниковъ юридически-обязательною, мы выходимъ изъ объективнаго принципа международнаго права. Мы утверждаемъ, что государства соеиняются въ союзъ международный во имя солидарности интересовъ, возникающей изъ общности культурныхъ цѣлей, недостижимыхъ единичными усиліями отдѣльныхъ членовъ союза. Но солидарность интересовъ наиболѣе ярко обнаруживается въ союзномъ преслѣдованіи того, что одинаково вредно для всѣхъ членовъ союза. А однимъ изъ самыхъ вредныхъ элементовъ въ жизни государственной является преступность. Преступные дѣятели и должны служить объектомъ общегосударственнаго преслѣдованія. Выдавая преступниковъ другому и считая такую выдачу юридически-обязательною, государства облегчаютъ другъ другу достиженіе общекультурныхъ цѣлей, лежащихъ въ основаніи всякаго человѣческаго общенія и въ особенности союзовъ высшихъ. Нарушеніе субъективнаго принципа международнаго права имѣло-бы мѣсто только въ томъ случаѣ, еслибы государство, изъ территоріальныхъ предѣловъ котораго бѣжалъ преступникъ, явилось съ вооруженною силою на чужую территорію и совершило бы такимъ образомъ актъ грубаго насилія безъ всякаго предварительнаго формальнаго требованія. Но принципъ объективный международнаго права терпитъ ущербъ отъ непризнанія субъектами международнаго права юридической обязательности выдачи преступниковъ, ибо если отдѣльныя государства, члены международнаго союза, только платонически признаютъ солидарность интересовъ, связующихъ ихъ въ одинъ союзъ, солидарность вытекающую изъ общности культурныхъ задачъ, полное осуществленіе которыхъ немыслимо безъ взаимнаго

содѣйствія членовъ союза международнаго, а на дѣлѣ не помогаютъ другъ другу въ вопросѣ такой всеобъемлющей важности, какъ выдача преступниковъ, то принципу международнаго правоваго общенія наносится смертельный ударъ, причемъ данный принципъ теряетъ всякую силу и превращается въ пустой звукъ, въ трескучую, но безсодержательную фразу, въ красивую вывѣску;—а съ нарушеніемъ гармоніи между двумя основными принципами международнаго права, нарушается и правильный, нормальный ходъ развитія международнаго права; международное право вступаетъ въ состояніе шаткости, неопредѣленности, международный союзъ разстраивается, приходитъ въ болѣзненное состояніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ страдаютъ и интересы цивилизаціи.

ГЛАВА IV.

Почти всѣми государствами признано правило о невыдачѣ собственныхъ подданныхъ, совершившихъ преступленіе заграницею. Исключеніе представляютъ Англія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, не допускающіе даннаго правила. Во многихъ государствахъ выдача собственныхъ подданныхъ воспрещена даже закономъ. Такъ, статья 30 второй части баварскаго уголовнаго кодекса гласитъ: „Ни одинъ баварскій подданный не можетъ быть выданъ иностранному государству для суда и наказанія". Тоже постановляютъ слѣдующія законодательства:

Австрійское (уголовн. кодексъ, ст. 36) [1]; германское (уголовн. код. § 97) [2]; виртембергское (ст. 6), ольденбургское (ст. 201); брауншвейгское (ст. 506), баденская конституція (§§ 13 и 15) [3], бельгійскій законъ 1874 г. [4]; итальянская конституція

---

[1] См. Fiore; Dr. Penal Intern., стр. 530.
[2] Тамъ же.
[3] См. Billot; op. cit., стр. 73.—Calvo; op. cit., томъ II, § 1255.
[4] См. Fiore, стр. 530.

(ст. 26) [1]). Въ Швейцаріи статья 192 федеральнаго закона 24 іюля 1852 г. содержитъ постановленіе о невыдачѣ туземныхъ подданныхъ отдѣльными кантонами, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы данный кантонъ принялъ на себя обязанность предать требуемыхъ злоумышленниковъ суду и наказанію, согласно мѣстнымъ, кантональнымъ законамъ [2]).

Во Франціи принципъ невыдачи собственныхъ подданныхъ провозглашенъ циркуляромъ министра юстиціи къ генеральнымъ прокурорамъ отъ 8 апрѣля 1841 г., въ которомъ сказано: „Выдача преступниковъ представляетъ нѣкоторыя исключенія, отчетливое знаніе которыхъ является необходимымъ. Прежде всего державы не выдаютъ національныхъ подданныхъ; отсюда вытекаетъ, что Франція можетъ только требовать выдачи француза или иностранца, бѣжавшаго въ страну, подданнымъ или гражданиномъ которой онъ не состоитъ [3]).“ Великобританія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, какъ мы выше замѣтили, не считаютъ себя связанными даннымъ правиломъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда оно вошло въ составъ международнаго договора. Въ картельныхъ конвенціяхъ 1843 г. заключенной между Англіею и Франціею и 1855 г. подписанной Англіею и Швейцаріею не упоминается объ исключеніи въ пользу туземныхъ подданныхъ. Но впослѣдствіи Англія должна была согласиться признать данное исключеніе. Это имѣло мѣсто въ англо-французской картельной конвенціи 1852 г., въ конвенціи англо-датской 1862 г.; далѣе въ слѣдующихъ кар-

---

[1]) Тамъ же.
[2]) См. Calvo, § 1255.
[3]) См. Billot, стр. 72.

4

тельныхъ конвенціяхъ: 1872 г. (Англія и Германія), того же года съ Бельгіею, 1873 г. (Англія и Италія), 1874 г. съ Австріею [1]). Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты включили разсматриваемое исключеніе въ прусско-американскую картельную конвенцію 1845 года. Это было сдѣлано по настоянію Пруссіи. Но американскій сенатъ отказалъ въ ратификаціи конвенціи. Впослѣдствіи Соединенные Штаты должны были согласиться съ невозможностью для Пруссіи и для другихъ Сѣверо-Германскихъ правительствъ выдавать собственныхъ подданныхъ, въ виду недозволенности даннаго акта съ точки зрѣнія внутренно-законодательной. Въ 1852 году между Соединенными Штатами и Пруссіею исключеніе въ пользу туземныхъ подданныхъ допущено, но при этомъ за Соединенными Штатами признается право выдавать собственныхъ подданныхъ. Тоже постановленіе встрѣчается въ слѣдующихъ картельныхъ конвенціяхъ: 1853 г. (Соединенные Штаты и Баварія), 1856 года (Соединенные Штаты и Австрія), 1857 г. (Соединенные Штаты и великое герцогство Баденское), 1860 г. (Соединенные Штаты съ Швеціею и Норвегіею), 1861 г. (Соединенные Штаты и Мексика), 1864 г. съ республикою Гаити. Въ нѣкоторыхъ другихъ картельныхъ конвенціяхъ, заключенныхъ Соединенными Штатами, даннаго исключенія не содержится. Сюда относятся: конвенція англо-американская 1842 г., конвенція франко-американская 1873 года, конвенція 1868 года, заключенная между Соединенными Штатами и Италіею, и нѣкоторыя другіе [2]). Если имѣетъ мѣсто требованіе выдачи такого лица, которое, совершивъ преступленіе

---

[1]) См. Fiore; Dr. Pénal Intern., томъ II, стр. 540.
Ibid стр. 543—544.

въ предѣлахъ территоріи государства, требующаго выдачи, пріобрѣло впослѣдствіи права подданства или гражданства того государства, которому предъявляется требованіе выдачи, то нѣкоторыя державы допускаютъ выдачу. Такъ, напримѣръ, выдача признается въ данныхъ случаяхъ обязательною Франціею, Италіею и Бразиліею, что видно изъ картельныхъ конвенцій, заключенныхъ этими державами съ Великобританіею (1876 г. конвенція франко-англійская, ст. 2 [1]); 1872 г. конвенція между Бразиліею и Англіею; 1873 г. конвенція между Италіею и Англіею [2]). Тоже постановленіе встрѣчается въ франко-баварской картельной конвенціи 1869 года [3]).

Когда имѣетъ мѣсто территоріальная уступка по мирному договору, то обыкновенно въ наше время предоставляется жителямъ уступленной области извѣстный срокъ, въ теченіи котораго они имѣютъ право сохранить за собою прежнее подданство. Такъ, напримѣръ, трактатъ 10 мая 1871 года, положившій конецъ франко-германской войнѣ, признаетъ (ст. 2) за жителями Эльзасъ-Лотарингіи право оставаться гражданами Франціи, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, при чемъ установленъ срокъ (1 октября 1872 г.), послѣ котораго право выбора между французскимъ гражданствомъ и германскимъ подданствомъ прекратилось. Преступленія, совершенныя въ это промежуточное время лицами, родившимися въ Эльзасъ-Лотарингіи и имѣющими тамъ свое законное мѣстожительство (domicile légal), влекли за собою выдачу правонарушителей только въ томъ случаѣ, когда данные злоумышленники не пріобрѣли національныхъ правъ той изъ двухъ договорив-

---

[1]) См. Vazelhes, Etude sur l'extradition., стр. 86.
[2]) См. Billot, стр. 75.
[3]) См. Calvo, § 1255, стр. 406.

шихся державъ, въ территоріальныхъ предѣлахъ которой они находились въ моментъ предъявленія требованія выдачи, при чемъ выборъ подданства или гражданства, если онъ не имѣлъ мѣста до совершенія преступленія, являлся немедленно обязательнымъ [1]). При возникновеніи затрудненій по предмету точнаго опредѣленія принадлежности лица, выдача котораго требуется, къ тому или другому подданству или гражданству, вопросъ рѣшается судебными органами государства служащаго убѣжищемъ бѣглому злоумышленнику [2]).

Принципъ невыдачи собственныхъ подданныхъ не всегда пользовался современною универсальною общепризнанностью со стороны континентальныхъ державъ. Такъ, декретъ императора Наполеона I 25 октября 1811 года включаетъ въ сферу юридической возможности удовлетвореніе экстрадиціонной просьбѣ, имѣющей въ виду подданнаго французской имперіи. Внѣшнею двигательною пружиною, вызвавшею изданіе декрета, послужило слѣдующее обстоятельство: Двое французскихъ подданныхъ, совершившихъ убійство въ Италіи, бѣжали во Францію. Въ данномъ случаѣ некомпетентность французской судебной власти явилась слѣдствіемъ характера исключительности, которымъ отличалась тогдашнее французское законодательство въ вопросѣ о наказуемости правонарушительныхъ актовъ, совершенныхъ французами заграницею. Право судебнаго преслѣдованія въ аналогическихъ случаяхъ получило значеніе общаго правила во Франціи въ 1866 году, причемъ не допускается исключенія по отношенію къ про-

---

1) См. Billot, стр. 76.
2) См. Billot, стр. 77. Vazelhes, op. cit., стр. 87. Fiore, стр. 533.

ступкамъ (délits) [1]. Декретъ 1811 года не имѣлъ примѣненія на практикѣ. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ 23 декабря 1812 года былъ изданъ декретъ не отличающійся по содержанію отъ французскаго декрета 1811 года [2]. Курфюрстъ Гессенскій постановляетъ выдачу національныхъ подданныхъ эдиктомъ 1 октября 1820 года. Ордонансомъ 13 декабря 1820 года Людовикъ XVIII приказалъ выдать французскаго подданнаго Якова Макона, совершившаго убійство въ Женевѣ. Изъ этого факта мы въ правѣ заключить, что французская конституціонная хартія 1814 года, гласящая (ст. 62), что никто не можетъ быть изъятъ изъ вѣдомства своихъ естественныхъ судій [3], не отмѣнила дѣйствія императорскаго декрета 1811 года [4]. Въ теоретической области международнаго права имѣетъ мѣсто принципіальное двухлагерное раздвоеніе спеціалистовъ по интересующему насъ вопросу. Противниками выдачи собственныхъ подданныхъ являются слѣдующіе писатели: Ваттель, [5] Мартенсъ, [6] Уитонъ, [7] Ортоланъ, [8] Эли (Faustin Helie), [9] Бернеръ [10] Оппенгеймъ, [11] Миттермайеръ, [12] Геффтеръ, [13] Феликсъ [14].

---

[1] См. Vazelhes: стр. 79—81. Billot: стр. 70—71. Fiore; т. II стр. 545, 546.
[2] См. Fiore; т. II стр. 546.
[3] «Nul ne pourra être distrait de ses juges naturels».
[4] Приведенные примѣры см. у Fiore; loc. cit.
[5] Vattel: Le Dr. des Gens, I § 232; II, § 77.
[6] Martens: Précis etc., § 101.
[7] Wheaton: Eléments etc., I, стр. 139.
[8] Ortolan: Dr. Pénal, № 897.
[9] Faustin Helie, Traité de l'instr. criminelle, стр. 668.
[10] Berner: Wirkungskreis des Stratgesetzes etc., стр. 184.
[11] Oppenhein: Systematik des Völcker стр. 192.
[12] Mittermayer L. D. Strafverfahren, § 55.
[13] Heffter: D. Europäische Völcker стр. 139.
[14] Foelix: Dr. Intern. Privé, II, стр. 27, примѣчані 1

Если суммировать всѣ или, по крайней мѣрѣ, главнѣйшіе доводы противниковъ выдачи собственныхъ подданныхъ, то получимъ слѣдующій итогъ: Правомъ каждаго государства по отношенію къ національнымъ подданнымъ или гражданамъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя обязанности. Одною изъ безспорныхъ обязанностей государства къ своимъ подданнымъ или гражданамъ является охрана ихъ интересовъ и защита ихъ правъ. Туземные подданные или граждане должны подчиняться своимъ національнымъ законамъ и отечественнымъ судебнымъ органамъ, но, съ другой стороны, и государство должно ограждать юридическую сферу дѣятельности собственныхъ подданныхъ, предоставляя всѣ относящіеся до нихъ юридическіе вопросы разбирательству національной судебной власти. Далѣе, таже группа писателей утверждаетъ, что въ выдачѣ собственныхъ подданныхъ заключается оскорбленіе національнаго достоинства, ибо государство, поступая такимъ образомъ, становится какъ бы агентомъ, помощникомъ иностраннаго государства, причемъ такая помощь, такое содѣйствіе для достиженія цѣлей чужеземнаго правосудія по отношенію къ національнымъ подданнымъ или гражданамъ является унизительною. Сторонники невыдачи собственныхъ подданныхъ сомнѣваются также въ безпристрастіи иностранныхъ судовъ при разборѣ судебныхъ дѣлъ подданныхъ или гражданъ другихъ государствъ: національные предразсудки, шовинизмъ, національныя вѣковыя антипатіи и, наконецъ, временное политическое возбужденіе страстей могутъ неблагопріятно повліять на рѣшенія судебныхъ дѣлъ иностранцевъ. Мы не раздѣляемъ мнѣнія данной группы писателей. Дѣйствительно, обязанность каждаго государства защищать права и интересы соб-

ственныхъ подданныхъ или гражданъ несомнѣнно существуетъ и является необходимымъ условіемъ существованія политической культурной зрѣлости. Но данную обязанность не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ юридическаго требованія, чтобы каждое государство имѣло исключительную юрисдикцію надъ своими подданными или гражданами. Если правонарушеніе совершено національнымъ подданнымъ или гражданиномъ на національной территоріи, то подсудность дѣла національнымъ судьямъ является безспорною. Но въ данномъ случаѣ правонарушительный актъ подлежитъ вѣдѣнію національной судебной власти не на основаніи подданства или гражданства правонарушителя, а вслѣдствіе повсемѣстнаго признанія первенствующаго характера территоріальной юрисдикціи. Вопросъ о подданствѣ или гражданствѣ лишенъ здѣсь всякаго значенія: всѣ преступленія и проступки, совершенные въ территоріальныхъ предѣлахъ какого либо государства, подлежатъ вѣдѣнію національныхъ судебныхъ органовъ даннаго государства, кѣмъ бы эти преступленія и проступки ни были совершены: туземными ли подданными или гражданами, или же иностранцами: право территоріальной юрисдикціи является въ данныхъ случаяхъ однимъ изъ общепризнанныхъ элементовъ суверенности. Исключенія изъ этого правила представляютъ въ настоящее время только тѣ государства, въ которыхъ существуетъ консульская юрисдикція, несовмѣстимая съ честью, съ достоинствомъ свободнаго, независимаго, самостоятельнаго и притомъ культурнаго государства. Но если преступленіе совершено національнымъ подданнымъ внѣ національныхъ территоріальныхъ предѣловъ, и если, затѣмъ, преступникъ бѣжалъ на родину, то „естественнымъ судьею“ является, по нашему мнѣнію, не органъ

національной юстиціи, а судебный органъ мѣста совершенія преступленія, ибо совокупность элементовъ преступнаго дѣянія несравненно легче можетъ быть обнаружена въ мѣстѣ совершенія преступленія, чѣмъ въ отечествѣ преступника, а потому, по природѣ вещей, гораздо „естественнѣе“ предоставить рѣшеніе дѣла территоріальной юрисдикціи, а не національнымъ судамъ преступника. Ни одно государство не обязано соблюдать безнаказанность своихъ подданныхъ или гражданъ; напротивъ, каждое культурное государство обязано охранять интересы политическаго цѣлаго отъ неправомѣрныхъ актовъ отдѣльныхъ членовъ общенія. Каждое культурное государство обязано всѣми силами охранять національный юридическій порядокъ, и притомъ данная охрана должна имѣть мѣсто помощію мѣръ предупредительныхъ и возстановительныхъ. Къ мѣрамъ перваго рода слѣдуетъ причислить и выдачу собственныхъ подданныхъ, совершившихъ преступленіе или проступокъ заграницею и затѣмъ бѣжавшихъ на родину. Выдача данныхъ лицъ предупредитъ множество преступленій въ территоріальныхъ предѣлахъ выдающаго государства, ибо внушитъ преступнику убѣжденіе въ неизбѣжности кары, убѣжденіе, которое мало по малу сдѣлается общимъ достояніемъ національнаго народонаселенія. Быть помощникомъ, союзникомъ, агентомъ иностраннаго правительства въ смыслѣ содѣйствія достиженія цѣлей правосудія—въ этомъ мы не находимъ ничего унизительнаго, оскорбительнаго для чести націи. Напротивъ мы считаемъ несогласнымъ съ честью и достоинствомъ культурнаго государства отрицать по данному вопросу принципъ международнаго правоваго общенія и окружить свою территорію китайскою стѣною. Затруднять, а во многихъ случаяхъ дѣлать даже невозможными судъ и

наказаніе національныхъ злоумышленниковъ,—это не рыцарство, а китайщина. Наконецъ недовѣріе къ иностранной юстиціи ничѣмъ не оправдывается между государствами, стоящими на приблизительно равномъ культурномъ уровнѣ. Если существуетъ недовѣріе къ чужеземнымъ судамъ, то заключеніе картельной конвенціи является актомъ недостойнымъ цивилизованной державы. Если же между государствами А и В заключена картельная конвенція, то значитъ существуетъ довѣріе къ иностранному судебному безпристрастію; а если существуетъ довѣріе вообще, то очевидно, недовѣріе, когда дѣло идетъ о собственномъ подданномъ или гражданинѣ, является абсурдомъ. Далѣе, политическія минутныя обстоятельства или же вѣковая національная антипатія, которыя могутъ повліять неблагопріятно на нормальный процессъ отправленія иностраннаго правосудія, не должны также имѣть первенствующаго значенія при рѣшеніи вопроса о выдачѣ собственныхъ подданныхъ или гражданъ, ибо, если даже мы согласимся съ тѣмъ, что при данныхъ обстоятельствахъ рѣшеніе иностраннаго суда будетъ пристрастно, то, съ другой стороны, мы не можемъ не замѣтить, что въ экстрадиціонныхъ вопросахъ можно на разбираемый нами аргументъ нашихъ противниковъ отвѣчать слѣдующее: Вы ссылаетесь наполитическое временное возбужденіе страстей или же на вѣковую національную вражду, но развѣ въ данныхъ случаяхъ безпристрастіе судей не пострадаетъ въ обоихъ государствахъ тождественнымъ образомъ? Государства А и В враждуютъ между собою временно или хронически. Подданный или гражданинъ государства А совершилъ преступленіе на территоріи государства Б и затѣмъ бѣжалъ въ свое отечество. Если допу-

стить возможность международнаго взаимнаго недовѣрія, несмотря на существованіе картельной конвенціи, то какъ же можетъ государство В довѣриться судамъ государства А? Значитъ безпристрастія не будетъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, будетъ ли или не будетъ выданъ собственный подданный или гражданинъ. Но, повторяемъ, при существованіи картельной конвенціи между двумя государствами, не можетъ быть рѣчи о взаимномъ недовѣріи, иначе заключеніе даннаго международнаго договора является актомъ антикультурнымъ и нарушаетъ гармонію между субъективнымъ и объективнымъ принципами международнаго права. Данные члены союза международнаго этимъ путемъ поставятъ свои единичные интересы выше интересовъ цѣлаго союза и явятся противниками общекультурныхъ стремленій высшаго изъ человѣческихъ союзовъ [1]).

Къ лицамъ невыдаваемымъ относятся также рабы. Рабство, къ стыду человѣчества, существуетъ по настоящее время въ нѣкоторыхъ государствахъ. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, какъ извѣстно, болѣе не принадлежатъ къ этой позорной государственной группѣ. Но въ Бразильской Имперіи [2]) и въ колоніяхъ Испанскаго Королевства рабство до сихъ поръ признается явленіемъ законнымъ. Мы не упоминаемъ о государствахъ некультурныхъ или полукультурныхъ. въ которыхъ рабство въ тѣсномъ смыслѣ является квинт-

---

1) Въ пользу выдачи собственныхъ подданныхъ или гражданъ высказываются слѣдующіе писатели: Billot, стр. 67—70, Kent, Commentaries, I, стр. 37; Calvo, Dr. intern., т. II, § 1255, стр. 407; Fiore, т, II, стр. 530—538; Wharton. Conflict of Laws, § 954; Hory, Conflict of Laws, § 620.

2) Въ 1872 году въ Бразиліи положено начало постепенному законодательному прекращенію института рабства.

эссенціею рабской, какъ бы атмосферной универсальности. Освобожденіе раба изъ нечеловѣческихъ оковъ въ томъ случаѣ, если ему удалось вступить на иностранную, суверенную территорію, является издавна принципомъ общепризнаннымъ со стороны культурныхъ членовъ союза международнаго. Такъ, во Франціи, даже въ періодъ существованія рабства, территорія французская считалась священнымъ убѣжищемъ индивидуальной человѣческой свободы для рабовъ иностранныхъ: „Fit liber quisquis Galliae solum cum asyli vice contigerit" [1]. Понятно, что при господствѣ такого правила не могло быть рѣчи о выдачѣ бѣжавшихъ рабовъ ихъ хозяевамъ. Поэтому экстрадиціонныя отношенія по вопросамъ о бѣглыхъ рабахъ могли и могутъ теперь возникнуть только въ тѣхъ случаяхъ, когда данныя лица совершили преступленіе противъ общаго права, такъ что выдачѣ подлежатъ не рабы, а бывшіе рабы, люди свободные. Вторичное необращеніе въ рабство стипулируется какъ необходимое условіе выдачи. Приэтомъ, если бывшій рабъ совершилъ преступленіе противъ общаго права съ цѣлью освободительнаго бѣгства, то ужь онъ выдачѣ не подлежитъ. Данные общепризнанные принципы потерпѣли два исключенія. Мы разумѣемъ двѣ картельныя конвенціи, въ которыхъ два государства, не допускавшія рабства, согласились, уступая превосходящей силѣ, выдавать бѣглыхъ рабовъ для возвращенія ихъ въ прежнее состояніе. Таковы постыдныя постановленія ст. 6 конвенціи, заключенной 12-го октября 1851 года между Бразиліею и Урагвайскою республикою и ст. 6

---

1) См. Vaselhes; op. cit., стр. 90.

конвенціи бразильско-аргентинской (14-го декабря 1857 г.) [1]).

Изложивъ въ данной главѣ современные договорные и доктринальные принципы по вопросу о собственныхъ подданныхъ и рабахъ, какъ субъектахъ экстрадиціоннаго права, мы дошли до обязательнаго разсмотрѣнія вопроса объ отношеніи института выдачи преступниковъ къ подданнымъ или гражданамъ третьей державы.

Если предъявляется требованіе выдачи бѣглаго преступника, положимъ государствомъ А къ государству В. и, притомъ, если лицо, выдача котораго требуется, не состоитъ въ отношеніяхъ подданства или гражданства ни къ государству А, ни къ государству В, а является подданнымъ или гражданиномъ государства С., то договорное международное право или предоставляетъ государству, отъ котораго требуется выдача, факультативное извѣщеніе государства, подданнымъ или гражданиномъ котораго состоитъ бѣжавшій преступникъ, о полученіи экстрадиціоннаго требованія, или же постановляетъ обязательный запросъ по предмету согласія національнаго государства злоумышленника. Запросъ долженъ имѣть мѣсто со стороны правительства государства, служащаго убѣжищемъ правонарушителю, стремящемуся уклониться отъ территоріальнаго правосудія. Факультативность извѣщенія стипулируется въ слѣдующихъ картельныхъ конвенціяхъ: въ конвенціи, заключенной между Италіею и Бельгіею 28 февраля 1875 года (ст. 6) [2]), а также въ конвенціяхъ заключенныхъ Итальянскимъ королевствомъ съ слѣдующими державами: съ Австріею (27 февраля 1869 г.),

---

[1]) Billot, стр. 58—60.
[2]) См. Fiore: op. cit., т. II. стр. 560.

съ Данiею (19 iюля 1873 года), съ Германскою Имперiею (31 октября 1871 года), съ Швейцарiею (22 iюля 1868 года), съ Люксембургомъ (25 октября 1878 года), съ Грецiею (5/17 ноября 1877 года), съ Португалiею (18 марта 1878 года) [1]. Далѣе стипуляцiя факультативности извѣщенiя встрѣчается въ конвенцiяхъ, заключенныхъ Францiею отъ 1854 до 1869 года съ слѣдующими государствами: съ княжествомъ Вальдекъ съ Ганноверскимъ королевствомъ, съ Австрiею, съ Римскою Курiею, съ республикою Чили, съ Швецiею и Норвегiю [2]. Обязательность извѣщенiя и полученiя согласiя содержится въ слѣдующихъ конвенцiяхъ: въ конвенцiи франко-сардинской 29 ноября 1838 года [3], въ конвенцiи, заключенной Францiею съ великимъ герцогствомъ Баденскимъ 27 iюня 1844 года [4], въ двухъ конвенцiяхъ, заключенныхъ Францiею въ 1847 году съ герцогствами Мекленбургъ Шверинскимъ и Мекленбургъ Стрелицкимъ [5], въ конвенцiи заключенной въ томъ же году съ городомъ Бременомъ. Притомъ въ послѣдней конвенцiи прибавлено, что правительство государства, служащаго убѣжищемъ преступнику, имѣетъ право или выдать преступника его нацiональному правительству, или же удовлетворить просьбѣ государства, въ предѣлахъ котораго совершено преступленiе [6]. Такое же постановленiе находится въ конвенцiяхъ, заключенныхъ Францiею отъ 1847—1853 года съ Любекомъ, съ Гамбургомъ, съ королевствомъ

[1] См. приведенныя конвенцiи у Fiore: назв. мѣсто и т. I, стр. 304.
[2] См. Billot: op. cit, стр. 89.
[3] См. Billot: стр. 85.
[4] См. Billot: стр. 87.
[5] См. Fiore: стр. 560, прим. 3 bis.
[6] См. Fiore: loc. cit.

Саксонскимъ, съ Вюртембергомъ, съ Великимъ Герцогствомъ Гессенскимъ, съ Португаліею [1]). Далѣе, обязательность извѣщенія признается въ слѣдующихъ конвенціяхъ, заключенныхъ Италіею: въ конвенціи итальянско-бразильской (12 ноября 1872 года), въ конвенціи Италіи съ республикою Костарика (6 мая 1873 года), въ конвенціи съ республикою Гуатемана (25 августа 1869 года), съ Гондурасомъ (15 іюня 1869 года), съ княжествомъ Монако (26 марта 1866 года), съ республикою Пэру (21 августа 1870 года), съ Россіею (1/13 мая 1871 года), съ республикою Санъ-Сальвадоръ (29 марта 1871 года), съ Испаніею (3 іюня 1868 года), съ Швеціею и Норвегіею (20 сентября 1866 года) [2]).

При безмолвіи договорнаго международнаго права, международная практика слѣдуетъ обыкновенно правилу необязательности извѣщенія третьей державы [3]).

---

[1]) Тамъ же.
[2]) См. всѣ приведенныя конвенціи у Fiore: т. II, стр. 560, прим. 2 и ср. Fiore: т. I, стр. 304.
[3]) См. Calvo: op. cit., т. II, § 1256, стр. 409.

ГЛАВА V.

Параллельно съ постепеннымъ развитіемъ института выдачи преступниковъ идетъ постоянное расширеніе списковъ правонарушительныхъ дѣяній, влекущихъ за собою выдачу. Такъ напр., картельныя конвенціи, заключенныя между Франціею и Швейцаріею въ 1777 и въ 1798 гг. включаетъ въ экстрадиціонный списокъ только слѣдующіе акты: убійство, кражу и политическія нарушенія [1]). Конвенція франко-швейцарская 1803 года упоминается объ убійствѣ, объ отравленіи, о поджогѣ, о поддѣлкѣ монетъ и о кражѣ со взломомъ, причемъ въ случаяхъ совершенія менѣе важныхъ правонарушеній, постановляется наказаніе злоумышленника тѣмъ государствомъ, которое служитъ убѣжищемъ [2]). Конвенція подписанная тѣми же двумя державами въ 1828 году включаетъ въ экстрадиціонную номенклатуру незаконное присвоеніе должностными лицами казенныхъ цѣнныхъ бумагъ [3]). Франко-бельгійская картельная конвенція 22-го ноября 1834 года продол-

---

[1]) См. Calvo: т. II, § 1227, стр. 341.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibid: стр. 342.

жаетъ расширеніе экстрадиціонной номенклатуры. Конвенція эта замѣчательна тѣмъ, что впервые установляетъ правила исключительной выдачи за преступленія (crimes). Она послужила въ этомъ отношеніи образпомъ для редакціи картельныхъ конвенцій, заключенныхъ Франціею отъ 1834 по 1869 годъ, причемъ списокъ преступныхъ дѣйствій, влекущихъ за собою выдачу, постоянно растетъ. Въ 1869 году въ новой конвенціи (29 апрѣля), заключенной Франціею съ Бельгіею, въ первый разъ допускается выдтча за проступки (délits). Съ тѣхъ поръ проступки (délits) включены во всѣ картельныя конвенціи, подписанныя Франціею. Въ картельной конвенціи англо-французской 1876 года впервые упоминается о торгѣ рабами [1]). Примѣру Франціи послѣдовали и другія государства. Россія также включаетъ въ новѣйшія свои картельныя конвенціи [2]) не только преступленія (crimes), но и проступки.—Возможно большее расширеніе случаевъ выдачи весьма желательно въ интересахъ развитія и упроченія принципа международнаго правоваго общенія, этого краеугольнаго камня цивилизаціи. При современной намъ быстротѣ и легкости сообщеній, злоумышленникамъ чрезвычайно облегченъ путь къ укрывательству отъ суда, а потому въ настоящее время преступникъ не задумается бѣжать даже въ случаяхъ не отличающихся капитальною важностью. Очевидно, что въ данномъ вопросѣ, какъ и вообще, необходимо ограничиться предѣлами логически—возможными. Абсурдомъ, нелогичностью, было бы заключеніе конвенцій о выдачѣ лицъ, виновныхъ въ маловажныхъ, такъ наз. полицейскихъ нару-

---

[1]) См. Billot: стр. 124 и слѣд. прим. 1.

[2]) См. Конвенціи: русско-швейцарская (17 ноября 1879 г.) и русско-австрійская (15 октября 1879 г.) См. Calbo: т. II, § 1247.

шеніяхъ. Эти лица совершенно достаточно наказали себя своимъ бѣгствомъ, своимъ добровольнымъ изгнаніемъ изъ отечества, а преступность ихъ слишкомъ ничтожна, чтобъ стоило возбуждать сложную экстрадиціонную процедуру и тратить не малыя суммы денегъ. Не должны также по нашему мнѣнію подлежать выдачѣ лица, совершившія акты хотя и недозволенные ихъ отечественными законами, но не воспрещенные законами государства, служащаго убѣжищемъ даннымъ лицамъ. Дѣло въ томъ, что въ такихъ случаяхъ общекультурные интересы, основанные на принципѣ международнаго правоваго общенія, не требуютъ выдачи данныхъ лицъ, оба уголовные закона тѣсно связаны съ нравственнымъ міросозерцаніемъ каждаго отдѣльнаго государства, а то или другое міровоззрѣніе на моральную сферу является неотъемлемымъ правомъ каждаго субъекта международнаго права. Каждое суверенное государство имѣетъ безспорное право дозволять или воспрещать юридическими нормами тѣ или другія дѣйствія. Объективный принципъ международнаго права не требуетъ въ данномъ случаѣ ограниченія суверенности членовъ международнаго союза. Напротивъ, въ данномъ случаѣ ограниченіе указаннаго суверетнаго права свободнаго, независимаго, самостоятельнаго государства явилось бы нарушеніемъ необходимой для всесторонняго культурнаго развитія народовъ гармоніи между субъективнымъ и объективнымъ принципами международнаго права. Солидарность интересовъ членовъ союза международнаго требуетъ повсемѣстной неизбѣжности суда и наказанія преступниковъ, но необходимо, чтобъ преступникъ признавался таковымъ обоими государствами: государствомъ требующимъ выдачи и государствомъ, на территоріи котораго находится преступникъ. Если же извѣстное дѣйствіе

считается преступнымъ только въ отечествѣ бѣглаго злоумышленника, а не признается преступнымъ законами государства, отъ котораго требуется выдача, то солидарности интересовъ нѣтъ, не существуетъ уже въ данномъ случаѣ общности цѣли, стремленій данныхъ двухъ членовъ союза международнаго, а потому выдача за такіе акты повлекла бы за собою преобладаніе объективнаго принципа международнаго права надъ принципомъ субъективнымъ, что несовмѣстно съ прогрессивнымъ развитіемъ человѣчества. Исчисленіе случаевъ выдачи въ картельныхъ конвенціяхъ не долженъ имѣть, по нашему мнѣнію, характера ограничительнаго. Мы находимъ, что каждый субъектъ международнаго права, каждый членъ союза международнаго не только имѣетъ право, но и обязанъ, и притомъ обязанъ юридически, выдавать бѣглыхъ преступниковъ, а потому картельныя конвенціи имѣютъ единственною задачею точнѣе формулировать экстрадиціонныя правоотношенія. Конвенціи не создаютъ этихъ отношеній.

Къ актамъ невлекущимъ за собою выдачи, причислено въ картельныхъ конвенціяхъ дезертирство. Это исключеніе недавняго происхожденія. До первой половины настоящаго столѣтія почти всѣ европейскія государства были связаны конвенціями о выдачѣ бѣглыхъ солдатъ. Франція первая отказалась требовать выдачи и выдавать дезертировъ. Послѣ 1830 года Франція исключаетъ изъ экстрадиціонной номенклатуры дезертирство. Австрія заключила конвенціи о выдачѣ дезертировъ съ Россіею (26-го апрѣля 1808 года, 24-го мая 1815 года и 26-го іюля 1822 года) [1]) и Римскою Куріею (1-го іюня 1821 года) [2]).

---

[1]) См. Calvo: т. II, § 1291, стр. 439.
[2]) Ibid.

Пруссія заключила подобныя же конвенціи съ различными германскими государствами, съ Даніею (25-го декабря 1820 г.) [1]) и Люксембургомъ (11-го марта 1844 г.) [2]). Данія выдаетъ военныхъ дезертировъ только Швеціи, Норвегіи и нѣкоторымъ германскимъ государствамъ [3]). Россія заключила упомянутыя конвенціи съ Австріею [4]), а также конвенціи съ Швеціею (1798, 1801, 1828 и 1860 гг.) [5]) и съ Пруссіею (20-го мая 1844 г.) [6]). Великобританія была также связана многими конвенціями о выдачѣ бѣглыхъ солдатъ, но эти конвенціи уже давно не имѣютъ силы [7]). Итакъ почти повсемѣстно распространеннымъ въ настоящее время является правило о невыдачѣ военныхъ дезертировъ. Правило это мотивируется слѣдующими соображеніями: Выдача дезертировъ явилось бы въ настоящее время, въ отдѣльныхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, содѣйствіемъ въ примѣненіи варварскихъ наказаній. Принципъ невыдачи политическихъ преступниковъ могъ бы быть обойденъ путемъ выдачи военныхъ дезертировъ. Стоило бы только любому правительству совершить мнимое всеобщее распространеніе воинской повинности, чтобъ оказалось возможнымъ требовать выдачи всякаго политическаго преступника подъ видомъ дезертира. Государствамъ, которыя не доходятъ до чрезмѣрной строгости въ примѣненіи обязательныхъ постановленій о военной службѣ,

---

1) Ibid.
2) Ibid.
3) Ibid.
4) Въ настоящее время эти конвенціи не дѣйствуютъ.
5) См. Calvo: т. II, § 1246, стр. 370.
6) См. Mohl: Staatsrecht Völkerr. u. Politik, т. I, стр. 654, прим.—Эта конвенція прекратила свое дѣйствіе.
7) См. Calvo: стр. 438.

нечего бояться вреднаго для ихъ оборонительной силы дезертирства [1]). Утверждаютъ также, что дезертирство не должно влечь за собою выдачу потому, что оно является особымъ, спеціальнымъ правонарушеніемъ, какъ по состоянію, въ которомъ находятся лица провинившіяся, такъ и по экстраординарной юрисдикціи, вѣдѣнію которой подлежатъ дѣла о бѣглыхъ солдатахъ. Преступность этого акта опредѣляется различно: въ нѣкоторыхъ государствахъ онъ считается простымъ полицейскимъ нарушеніемъ; въ другихъ государствахъ данный актъ признается преступленіемъ, влекущимъ за собою самыя тяжкія кары. Наконецъ, дезертирство часто тѣсно связано съ политическими нарушеніями, отъ которыхъ оно не можетъ быть отдѣлено. Положеніе солдатъ не одинаково благопріятно у двухъ даже сосѣднихъ націй, вслѣдствіе чего у одной дезертирство чаще повторяется, чѣмъ у другой. А потому обѣ націи не въ равной степени заинтересованы въ преслѣдованіи дезертировъ. Во Франціи иностранный легіонъ (légion étrangère) вербуется въ значительной части изъ иностранныхъ дезертировъ. Понятно, что французскому правительству нѣтъ разсчета выдавать этихъ лицъ иностранной юрисдикціи и тѣмъ лишать себя ихъ услугъ. [2]) Вазель замѣчаетъ, что дезертирство не представляетъ достаточной важности для выдачи, что оно бываетъ мотивировано національными стремленіями, или же связано съ политическими фактами, по отношенію къ которымъ невыдача является общепризнанною. Такъ, напримѣръ, Поляки дезертируютъ, чтобъ не служить Россіи; или же Эльзасъ-Лотаргинцы, нахо-

[1]) См. Mohl: Staatsrecht, Völkerr. u. Pol. т. I, стр. 723.
[2]) См. Billot: стр. 95.

дящіеся въ рядахъ прусской арміи, покидаютъ знамена и бѣгутъ во Францію. Развѣ слѣдуетъ выдать этихъ лицъ Россіи или Пруссіи?[1]) Мы не раздѣляемъ мнѣнія той группы писателей, которая стоитъ за невыдачу военныхъ дезертировъ. Дѣйствительно. При почти общеевропейскомъ введеніи общей воинской повинности вопросъ о выдачѣ бѣглыхъ солдатъ или офицеровъ не можетъ ужь считаться сепаратнымъ интересомъ отдѣльныхъ членовъ союза международнаго. Солидарность интересовъ требуетъ рѣшенія этого вопроса въ смыслѣ выдачи данныхъ лицъ. Различные уставы о воинской повинности въ отдѣльныхъ европейскихъ государствахъ отличаются аналогичностью коренныхъ основъ, въ противоположность прежнимъ, несходнымъ между собою и нерѣдко даже удаляющимся другъ отъ друга на далекія разстоянія военнымъ узаконеніямъ. Въ прежнее время весьма нерѣдко встрѣчались случаи бѣгства лицъ военнаго званія, вслѣдствіе варварскихъ пріемовъ военнаго обученія и обращенія съ солдатами, причемъ въ однихъ государствахъ замѣчалась большая человѣчность, чѣмъ въ другихъ. Но, въ настоящее время, повторяемъ радикальныя различія въ этой сферѣ стушевались, а потому о содѣйствіи варварству, при выдачѣ дезертировъ между европейскими государствами, не можетъ быть рѣчи. Иностранный легіонъ (légion étrangère), о которомъ упоминаетъ Билльо, какъ объ одной изъ причинъ невыдачи дезертировъ со стороны Франціи, едва ли можетъ служить основательнымъ доводомъ. Неужели сила, могущество великаго французскаго народа зависитъ отъ присутствія въ рядахъ французской арміи нѣсколькихъ

---

[1]) См. Vazelhes: стр. 38, 39.

тысячъ иностранныхъ бродягъ? Развѣ Билльо думаетъ, что бѣглые иностранные воины, коснувшись французской территоріи, внезапно превратятся изъ зайцевъ въ львовъ? Слава Богу, эпоха военной сволочи временъ Валленштейна, Тилли и др. миновала безвозвратно. Дисциплина почитается въ современныхъ арміяхъ апогеемъ военныхъ добродѣтелей. Въ наше время каждый солдатъ является въ полномъ смыслѣ сыномъ своего отечества. Свободные европейскіе народы, поставляя воиновъ для охраны священныхъ предѣловъ родины, сознаютъ, что они сражаются за самихъ себя, а не для достиженія эгоистическихъ, антинародныхъ цѣлей. А потому и дезертирство не оправдывается большею частью ничѣмъ. Лѣнь, трусость, нелюбовь къ родинѣ—таковы обыкновенные современные двигатели дезертирства. Очевидно, что не только французскій народъ, оказавшій столь неизмѣримыя услуги общечеловѣческой культурѣ, но даже и малѣйшее европейское государство не можетъ считать благонадежною опорою присутствіе въ рядахъ войскъ лицъ достойныхъ всякаго презрѣнія и менѣе всего годныхъ для военной службы. Наконецъ обратимся къ Вазелю. Онъ находитъ, что не слѣдуетъ выдавать дезертировъ между прочимъ въ такихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, полякъ убѣжитъ изъ рядовъ русскаго войска, или эльзасъ-лотаргинецъ изъ арміи германской. Мы не видимъ, почему. Можно быть увѣреннымъ, что данные бѣглецы покинули знамена вовсе не изъ любви къ политически погибшей или насильственно присоединенной родинѣ. Отчего же эти молодцы-патріоты не протестовали ранѣе своими пятками противъ тирановъ? Это патріотизмъ крайне сомнительнаго свойства: ожидать включенія въ ряды войскъ и затѣмъ ужъ дока-

зать свою ненависть къ политическому притѣснителю позорнымъ бѣгствомъ. Невыдача военныхъ дезертировъ, которая, къ сожалѣнію, почти повсемѣстно признается, не распространяется на морскихъ дезертировъ, на бѣглыхъ матросовъ. Бѣглые матросы не только выдаются, но даже выдача ихъ значительно упрощена съ формальной точки зрѣнія, сравнительно съ общими постановленіями о выдачѣ. Требованія выдачи матросовъ, бѣжавшихъ съ военнаго или съ купеческаго корабля, предъявляются консуломъ той державы, подъ флагомъ которой плыветъ данное судно. Если въ томъ портѣ, гдѣ стоитъ судно, нѣтъ консула данной державы, то требованіе выдачи предъявляется капитаномъ судна. Если бѣжавшіе матросы не разысканы до отплытія судна, то ихъ содержатъ въ тюрьмѣ, по требованію и за счетъ консула до тѣхъ поръ, пока не представится случая отправить ихъ на родину,—но максимальный срокъ содержанія въ тюрьмѣ равняется четыремъ мѣсяцамъ. Ортоланъ мотивируетъ слѣдующимъ образомъ такое ускоренное, упрощенное отношеніе европейскихъ государствъ къ вопросу о бѣглыхъ матросахъ: Немедленное возвращеніе на бортъ корабля тѣхъ лицъ, которыя входятъ въ составъ экипажа корабля является необходимымъ, ибо корабельныя работы безъ этихъ лицъ немыслимы, и даже можетъ случиться, что бѣгство этихъ лицъ повлечетъ за собою невозможность для судна продолжать плаваніе. Далѣе отечественное правительство бѣглецовъ часто очень отдалено, а потому невозможно обратиться прямо къ нему; наконецъ, матросы всѣхъ странъ отличаются склонностью къ дезертирству, склонностью, вызванною любовію къ перемѣнамъ, особенно распространенною въ мирное время. (См. Ortolan: Règles Internationales et Diplomatie de

la mer, кн. II, гл. XIV). По вопросу о выдачѣ бѣглыхъ матросовъ заключено нѣсколько специальныхъ конвенцій. Такъ, Франція заключила конвенцію съ королевствомъ Обѣихъ Сицилій (16-го августа 1853 г.)[1]) и съ Англіею (23-го іюня 1854 г.)[2]). Россія заключила международный договоръ съ королевствомъ Обѣихъ Сицилій (17-го января 1787); ст. 13 этого договора регулируетъ на общепринятыхъ основаніяхъ вопросъ о выдачѣ бѣглыхъ матросовъ[3]). Тоже слѣдуетъ замѣтить о ст. 26 трактата датско-генуэзскаго 30-го іюля 1789 года[4]). Въ настоящее время обыкновенно постановленія о выдачѣ бѣглыхъ матросовъ содержатся въ торговыхъ договорахъ и въ консульскихъ конвенціяхъ.

Разсматривая различныя преступныя дѣянія, влекущія и не влекущія за собою выдачи, мы дошли до изслѣдованія вопроса объ отношеніи преступленій политическихъ къ экстрадиціонному праву. Разграниченіе преступленій общихъ и политическихъ имѣетъ свое историческое основаніе въ римскомъ правѣ, которое содержитъ постановленія о crimen majestatis. Законъ, нормирующій кары за crimen majestatis, называется Lex Julia majestatis. Неизвѣстно, былъ ли этотъ законъ изданъ Юліемъ Цезаремъ или Августомъ. Подъ crimen majestatis разумѣли совокупность дѣйствій, направленныхъ противъ величія и безопасности римскаго государства и римскаго народа, а затѣмъ, послѣ паденія римской республики, сюда присоединились преступленія противъ римскаго императора и противъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, каковы сенаторы и члены

---

[1]) См. Calvo. Томъ II, § 1288.
[2]) Ibid.
[3]) См. Billot: стр. 97.
[4]) Ibid.

императорскаго совѣта. Crimen majestatis опредѣляется римскимъ правомъ слѣдующимъ образомъ: „lex Julia majestatis, quae in eos, qui contra imperatorem vel rempublicam *aliquid moliti sunt*, suum vigorem extendit“. (См. Inst. 4, 18). Далѣе въ L. 11 D. (48, 9) содержится постановленіе о томъ, что не всѣ, виновные въ нарушеніи Lex Julia, подлежатъ смертной казни, а только тѣ лица, которыя „hostili animo adversus rempublicam vel principem animati“. Объ остальныхъ нарушеніяхъ закона Юліанскаго сказано: „ceterum si quis ex alia causa legis Juliae majestatis reus sit, morte crimine liberatur“. Для примѣненія кары не требовалось, чтобы преступленіе имѣло желаемое послѣдствіе. Достаточно было наличности преступной воли и даже простой мысли о совершеніи crimenis majestatis для признанія законности наказанія. Каноническое право распространяетъ нормы закона Юліанскаго на дѣйствія, направленныя противъ кардинала. Отдѣленіе преступленій политическихъ отъ преступленій общаго права въ настоящее время является общепринятымъ. Отдѣленіе это имѣетъ значеніе какъ по природѣ данныхъ преступленій, такъ и по спеціальнымъ судопроизводственнымъ и карательнымъ нормамъ, относящимся къ данной категоріи правонарушительныхъ актовъ. Въ разсмотрѣніе процессульнаго и карательнаго права отдѣльныхъ европейскихъ государствъ по предмету политическихъ нарушеній мы входить не будемъ. Но мы считаемъ необходимымъ опредѣленіе самой природы политическаго преступленія. Баръ замѣчаетъ, что понятія преступленій политическихъ и преступленій, направленныхъ противъ государства, не совпадаютъ. Такъ напр., кассиръ, растратившій казенныя деньги, или судья, рѣшившій дѣло незаконно, не являются полити-

ческими преступниками. Политическими, продолжаетъ авторъ, слѣдуетъ считать тѣ преступленія, которыя возбуждены стремленіемъ измѣнить незаконнымъ путемъ государственныя учрежденія, или же тѣ, которыя представляютъ собою нарушающую строгое право защиту отъ незаконныхъ или погрѣшающихъ противъ коренныхъ началъ справедливости актовъ государственной власти [1]). Ортоланъ подъ политическими преступленіями понимаетъ совокупность дѣйствій, совершаемыхъ съ цѣлью низверженія или модификаціи, незаконными путями, организаціи центральныхъ государственныхъ учрежденій, или съ цѣлью уничтоженія или ослабленія одного изъ этихъ учрежденій, или съ намѣреніемъ расширить или уменьшить вліяніе отдѣльныхъ частей государственнаго организма, или же, наконецъ, съ намѣреніемъ вліять незаконнымъ образомъ въ томъ или другомъ направленіи на общій ходъ государственныхъ дѣлъ [2]). Гаусъ находитъ, что къ группѣ политическихъ преступленій должно причислить тѣ преступленія и проступки (crimes и délits), которые нарушаютъ единственно политическій строй (l'ordre politique). Политическій же строй, продолжаетъ авторъ, имѣетъ въ виду съ одной стороны независимость государства, неприкосновенность территоріи и международныя сношенія. Съ точки же зрѣнія внутренно-законодательной подъ политическимъ строемъ слѣдуетъ понимать форму правленія, органы власти законодательной и министровъ и, наконецъ, политическія права гражданъ. Далѣе авторъ перечисляетъ, основываясь па бельгій-

---

[1]) См. Bar. Das Internationale Privat und Brafrecht стр. 591, 592.

[2]) См. Ortolan; Elements de droit pénal, № 699 и слѣд.

скомъ уголовномъ кодексѣ, всѣ преступленія данной категоріи. Сюда относятся:

1) Покушеніе и заговоръ съ цѣлью уничтоженія или же измѣненія формы правленія или порядка престолонаслѣдія, или съ цѣлью возбудить гражданъ къ вооруженному сопротивленію королевской власти, законодательнымъ палатамъ или одной изъ нихъ.

2) Инсуррекціонное сборище, созванное для совершенія покушенія на политическій строй.

3) Покушеніе и заговоръ, имѣющіе въ виду возбужденіе междоусобной войны путемъ вооруженія гражданъ, или возбужденіе части гражданъ вооружиться на другую часть гражданъ.

4) Образованіе вооруженныхъ отрядовъ, вербовка солдатъ, и пр.

5) Проступки, нарушающіе конституціонныя привиллегіи народныхъ представителей или министровъ.

6) Заговоръ должностныхъ лицъ, задумавшихъ мѣры противныя законамъ или королевскимъ декретамъ.

7) Превышенія власти, совершенныя административными и судебными властями.

8) Злоупотребленія властью со стороны должностныхъ лицъ.

9) Проступки лицъ духовнаго званія.

10) Злостныя и публичныя нападенія на конституціонную власть короля, на неприкосновенность его личности, на конституціонныя права его династіи или на права и власть законодательныхъ палатъ.

11) Хитрости, обманы и насильственныя мѣры употребляемыя при выборахъ [1]).

---

[1]) См. Haus; Principes généraux du droit pénal belge, T. I, № 329—335, стр. 243—248.

Филанджіери называетъ политическими преступленіями всѣ акты направленные противъ государственнаго устройства и противъ суверенной власти [1]).

Фіоре даетъ слѣдующее опредѣленіе политическихъ преступленій. Политическія преступленія, это тѣ преступленія, которыя нарушаютъ порядокъ установленный основными государственными законами, компетенцію властей, предѣлы власти каждаго гражданина, общественный порядокъ, права и обязанности, отсюда вытекающія [2]).

Бильо подъ политическими преступленіями разумѣетъ совокупность дѣйствій, имѣющихъ цѣлью нарушить незаконными путями политическій или соціальный строй, существующій въ государствѣ [3]).

Джонъ Стьюартъ Милль въ своей парламентской рѣчи 3 августа 1866 г. опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ политическія преступленія. Политическое преступленіе есть всякое преступленіе, совершенное во время междоусобной войны или съ цѣлію возбужденія междуусобной войны, инсуррекціи или политическихъ сотрясеній [4]).

Изъ приведенныхъ дефиницій политическихъ преступленій мы принимаемъ ту которую даетъ намъ Филанджіери, ибо она отличается наибольшими сжатостью и содержательностью, а для всякой дефиниціи эти два свойства являются краеугольными. Итакъ политическія преступленія—это всѣ акты направленные противъ государственнаго устройства и противъ суверенной власти. Акты эти не влекутъ за собою выдачи лицъ ихъ совершившихъ, согласно современному экстрадиціонному праву. Мотивы слѣдующіе: Солидарность

---

[1]) См. Scienza della ligislazione, кн. III, ч. II, гл. XLIII (приведено у Фіоре, № 403, Т. II).
[2]) См. Fiore; Т. II, № 407, стр. 592.
[3]) Billot: стр. 102.
[4]) Приведено у Fiore; Т. II, стр. 594, прим. 2.

интересовъ членовъ союза международнаго, общность культурныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ субъектами международнаго права, тождество или аналогичность задачъ, побуждающихъ отдѣльныя государства соединяться въ высшую форму человѣческаго общенія, не требуютъ взаимнаго содѣйствія въ достиженіи цѣлей правосудія по отношенію къ политическимъ преступникамъ. При невыдачѣ общихъ преступниковъ невыдающему государству можетъ грозить двоякая опасность. 1) Весьма вѣроятно, что бѣглые злоумышленники будутъ продолжать свою дѣятельность въ томъ же направленіи, какъ и прежде, ибо порочныя привычки искореняются весьма не легко и крайне невѣроятно предположить, что лица, привыкшія жить на чужой счетъ, жить безчестными средствами, лица, имѣющія по большей части отвращеніе къ нормальному, правильному, постоянному труду, внезапно превратятся въ честныхъ тружениковъ и полезныхъ членовъ общества, какъ только они вступятъ на территорію государства, въ которомъ они ищутъ убѣжища. 2) Безнаказанность преступниковъ, вслѣдствіе ихъ невыдачи, явится соблазномъ для мѣстныхъ жителей, которые легко могутъ воспользоваться даннымъ примѣромъ и рѣшиться на совершеніе преступленій въ своихъ отечественныхъ предѣлахъ съ послѣдующимъ бѣгствомъ заграницу, чтобъ тамъ наслаждаться безнаказанностью. Если же дѣло идетъ о политическихъ преступникахъ, то государству невыдающему данныхъ лицъ не угрожаетъ ни та, ни другая опасность. Политическій преступникъ дѣйствуетъ не изъ своекорыстныхъ цѣлей, а для общаго блага. Не порочныя привычки или стремленіе къ легкой наживѣ руководятъ имъ, а желаніе измѣнить то политическое положеніе вещей, которое существуетъ въ томъ или другомъ

государствѣ. Онъ жертвуетъ собою для родины. Крайне неправдоподобно, чтобъ такой человѣкъ началъ агитировать въ томъ государствѣ, которое служитъ ему убѣжищемъ. Вѣдь не убѣжитъ же республиканскій заговорщикъ въ монархическое государство, или же бунтовавшій монархистъ въ республиканское государство. Политическій преступникъ всегда употребитъ всѣ усилія, чтобъ пріютиться въ предѣлахъ государства симпатичнаго ему и по идеямъ. А если преступникъ политическій принужденъ будетъ бѣжать на территорію государства, которое по своему политическому строю аналогично съ отечествомъ бѣглеца, то и въ такомъ случаѣ едва ли продолженіе агитаціонной дѣятельности явится вѣроятнымъ. Продолжать политическую дѣятельность противъ своего роднаго правительства онъ не рѣшится, ибо знаетъ, что подвергнется за это изгнанію, а агитація противъ мѣстнаго правительства ничѣмъ не мотивировалась бы. Въ своемъ отечествѣ онъ агитировалъ изъ любви къ родинѣ, а до чужаго политическаго неустройства ему нѣтъ дѣла. Соблазна для подданныхъ или гражданъ того государства, въ предѣлахъ котораго находится бѣжавшій политическій преступникъ, также не можетъ воспослѣдовать, ибо политическія преступленія совершаются изъ идеальныхъ стремленій, а не для наживы. Трудно допустить, чтобъ у мѣстныхъ жителей явился внезапно аппетитъ къ заговорамъ изъ за безнаказанности иностранныхъ политическихъ преступниковъ. Если въ государствѣ, служащемъ убѣжищемъ, политическій строй и вообще жизнь политическая находятся въ удовлетворительномъ состояніи, то не найдется много охотниковъ жертвовать собою просто такъ, на здорово живешь, по буйности нравовъ. Что же касается до литературной

и ораторской дѣятельности фанатиковъ—террористовъ, то такія лица не заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Наилучшимъ средствомъ борьбы противъ подобныхъ геростратиковъ является употребленіе съумасшедшихъ рубашекъ и ослиныхъ колпаковъ со стороны общества и печати и національная правительственная и общественная образовательная пропаганда.

Кромѣ вышеприведенныхъ мотивовъ, повлекшихъ за собою невыдачу политическихъ преступниковъ со стороны современныхъ культурныхъ странъ, укажемъ еще на слѣдующія побудительныя причины: Крайне неконсеквентно, нелогично было бы, еслибъ монархическое государство выдало того человѣка, который на своей родинѣ агитировалъ противъ республиканскаго правительства съ цѣлью водворенія монархіи. Такое лицо скорѣе должно считаться въ монархическомъ государствѣ, куда онъ бѣжалъ, мученикомъ за правду. Его идеи, его взгляды, воззрѣнія, его политическое міросозерцаніе должны считаться достойными высшихъ похвалъ, а не порицанія и, тѣмъ болѣе, не наказанія. Далѣе, безпристрастіе судей отечественнаго государства преступника является сомнительнымъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ судьи, разбирающіе дѣла политическія не пользуются фактически полною независимостью. Замѣчаніе это относится къ тѣмъ государствамъ, въ которыхъ дѣла о нолитическихъ преступникахъ рѣшаются безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Въ тѣхъ же государствахъ, гдѣ въ политическихъ процессахъ участвуютъ присяжные, за полное безпристрастіе также нельзя поручиться. Если общественное мнѣніе той страны, въ которой совершено политическое преступленіе, враждебно относится къ своему правительству, то шансы будутъ за пристрастно — оправдательный приговоръ;

если же общество данной страны твердо стоитъ на правительственной почвѣ, то пристрастно-обвинительное судебное рѣшеніе явится весьма вѣроятнымъ [1]).

До сихъ поръ мы говорили только о чисто политическихъ преступленіяхъ. Но могутъ имѣть мѣсто случаи, когда совершено совмѣстно политическое преступленіе и общее преступленіе. Такъ напр., шайка инсургентовъ насильственно входитъ въ оружейный магазинъ и отбираетъ оружіе. Какъ поступить съ данными лицами, если имъ удалось бѣжать заграницу и если требуется ихъ выдача? Главная виновность данныхъ лицъ должна въ подобныхъ случаяхъ рѣшать вопросъ о выдачѣ или невыдачѣ этихъ лицъ. Если политическое преступленіе имѣетъ большее значеніе, сравнительно съ преступленіемъ общимъ, то преступники, по общему правилу, не подлежатъ выдачѣ. Если же первенствуетъ по важности нарушенныхъ правъ преступленіе общее, то должна имѣть мѣсто выдача данныхълицъ [2]). Билльо, высказывая это теоретическое правило, замѣчаетъ, что, въ подобныхъ случаяхъ, договорное международное право не признало исключенія изъ общаго принципа невыдачи за политическія нарушенія. Авторъ мотивируетъ это слѣдующими соображеніями: чтобы

---

[1]) Дольманъ является единственнымъ защитникомъ выдачи политическихъ преступниковъ во всякомъ случаѣ; онъ говоритъ: «Невыдача политическихъ преступниковъ не имѣетъ ни юридическаго ни политическаго основанія. Единственная причина введенія Франціею принципа невыдачи политическихъ преступниковъ состоитъ въ томъ, что французское правительство (іюльская монархія) само было обязано революціи своимъ существованіемъ, а потому содѣйствіе съ его стороны наказанію за дѣйствія, направленныя противъ государственнаго устройства другихъ странъ, явилось бы отрицаніемъ собственнаго происхожденія (см. статья Дольмана: Auslieferung, въ Deutsches Staatswörlerbuch von Bluntschli und Broter т. I, Штутгартъ и Лейпцигъ, 1857 г.).

[2]) См. Billot: стр. 104, 105.

опредѣлить преобладающій характеръ правонарушенія, необходимо изслѣдовать самую сущность судебнаго дѣла. Рѣшеніе вопроса не можетъ быть предоставлено государству, давшему убѣжище преступнику, ибо данному государству нѣтъ дѣла до сущности процесса. Должно положиться на взглядъ государства требующаго выдачи. Но развѣ, спрашиваетъ авторъ, это не будетъ чрезмѣрное требованіе отъ государства, на территоріи котораго находится злоумышленникъ? Развѣ политическія страсти не имѣли вліянія на рѣшеніе государства требующаго выдачи, и развѣ тѣ же политическія страсти не повліяютъ на судебное разбирательство? Абсолютная справедливость требуетъ, чтобъ побочное преступленіе имѣло значеніе въ качествѣ обстоятельства увеличивающаго вину въ вопросѣ о виновности правонарушителя и о примѣненіи наказанія. Правда, продолжаетъ авторъ, что выдача могла бы быть дозволена подъ непремѣннымъ условіемъ, что на политическое преступленіе не будетъ обращено вниманія. Но будутъ ли судьи въ состояніи воспротивиться давленію общественнаго мнѣнія? [1]). Вся аргументація Билльо основана на явномъ недовѣріи къ сочлену въ союзѣ международномъ, съ которымъ заключена картельная конвенція. Крайне нелогично! Если государство А. не довѣряетъ государству В., то заключеніе картельной конвенціи явится актомъ некультурнымъ, если же обѣ договорившіяся державы довѣряютъ другъ другу, то вся аргументація Билльо рушится. Переходя къ договорнымъ постановленіямъ по предмету правонарушеній государственныхъ,

---

[1]) См. Billot: стр. 105.
[2]) «Une des conqеûtes du droit moderne». [См. Fiore. T. II, стр. 583.

мы, прежде всего, замѣтимъ, что невыдача за политическія преступленія является принципомъ недавняго происхожденія въ области договорнаго международнаго права. Это, какъ выражается Фіоре, одна изъ побѣдъ, одержанныхъ современнымъ правомъ [1]). Въ прежнее время выдача преступниковъ имѣла спеціально въ виду государственныя правонарушенія (Гроцій; кн. II, гл. XXI, № 4). Выдачи преступниковъ общихъ представляются явленіемъ рѣдкимъ. Укажемъ на главнѣйшія конвенціи, коснувшіяся занимающаго насъ вопроса. Въ 1174 г. король англійскій Генрихъ II заключилъ съ Вильгельмомъ, королемъ шотландскимъ, картельную конвенцію, на основаніи которой лица обвиненныя въ измѣнѣ (félonie) и бѣжавшія изъ Англіи въ Шотландію, подлежатъ заарестованію и суду шотландскихъ судебныхъ органовъ, или же выдачѣ англійскому правительству [1]). Король французскій Карлъ V и герцогъ савойскій заключили международный договоръ тождественнаго содержанія 14 марта 1376 г. [2]). Карлъ VI, король французскій, письмомъ отъ 14 сентября 1413 г. къ королю англійскому, требуетъ выдачи парижскихъ бунтарей [3]). Въ 1497 году король англійскій Генрихъ II заключаетъ съ Фландріею договоръ о выдачѣ политическихъ злоумышленниковъ [4]). Въ 1661 году (23 февраля) Данія выдаетъ Англіи нѣкоторыхъ изъ убійцъ Карла I. Также поступаютъ Голландскіе Генеральные Штаты 14 сентября 1662 г. [5]). Въ 1777 году Франція заключаетъ съ Гельветическою

---

[1]) См. Fiore, Т. II, стр. 563.
[2]) Ibid.
[3]) См. Billot, стр. 107.
[4]) См. Fiore, стр. 583.
[5]) Ibid, стр. 587.

республикою международный договоръ, въ которомъ стипулируется взаимная выдача государственныхъ преступниковъ, убійцъ или другихъ лицъ признанныхъ виновными въ публичныхъ правонарушеніяхъ [1]). Договоръ этотъ былъ замѣненъ союзнымъ трактатомъ 19 августа 1798 года; ст. 14 относится къ лицамъ виновнымъ въ заговорѣ противъ внутренней или внѣшней безопасности государства. Выдачу политическихъ преступниковъ постановляютъ также слѣдующіе франко-швейцарскіе договоры: 27 сентября 1803 г., ст. 18 и 18 іюля 1828 г., ст. 5. Въ 1833 году (30 сентября) имѣлъ мѣсто обмѣнъ декларацій между французскимъ посломъ въ Швейцаріи и швейцарскимъ союзнымъ правительствомъ, по предмету отмѣны постановленій о выдачѣ политическихъ преступниковъ, содержащихся въ договорѣ 1828 года [2]). Въ 1809 году (10 декабря) между Швеціею и Даніею заключенъ мирный трактатъ въ Iocnkocping. Трактатъ этотъ содержитъ постановленіе о выдачѣ политическихъ преступниковъ. Такое же постановленіе включено въ трактатъ шведско-датскій 7 марта 1823 г. Но Науманъ замѣчаетъ, что примѣненіе стипуляцій даннаго договора о лицахъ подозрѣваемыхъ въ оскорбленіи величества и въ государственной измѣнѣ не было бы допущено въ настоящее время правительствами договорившихся державъ [3]). Въ 1801 г. англійское правительство потребовало отъ гамбургскаго сената выдачи трехъ ирландцевъ, замѣшанныхъ въ ирландской инсуррекціи. Переговоры по сему предмету продолжались одиннадцать мѣсяцевъ, послѣ

---

[1]) См. Billot, стр. 41.
[2]) Jbid, стр. 109.
[3]) См. Nauman. Du droit d'asile des étrangers en Suede, въ R. de Dr. Intern. T. II, стр. 179 и слѣд.

чего требуемыя лица были выданы. Тогда Наполеонъ I послалъ слѣдующую депешу гамбургскому сенату: „Ваше письмо не оправдываетъ вашего поведенія. Добродѣтель и мужество суть опоры государствъ. Низкопоклонничество и отсутствіе благородства губятъ государства. Вы нарушили законы гостепріимства до такой степени, что даже кочующіе обитатели пустыни покраснѣли бы!" [1]). Въ 1825 году Англія отказываетъ Россіи въ выдачѣ одного изъ декабристовъ [2]). Въ 1838 г. (6 іюня) заключена картельная конвенція о выдачѣ политическихъ преступниковъ между Австріею и Сардиніею. Мирный трактатъ австро-сардинскій 6 августа 1849 г. возстановляетъ силу всѣхъ прежнихъ договоровъ. Сардинскій парламентъ объявилъ договоръ 1838 года непримѣнимымъ по отношенію къ политическимъ преступникамъ, но сардинское правительство не согласилось съ этимъ мнѣніемъ [3]). Въ 1834 году Россія, Австрія и Пруссія заключили конвенціи о взаимной выдачѣ политическихъ преступниковъ, бѣжавшихъ изъ присоединенныхъ польскихъ провинцій [4]). Въ 1849 году Австрія и Россія предъявили Турціи требованіе выдачи Кошута и другихъ бѣжавшихъ въ Турцію венгерскихъ инсургентовъ. Поддерживаемое Англіею, оттоманское правительство отказало названнымъ двумъ державамъ въ удовлетвореніи ихъ требованія. Лордъ Пальмерстонъ послалъ депешу англійскимъ посланникамъ въ Вѣнѣ и въ С.-Петербургѣ, въ которой, между прочимъ, сказано: „Если, въ новыя времена, существуетъ законъ,

---

[1]) См. Billot, стр. 108.
[2]) Ibid.
[3]) См. Mohl. Staatsrecht, Völker и Pol. T. I, стр. 658, и прим. 1.
[4]) Jbid., стр. 659.

который былъ соблюдаемъ болѣе свято, чѣмъ всѣ остальные законы со стороны независимыхъ государствъ, то это законъ, воспрещающій выдачу политическихъ бѣглецовъ. Всякое независимое правительство, которое согласилось бы на такую выдачу, при отсутствіи обязательности выдачи, установленной международною конвенціею, навлекло бы на себя справедливое позорное клеймо со стороны цѣлаго міра [1]". Получивъ отказъ отъ Турціи, австрійскій и русскій императоры объявили, что они прерываютъ всякія дипломатическія сношенія съ этою державою. Впослѣдствіи Австрія и Россія отказались отъ своего требованія и возобновили свои дипломатическія сношенія съ Турціею, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы венгерскихъ бѣглецовъ неподпускали къ берегамъ Малой Азіи [2]). Франція признаетъ принципъ невыдачи преступниковъ политическихъ съ 1833 года. Въ этомъ же году (30 сентября), какъ мы выше замѣтили, имѣлъ мѣсто обмѣнъ декларацій между Франціею и Швейцаріею, которыми отмѣнялось постановленіе франко-швейцарскаго договора 1828 года о выдачѣ политическихъ преступниковъ. Правило объ исключеніи изъ экстрадиціонной номенклатуры политическихъ преступленій формулировано также въ циркулярѣ французскаго министра юстиціи отъ 5 апрѣля 1841 года, § 2, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „Франція считаетъ дѣломъ чести поддерживать данное правило. Послѣ 1830 года Франція всегда отказывала

---

[1]) См. Billot, стр. 109.

[2]) См. Fiore, T. II, стр. 585. Требованіе Австріи и Россіи основывались на слѣдующихъ трактатахъ, постановившихъ выдачу лицъ, обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ. Трактаты австро-турецкіе 1718 и 1789 гг. и трактатъ русско-турецкій, заключенный въ Кучукъ-Кайнарджи. См. Fiore, loc. cit., прим. 5.

въ подобныхъ выдачахъ; Франція никогда не будетъ сама ихъ требовать" [1]). Тоже правило установлено въ конвенціи франко-бельгійской 22 ноября 1834 г. (ст. 5) [2]). Въ настоящее время принципъ невыдачи политическихъ преступниковъ является почти общепризнаннымъ въ сферѣ международнаго договорнаго права. Исключеніе представляютъ только слѣдующіе международные договоры: Конвенція русско-шведская 20 ноября 1810 года [3]), дѣйствіе которой было продолжено въ 1834, 1840, 1846, 1852 и 1860 гг. Въ данной конвенціи не упомянуто объ исключеніи въ пользу политическихъ преступниковъ. Впрочемъ Науманъ полагаетъ, что шведское правительство не согласилось бы на выдачу преступниковъ политическихъ, имѣя въ виду картельныя конвенціи, заключенныя Швеціею съ другими державами [4]). Далѣе: конвенція между Италіею и Китаемъ 26 октября 1866 года [5]) и трактатъ Тинцинскій, заключенный между Англіею и Китаемъ 25 іюня 1868 г. [6]). Но, подобно Науману, Фіоре замѣчаетъ, что итальянское правительство, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру Англіи, не выдастъ политическаго преступника. Тоже слѣдуетъ сказать и съ тою же оговоркою о договорахъ, заключенныхъ Франціею съ Китаемъ (27-го іюня 1858 года), съ королевствомъ Сіамскимъ (15-го августа 1856 года), съ королевствомъ Аннамскимъ (5-го іюня 1862 года) и съ

---

[1]) См. Billot, стр. 111.
[2]) Ibid.
[3]) См. Calvo; Т. II, кн. XV, § 1246, стр. 369.
[4]) См. Nauman; Du droit d'asile des étrangers en Scude въ Revue de Dr. Intern; Т. II, стр. 179 и слѣд.
[5]) См. Fiore; Т. II, стр. 590, прим. 2.
[6]) Ibid, Т. I, стр. 313, прим. 1.

Мадагаскаромъ (8-го августа 1868 года) [1]). Россія также включила правило о невыдачѣ политическихъ преступниковъ въ свои новѣйшія картельныя конвенціи. Сюда относятся конвенціи: 1869 года съ Баваріею, 1873 г. (17 ноября н. с.) съ Швейцаріею и того же года съ Австріею [2]). Въ государствахъ конфедераціонныхъ и федераціонныхъ взаимная выдача политическихъ преступниковъ членами конфедераціи или федераціи считается дозволенною, ибо враги политическаго строя отдѣльныхъ членовъ союза опасны и для цѣлаго союза, въ виду тѣсной связи, соединяющей части съ цѣлымъ. Этимъ объясняется германское союзное постановленіе (Bundesbeschluss) отъ 18 августа 1836 года и постановленіе 26 января 1854 г., которыя отрицаютъ принципъ невыдачи политическихъ преступниковъ. Въ настоящее время взаимная выдача политическихъ преступниковъ отдѣльными государствами, входящими въ составъ Германской Имперіи постановлена Имперскимъ Уголовнымъ Кодексомъ, вступившимъ въ силу 1 января 1872 г. [3]). Конституція Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, (ст. IV) установляетъ 17 Сент. 1787. обязательную выдачу лицъ виновныхъ въ совершеніи общихъ преступленій, а также и преступниковъ политическихъ (treason, felony, or any other crime) [4]). Швейцарская же конституція 1848 года не установляетъ обязательной выдачи между кантонами преступ-

---

[1]) Конвенціи эти приведены у Fiore франц. перев. въ приложеніи: Recueil de documents officiels français relatifs à l'extradition.

[2]) См. Calvo: томъ II, § 1247, стр. 372.

[3]) См. Rechtslexikon Гольцендорфа, ст. Бульмеринга: Auslieferungsverträge.

[4]) См. Bar. Das Intern Priv. und Strafr. стр. 595, прим. 9.

никовъ политическихъ [1]). Тоже должно замѣтить о швейцарской конституціи 1874 года.

Во многихъ конвенціяхъ правило невыдачи политическихъ преступниковъ не примѣняется по отношенію къ лицамъ, посягнувшимъ на жизнь главы государства или членовъ его семьи. Въ 1856 г. впервые появляются спеціальныя договорныя постановленія по данному предмету, хотя ужь раньше были случаи международныхъ сношеній о цареубійцахъ. Такъ, напр., въ 1835 году Франція требуетъ отъ Пруссіи выдачи Барду, замѣшаннаго въ дѣлѣ Фіески. Пруссія удовлетворяетъ требованію Франціи [2]). Въ 1845 г. Швейцарія выдаетъ Франціи одного злоумышленника, виновнаго въ покушеніи на цареубійство [3]). Въ 1848 году французское правительство выдаетъ убійцъ герцога Лихтенштейнскаго [4]). Появленіе въ 1856 году договорныхъ стипуляцій о цареубійцахъ объясняется слѣдующимъ образомъ: Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1854 года на французской сѣверной желѣзной дорогѣ (chemin de fer du Nord), между городами Лиллемъ и Кале найдена была адская машина, поставленная туда съ цѣлью взорвать поѣздъ, на которомъ Императоръ Наполеонъ III долженъ былъ ѣхать въ Турнэ. Французское правительство обратилось къ бельгійскому правительству, требуя выдачи двухъ французовъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ и бѣжавшихъ въ Бельгію. Одинъ изъ нихъ Селестэнъ Жакэнъ (Celestin Jacquin)—былъ подвергнутъ временному аресту послѣ предъявленія предписанія объ арестѣ (mandat d'arrêt) французскихъ властей за

---

[1]) См. Loch, loc, cit.
[2]) См. Billot, стр. 113.
[3]) Jbid.
[4]) Jbid.

покушеніе на личность Императора Французовъ и за покушеніе на убійство лицъ, которыя должны были сопровождать Императора. Брюссельскій судъ первой инстанціи выдалъ exequatur, т. е. признавъ законнымъ французское предписаніе объ арестѣ и приведя его въ исполненіе, доказалъ, что онъ не считаетъ данный актъ политическимъ нарушеніемъ (ст. 6 бельгійскаго закона 1833 года). Обвиняемый потребовалъ освобожденія изъ временнаго заключенія, основываясь на томъ, что преступленіе, въ коемъ онъ обвинялся, не вошло въ картельную конвенцію франко-бельгійскую, а также и на томъ, что данное преступленіе носитъ политическій характеръ. Судъ второй инстанціи призналъ за даннымъ поступкомъ политическій характеръ и постановилъ освободить Жакэна. Но кассаціонный судъ кассировалъ рѣшеніе суда второй инстанціи (12-го марта 1855 г.), причемъ кассаціонное рѣшеніе было мотивировано слѣдующимъ образомъ: „Принимая во вниманіе, что изъ сопоставленія законовъ 1 октября 1833 года и 30 декабря 1836 г. и мотивовъ, которые, при обсужденіи этого послѣдняго закона, повлекли за собою отклоненія исключительнаго постановленія, относящагося къ политическимъ преступленіямъ, вытекаетъ, что факты спеціально предусмотрѣнные ст. 1 закона 1833 года могутъ повлечь за собою выдачу или судебное преслѣдованіе въ Бельгіи, на основаніи различій и подъ условіями установленными законодателемъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эти факты составляютъ сами по себѣ нарушенія законовъ естественныхъ и неизмѣнныхъ человѣческой совѣсти и когда факты эти наказываются уголовными законами всѣхъ народовъ; отсюда очевидно, что законодатель, въ ст. 6 вышеуказаннаго закона 1833 года, не могъ понимать подъ политическимъ прес-

тупленіемъ другихъ фактовъ, кромѣ тѣхъ, коихъ исключительный характеръ состоитъ въ посягательствѣ на форму правленія и на политическій строй извѣстнаго народа, и подъ фактами связанными съ этими преступленіями—тѣ факты, оцѣнка коихъ, съ точки зрѣнія ихъ преступности можетъ зависѣть отъ чисто политическаго характера главнаго факта, къ которому прикасаются данные факты; но это постановленіе не можетъ ни въ какомъ случаѣ имѣть примѣненія къ фактамъ, которые, какова бы ни была цѣль, къ достиженію которой стремился виновный, и какова бы ни была форма правленія народа, среди котораго фактъ совершенъ, осуждаются нравственностью, и подлежатъ репрессивнымъ мѣрамъ карательнаго закона, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Принимая, далѣе, во вниманіе, что, на основаніи даже даннаго рѣшенія суда, факты, вызвавшіе временный арестъ отвѣтчика, составляютъ покушеніе на жизнь Императора Французовъ и на жизнь лицъ, которыя должны были сопровождать Императора. Принимая, далѣе, во вниманіе, что невозможно смотрѣть на эти факты, какъ на факты, имѣющіе исключительно политическій характеръ въ смыслѣ ст. 6 закона 1-го октября 1833 г. и что, поэтому, предписавъ освобожденіе изъ заключенія отвѣтчика, на основаніи этой послѣдней статьи, обжалованное рѣшеніе ложно интерпретировало это постановленіе и формально нарушило ст. 1 того же закона... кассируетъ... и пр.“ Дѣло было передано суду Люттихскому, который 27-го марта постановилъ рѣшеніе согласное съ рѣшеніемъ кассаціоннаго суда [1]).

---

[1]) См. Billot, стр. 114; de Vazelhes, стр. 70.

Оставалось дождаться окончательнаго рѣшенія дѣла бельгійскимъ правительствомъ. Всѣ ожидали этого рѣшенія съ напряженнымъ вниманіемъ; но французское правительство отказалось отъ своего требованія до объявленія рѣшенія бельгійскаго правительства. Бельгійское правительство, на запросы въ Парламентѣ, отвѣчало, что оно занято приготовленіемъ проекта закона объ исключеніи изъ категоріи политическихъ преступленій посягательства на жизнь суверена. Въ проектѣ закона, вскорѣ представленнаго на обсужденіе Палаты Представителей, сказано, между прочимъ: „Цареубійство, по всеобщему желанію, должно впредь безспорно считаться въ Бельгіи обыкновеннымъ убійствомъ человѣка (homicide). Жизнь иностраннаго суверена будетъ охраняема наравнѣ съ жизнью всякаго иностранца безъ ранговаго различія, ни болѣе и ни менѣе. Сдѣлать болѣе было бы возвышеніемъ цареубійства до значенія преступленія политическаго, помощію печальной привиллегіи, и допущеніемъ того, что всѣ мы отвергаемъ: выдачи за политическія преступленія. Сдѣлать менѣе, значитъ поставить иностраннаго принца внѣ общаго права и санкціонировать несправедливость" [1]). Законъ вотированъ бельгійскимъ Парламентомъ 22-го марта 1856 года, а 22-го сентября того же года заключена конвенція франко-бельгійская гласящая, что „не будетъ считаться преступленіемъ политическимъ, или преступленіемъ связаннымъ съ политическимъ, посягательство на личность иностраннаго суверена или членовъ его семьи, въ тѣхъ случаяхъ, когда посягательство это составляетъ факты убійства предумышленнаго или непредумышленнаго, или же отравленія". Данное поста-

---

[1]) См. de Vaselhes, стр. 71.

новленіе находится также въ конвенціи франко-бельгійской 15-го августа 1874 г. [1]) и во всѣхъ послѣдующихъ конвенціяхъ заключенныхъ Франціею, за исключеніемъ конвенцій заключенныхъ съ Англіею, Италіею, Швейцаріею, Испаніею и республикою Перу [2]). Стипуляція о выдачѣ цареубійцъ содержится также въ голландскомъ законѣ 6-го апрѣля 1875 г. [3]), и въ слѣдующихъ конвенціяхъ: 18-го марта 1857 г. между Бельгіею и Австріею [4]), 13-го ноября 1862 г. между Бельгіею и Нидерландами [5]), 24-го декабря 1874 г. между Германіею и Бельгіею [6]), 23-го сентября 1872 г. между Австріею и Черногоріею [7]). Подобная же стипуляція содержится въ конвенціяхъ заключенныхъ Россіею съ Баваріею (14/26 февраля 1869 г. [8]), съ великимъ герцогствомъ Гессенскимъ (3/15 ноября 1869 г. [9]), съ Бельгіею (23-го авг./4-го сентября 1872 г. [10]), съ Австро-Венгріею (3/15 октября 1874 года [11]) и съ Испаніею 9/21 марта 1877 г.). Въ договорахъ же русско-итальянскомъ (1/13 мая 1871 г. [12]) и русско-швейцарскомъ (17-го ноября н. с. 1873 г. [13])

---

[1]) de Vazelhes, стр. 71.
[2]) См. Fiore, франц. перев., стр. 594, прим. 3 и Weiss: Etude sur les conditions de l'extradition, Paris 1880 г., стр. 186.
[3]) Ibid.
[4]) См. Calvo, т. II, § 1268.
[5]) Ibid.
[6]) Ibid.
[7]) См. Teichmann: Les Délits Politiques, etc, въ Revue de Dr. Intern, т. XI, стр. 506.
[8]) См. Rechtlexicon и пр. von Dr. Franz v. Holtzendorff, изд. 3-е, Лейпцигъ. 1880 г. т. I, стр. 197.
[9]) Ibid.
[10]) Ibid.: стр. 196.
[11]) См. Calvo. loc. cit.
[12]) См. Holtzendorff. Rechtslexicon, т. I, стр. 198.
[13]) de Vaselhes, стр 71.

не стипулируется выдача цареубійцъ. Фіоре объясняетъ отказъ Италіи въ выдачѣ цареубійцъ существованіемъ итальянскаго закона, причисляющаго цареубійства къ преступленіямъ политическимъ [13]). Швейцарскій Союзный Совѣтъ не согласился на предложеніе Франціи включить стипуляціи о выдачѣ цареубійцъ въ франко-швейцарскую картельную конвенцію вслѣдствіе слѣдующихъ соображеній: Формы правленія Франціи и Швейцаріи различны; республиканская Швейцарія находится въ этомъ отношеніи въ совершенно иномъ положеніи, сравнительно съ монархическими государствами, а потому не можетъ быть рѣчи о взаимности по данному предмету между Швейцаріею и Франціею. Швейцарія никогда не потребуетъ подобнаго исключенія въ пользу членовъ своего правительства; Швейцарія должна вслѣдствіе этого оставаться на той принципіальной почвѣ, на которой она стояла до этого времени, а именно: если будетъ предъявлено требованіе о выдачѣ, относящееся до подобнаго случая, то Швейцарія не обязана непремѣнно удовлетворить этому требованію, но союзное правительство должно до принятія рѣшенія изслѣдовать всѣ обстоятельства, при которыхъ совершено преступленіе, чтобы опредѣлить, представляютъ ли данныя обстоятельства характеръ политическаго нарушенія; въ послѣднемъ случаѣ отказъ въ выдачѣ явится основательнымъ; если же, наоборотъ, разсмотрѣніе обстоятельствъ дѣла обнаружитъ наличность общаго преступленія или проступка, о которомъ упомянуто въ договорѣ, то обязательность выдачи вытекаетъ изъ самаго трактата [1]). Отказавъ Франціи по предмету включенія

---

¹) См. Fiore, т. II, стр. 596, примѣч. 1.
²) См. Calvo, томъ III § 1267.

въ картельную франко-швейцарскую конвенцію постановленіе о выдачѣ цареубійцъ, Швейцарія поступила совершенно тождественно относительно Россіи въ 1879 году. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1879 году была напечатана въ „Journal de St.-Pétérsbourg“ передовая статья, въ которой газета упрекаетъ Швейцарію, по поводу покушенія Соловьева, въ причисленіи цареубійства къ преступленіямъ политическимъ. Приэтомъ русское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ обратилось къ гельветическому правительству съ предложеніемъ отказывать впредь русскимъ политическимъ бѣглецамъ обвиненнымъ въ покушеніи на цареубійство въ правѣ убѣжища на швейцарской территоріи [1]). Отказъ швейцарскаго правительства отличается аналогичностью мотивировки съ предшествовавшимъ отказомъ на предложеніе Франціи. Отвѣчая на вышеупомянутую статью „Journal de St.-Pétérsbourg“, Тейхманнъ (Базельскій профессоръ) замѣчаетъ, что авторъ статьи несправедливо приписываетъ Швейцаріи такіе принципы, которые напрасно стали бы искать въ швейцарскомъ законодательствѣ. Швейцарія, говоритъ авторъ, не отрицаетъ за покушеніями на сувереновъ характера общихъ преступленій, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ. Но Швейцарія не допускаетъ, согласно началамъ національнаго публичнаго права, чтобъ эти преступленія не относились къ той же категоріи преступленій, къ которой относятся тѣ же преступленія, но имѣющія своимъ объектомъ частныхъ лицъ. Это объясняется республиканскимъ строемъ Швейцаріи, который опирается на

---

[1]) См. Hornung (женевскій профессоръ): Note sur l'extradition pour cause de régicide, въ Revue de Dr. Intern., т. XI, стр. 518. Calvo, т. II, § 1267,

безусловномъ всеобщемъ равенствѣ передъ закономъ. Личность президента Конфедераціи не болѣе охранена, чѣмъ личность всякаго другаго индивида. Отсюда понятно, что цареубійство въ собственномъ смыслѣ исключено изъ конвенцій, заключенныхъ Швейцаріею и иностранными государствами о взаимной выдачѣ преступниковъ, ибо самое слово цареубійство соединяетъ съ понятіемъ преступленія политическій элементъ и присоединяетъ къ идеѣ убійства идею оскорбленія величества. А эта идея совершенно чужда швейцарскимъ законамъ. Еслибы цареубійцы должны были и могли бы быть судимы заграницею какъ обыкновенные убійцы, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они были бы выданы, какъ и прочіе убійцы; но такъ какъ иностранныя государства не допускаютъ этой точки зрѣнія, то Швейцарія признала удобнымъ оставить за собою право сообразоваться съ своимъ національнымъ законодательствомъ. Не забудемъ, продолжаетъ авторъ, что федеральный уголовный кодексъ (ст. 41 и слѣд.) дозволяетъ преслѣдованіе того, кто нарушаетъ иностранную территорію (ein fremdes Gebiet verletzt) или кто совершаетъ какой либо другой актъ противный принципамъ международнаго права и что кодексъ этотъ наказываетъ публичныя оскорбительныя дѣйствія (les offenses publiques), направленныя противъ иностраннаго народа или иностраннаго суверена, въ тѣхъ случаяхъ, когда можетъ имѣть мѣсто взаимность. Безполезными явились бы пренія о томъ, слѣдуетъ ли считать союзное уголовное законодательство во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ. Даже можно заключить противное изъ проекта уголовнаго кодекса для кантона Ваадтъ (Лозанна, 1879, стр. 100). Въ виду категорическихъ объясненій, данныхъ при заключеніи

франко-швейцарскаго договора 1869—1870 г., упрекать Швейцарію въ преступномъ покровительствѣ цареубійцамъ является неосновательнымъ. Тутъ ошибка со стороны тѣхъ, которые заблуждаются въ вопросѣ о внутренней природѣ этихъ преступленій, и притомъ заблуждаются или добровольно, или же будучи подъ вліяніемъ ихъ національнаго законодательства. Необходимо во чтобы ни стало возстановить истину, чтобы воспрепятствовать взгляду на иностранные законы не согласному съ дѣйствительностью. Если желаютъ въ новыхъ картельныхъ конвенціяхъ устранить вышеуказанныя неудобства, то необходимо войти въ соглашеніе по вопросу о самомъ понятіи политическаго преступленія, а также совѣтоваться съ положительнымъ правомъ и съ научными данными болѣе, чѣмъ это дѣлаютъ въ настоящее время. Лица, которымъ поручено заключеніе подобныхъ договоровъ, должны обладать полнымъ знаніемъ законодательства и должны избѣгать оставленія невыясненными трудныхъ пунктовъ чрезъ умолчаніе о нихъ. Если въ убійствѣ или отравленіи суверена видѣть прежде всего общее преступленіе—но въ томъ только случаѣ, если данный актъ совершенъ въ мирное время — то можно одобрить постановленіе трактата франко-чилійскаго при указанномъ дополненіи его (т. е. совершеніи въ мирное время), или же можно держаться примѣра закона голландскаго 6 апрѣля 1875 г. [1]).

[1]) Въ конвенціи франко-чилійской 11 апрѣля 1860 года и въ законѣ голландскомъ говорится не только о суверенѣ, но и вообще о главѣ государства, причемъ въ голландскомъ законѣ говорится о членахъ семейства суверена, а въ конвенціи франко-чилійской только упомянутъ наслѣдникъ французскаго престола. О членахъ семьи главы республиканскаго государства не упомянуто ни въ конвенціи, на въ законѣ. (Прим. автора.)

Швейцарія всегда считала дѣломъ чести предоставлять широкое убѣжище политическимъ бѣглецамъ всѣхъ націй. Но она постоянно предоставляла себѣ право рѣшать вопросъ о томъ, оказались ли бѣглецы достойными такого гостепріимства. Было бы излишнимъ напоминать читателю осужденіе французскаго бѣглеца за напечатаніе статей, подстрекавшихъ къ убійству сувереновъ (Дѣло газеты „Avant-garde“, декабрь 1878 г., апрѣль 1879 г.). Швейцарія только что изгнала изъ предѣловъ швейцарской территоріи другого иностранца, Итальянца, по тождественнымъ причинамъ, а также германскаго подданнаго (Гельзена въ мартѣ — апрѣлѣ 1879 г.). Иначе поступать было бы несправедливостью по отношенію даже къ національнымъ подданнымъ, интересамъ которыхъ былъ бы нанесенъ ущербъ присутствіемъ людей безнравственныхъ или страдающихъ преступными страстями. Тогда имѣлъ бы мѣсто фактъ противный потребности всякой страны поддерживать дружественныя сношенія съ государствами, имѣющими другую форму правленія. Что же касается до нигилистовъ, то Тейхманъ не считаетъ ихъ политическими преступниками. Факты и политическіе процессы, говоритъ авторъ, доказываютъ, что нигилисты являются непримиримыми врагами цивилизаціи и всего рода человѣческаго. Авторъ приводитъ выдержку изъ одной нигилистической прокламаціи, захваченной въ Кенигсбергѣ, въ которой сказано, что убійство высокопоставленныхъ лицъ русской администраціи должно имѣть свое начало съ тѣхъ лицъ, которыя наиболѣе вредны и страшны для дѣла пропаганды. Смерть этихъ лицъ должна привести русское правительство въ смущеніе, распространить паническій страхъ и ослабить притѣс-

7*

снителей, лишая ихъ самыхъ интеллигентныхъ чиновъ [1]). По вопросу о выдачѣ цареубійцъ, Горнунгъ помѣстилъ въ Rev. de Dr. Intern, т. XI, стр. 518, 519, замѣтку, въ которой онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: Съ принципіальной точки зрѣнія очевидно, что цареубійство есть политическое преступленіе, ибо оно направлено противъ суверена, а не противъ частнаго лица, оно вызвано политическими или соціальными мотивами, и, кромѣ того, можно предполагать, что при наказаніи государство, права котораго нарушены, не будетъ обладать тѣмъ же хладнокровіемъ и не обнаружитъ той же справедливости, какъ при наказаніи за общія преступленія. Но въ настоящее время цареубійство представляетъ нѣчто особенное, а именно оно вытекаетъ изъ соціалистическихъ идей, имѣющихъ космополитическій и всеобщій характеръ. Нигилизмъ связанъ съ большимъ европейскимъ и американскимъ соціалистическимъ движеніемъ. Съ этой точки зрѣнія существуетъ опасность для всего цивилизованнаго человѣчества. Но, несмотря на эту конечно весьма вѣскую причину, и несмотря на мотивъ, вытекающій изъ самой природы цареубійства (ибо это убійство), это преступленіе должно всетаки быть признано въ принципѣ преступленіемъ политическимъ и, потому, оно не должно влечь за собою выдачу. Мы тѣмъ болѣе можемъ это утверждать, продолжаетъ авторъ, что въ настоящее время все болѣе и болѣе распространяется наказуемость преступленій противъ международнаго права, а къ этимъ преступленіямъ относится покушеніе на главу иностран-

---

[1]) См. Teichmann, Les Délits Politiques etc., въ Revue de Dr. Intern., т. XI, стр. 512—516. Ср. Ernest Roguin: Le droit d'asile en Suisse (Journal du droit international privé 1881 г. № VII—VIII).

наго правительства. Такъ напр., германскій уголовный кодексъ караетъ за посягательства на иностранныхъ сувереновъ, даже если эти акты совершены германскимъ подданнымъ не на германской территоріи (ст. 103). Австрійскій кодексъ содержитъ подобное же постановленіе. Бельгійскій законъ 1858 г. о преступленіяхъ противъ международнаго права наказываетъ за посягательство на главу иностраннаго государства и за заговоръ противъ него. Вотъ, говоритъ авторъ, настоящее рѣшеніе вопроса: пусть каждое государство наказываетъ все болѣе и болѣе, пусть оно наказываетъ само и по своимъ законамъ преступленія противъ международнаго права, совершенныя на его территоріи. Не легко было бы государствамъ наказывать за преступленія, совершенныя иностранцами или даже собственными подданными заграницею. А между тѣмъ это установлено германскимъ кодексомъ по отношенію къ германскимъ подданнымъ. Во всякомъ случаѣ государства должны своимъ національнымъ правосудіемъ охранять другія государства. Но трудно допустить выдачу за цареубійство и за однородныя правонарушенія. Билльо также не одобряетъ выдачи цареубійцъ. Онъ говоритъ, что политическій характеръ данныхъ актовъ зависитъ отъ обстоятельствъ, при которыхъ они совершаются. Слѣдовательно, это вопросъ факта, оцѣнка котораго должна бы входить въ кругъ обязанностей тѣхъ судовъ которыя являются обыкновенно компетентными при возникновеніи дѣлъ данной категоріи. Законодатель долженъ былъ бы ограничиться признаніемъ принципа невыдачи за политическія нарушенія. Опредѣлять впередъ характеръ извѣстныхъ дѣйствій, значитъ устроить рамку, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ непремѣнно окажется слишкомъ широкою или слишкомъ уз-

кою [1]). Того же мнѣнія держится Фіоре, который находитъ, что невозможно во всѣхъ случаяхъ утверждать, что посягательство на жизнь суверена должно быть разсматриваемо какъ политическое преступленіе. Но авторъ находитъ, что было бы противно истиннымъ юридическимъ принципамъ объявить въ трактатѣ, что данное посягательство не должно считаться преступленіемъ политическимъ. Опредѣленіе политическаго или не политическаго характера извѣстнаго акта есть дѣло судей. Судьи, оцѣнивъ обстоятельства, фактъ, побудительныя причины правонарушенія, и всѣ остальные составные элементы, могутъ рѣшить, слѣдуетъ ли выдать обвиняемаго, или же отвергнуть требованіе выдачи вслѣдствіе политическаго характера даннаго акта. Убійство суверена претендентомъ на престолъ, Фіоре считаетъ преступленіемъ политическимъ. Если же суверенъ убитъ частнымъ лицемъ, то политическій характеръ этого дѣянія признается авторомъ только въ томъ случаѣ, если оно совершено во время междоусобной войны [2]). Къ той же группѣ писателей относится и Броше. Въ докладѣ, представленномъ на обсужденіе Института Международнаго Права въ брюссельской сессіи Института (1 — 6-го сентября 1879 года), Броше говоритъ, что цареубійство, говоря вообще, является преступленіемъ политическимъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда средства, къ которымъ прибѣгаютъ правонарушители, влекутъ за собою послѣдствія, идущія несравненно далѣе личности суверена. Но необходимо изслѣдовать, не имѣетъ ли данный актъ другой причины, входящей въ область общаго права; личность, о

---

1) См. Billot, стр. 117.
2) См. Fiore, т. II, стр. 597, 598.

которой идетъ рѣчь, недостаточна, чтобъ актъ считался политическимъ. Если совершено нападеніе на полицейскихъ агентовъ, то надо изслѣдовать цѣль этого нападенія; въ этихъ дѣлахъ вопросъ о цѣли есть главный вопросъ [1]). Въ пользу выдачи цареубійцъ высказалась англійская королевская коммиссія, образованная 18-го августа 1877 года и напечатавшая свой докладъ въ Лондонѣ, въ 1878 году. Въ докладѣ признается разумность исключенія изъ картельныхъ конвенцій преступленій политическихъ, но затѣмъ прибавлено, что дѣло принимаетъ другой оборотъ, если съ какою-либо политическою цѣлью, или же съ мнимо-политическою цѣлью совершено какое-либо мерзкое преступленіе (foul crime), каковы убійство или поджогъ. Такъ, напр., покушенія на убійство, совершенныя заговорщиками противъ личности суверена, причемъ можетъ быть не приняли въ разсчетъ, что, поступая такимъ образомъ, можно принести въ жертву другія жизни, или поджогъ тюрьмы, съ рискомъ погубить огнемъ всѣхъ лицъ, живущихъ тамъ, или убійство полицейскихъ агентовъ съ цѣлью освободить лицъ, заключенныхъ за политическія преступленія или проступки, все это такіе факты, по отношенію къ которымъ, хотя они и имѣютъ своею причиною цѣль политическую, мы не можемъ думать, что бы слѣдовало допустить какую либо привиллегію. Междоусобная война и инсуррекція происходятъ открыто, среди бѣлаго дня и могутъ или не могутъ быть достойны оправданія или извиненія обстоятельствами дѣла; но убійство или всякое другое возмутительное преступленіе (revolting crime)

[1]) См. Annuaire de l'Institut de Dr. Intern., troisieme en quatrième années, т. I, стр. 216.

нисколько не лишается своего омерзительнаго характера, будучи связано съ политическою цѣлью [1]). Тотъ же образъ мыслей присущъ рѣчи, произнесенной лордомъ Стенлэ (теперь лордъ Дерби) въ засѣданіи 3 августа 1866 г. палаты общинъ. „Мнѣ кажется, сказалъ лордъ, что если съ одной стороны, мы желаемъ, чтобы право не быть арестованными, которымъ пользуются лица виновныя въ политическихъ правонарушеніяхъ, оставалось неприкосновеннымъ, то, съ другой стороны, чудовищнымъ явленіемъ представляется, если лицо, которое, напримѣръ, убило кого-нибудь на улицахъ Парижа и затѣмъ бѣжитъ въ Англію, можетъ быть наказано, но если убитое лицо занимаетъ политическую должность, тогда преступленіе становится политическимъ и англійскіе законы объявляютъ виновнаго не подлежащимъ суду. Подобное положеніе кажется мнѣ не вполнѣ состоятельнымъ. Существуетъ, я знаю, дискреціонная власть, предоставленная государственному секретарю для примѣненія закона, и все, что я могу сказать по предмету этой власти, это то, что если кто либо изъ достопочтенныхъ джентльменовъ можетъ оказать мнѣ содѣйствіе и установить различіе между преступленіемъ чисто политическимъ и преступленіемъ противъ нравственности, то я приму въ соображеніе данное предложеніе для формулировки законнаго постановленія, подходящаго къ этому случаю“ [1]). Въ томъ же смыслѣ высказывается Сариполосъ (адвокатъ въ Аѳинахъ) въ замѣткѣ, помѣщенной имъ въ т. XI, Revue de Dr. Intern, стр. 524—526. „Всякое покушеніе на поли-

[1]) См. Royal commission on extradition, Report. London, 1878, стр. 7.

[1]) Clarke; A treatise upon the law of extradition, прилож. стр. XXXV и XXXVI.

тическій авторитетъ короля, говоритъ авторъ, является правонарушеніемъ политическимъ, если актъ этотъ окончился неудачею; при удачѣ же, если король лишается престола, то форма правленія въ данномъ государствѣ измѣняется и данный фактъ перестаетъ быть преступленіемъ вслѣдствіе одобренія большинства націи обладающей суверенитетомъ. Но посягнуть на жизнь главы государства, или казнить его послѣ лишенія его престола, это, по моему мнѣнію, преступленіе; для меня безразлично, совершено ли это преступленіе частнымъ лицомъ или же націею. Осужденія Карла I и Людовика XVI являются двумя преступленіями. Изгнаніе Стьюартовъ, лишеніе престола греческаго короля Оттона и Наполеона III суть акты чисто политическіе; революціи, лишавшія ихъ престоловъ, не могутъ подлежать критикѣ, такъ какъ національная суверенная власть санкціонировала эти дѣйствія. Впрочемъ сама исторія доказываетъ безполезность преступленія цареубійства. Всѣ преемники умерщвленныхъ королей царствовали, между тѣмъ какъ семейства лишенныхъ престола окончательно утратили корону“. „При преніяхъ въ національномъ греческомъ собраніи по предмету конституціи, которая нынѣ управляетъ Греціею, я имѣю честь быть докладчикомъ и, къ моему счастью, и по моему предложенію, въ конституцію была включена отмѣна смертной казни за политическія нарушенія большинствомъ 223 голосовъ противъ 25. Тогда меньшинство собранія, будучи огорчено пораженіемъ, предложило поправку для включенія въ статью закона, отмѣняющую смертную казнь, особаго постановленія, а именно, что цареубійство никогда не будетъ считаться преступленіемъ политическимъ. Вы понимаете, продолжаетъ авторъ, какое отвращеніе должно было внушить мнѣ

подобное постановленіе, вписанное въ самый текстъ конституціи; я смотрѣлъ на это постановленіе какъ на пятно, которое я не могъ оставить безъ протеста. Занявъ тотчасъ же трибуну, я далъ почувствовать собранію всю мерзость постановленія столь же оскорбительнаго для націи, сколько и для короля, и подробно мотивированною рѣчью я установилъ различіе между преступленіями чисто политическими и преступленіями смѣшаннаго характера, доказывая, что цареубійство всегда должно считаться входящимъ въ эту послѣднюю категорію и никогда не должно пользоваться мотивами, которые влекутъ за собою менѣе строгое судебное разбирательство преступленій политическихъ, сравнительно съ преступленіями противъ общаго права. Національное собраніе, согласившись съ моими воззрѣніями, не приняло предлагаемой поправки и вписало, по моему предложенію, въ протоколъ засѣданія, что цареубійство всегда будетъ считаться преступленіемъ смѣшаннаго характера и, какъ таковое, будетъ подлежать карамъ установленнымъ противъ преднамѣреннаго убійства или противъ покушенія на это преступленіе". „Согласно греческому законодательству, греческій подданный подлежитъ въ Греціи судебному преслѣдованію за всякое преступленіе и за всякій проступокъ, совершенные имъ заграницею, либо противъ соотечественника, либо противъ иностранца. Нельзя сказать того же самаго по отношенію къ иностранцу, ибо этотъ послѣдній, если онъ бѣжалъ въ Грецію, подлежитъ юрисдикціи мѣстныхъ судовъ только въ томъ случаѣ, если потерпѣвшая сторона принадлежитъ къ эллинскимъ подданнымъ; такъ что положеніе иностранца въ Греціи является въ этомъ отношеніи болѣе выгоднымъ, чѣмъ положеніе грека. Замѣтимъ между прочимъ, что Греція заключила до сихъ поръ

картельную конвенцію только съ Италіею въ 1877 г.“.

Раздѣляя эти воззрѣнія, Луи Рено, профессоръ парижскаго юридическаго факультета, говоритъ [1]): „Я не допускаю, чтобы преступленіе было политическимъ только потому, что фактъ былъ совершенъ съ политическою цѣлью, или подъ вліяніемъ политической страсти. Напримѣръ, индивидъ, при отсутствіи всякой открытой борьбы, считая жизнь данной личности препятствіемъ къ осуществленію своихъ политическихъ надеждъ, убиваетъ эту личность, или пытается ее убить; тутъ нѣтъ политическаго преступленія въ томъ смыслѣ, въ какомъ выраженіе это должно быть принято, а есть убійство, совершенное подъ вліяніемъ политической страсти, что̀ далеко не то же самое. Почему политическая страсть должна оказывать болѣе вліянія, чѣмъ всякая другая, могущая быть по крайней мѣрѣ столько же извинительною? Съ юридической точки зрѣнія также мало слѣдуетъ различать *политическое убійство*, какъ убійство совершенное изъ мести, изъ корыстолюбія и т. д.; фактъ остается тѣмъ же, каково бы ни было разнообразіе обстоятельствъ, при которыхъ онъ совершается. Все, что можно требовать съ международной точки зрѣнія, состоитъ въ томъ, чтобы преступность не была усилена чрезъ политическую цѣль или публичный характеръ жертвы. Совѣсть, если она не затемнена предубѣжденіями партій, говоритъ намъ, что тѣ, которые убили президента Линкольна, герцога беррійскаго, Росси, —Фіески, Орсини, Нобилингъ, Пассананте, или Отеро, совершили убійства, или покушенія на убійство. Съ нравственной точки зрѣнія могло быть различіе между этими индивидами, какъ можетъ быть таковое между

---

[1]) Journal du droit international privé. T. 7 стр. 75.

тѣми, которые дѣйствуютъ подъ вліяніемъ страстей неполитическихъ; но они все-таки называются на всѣхъ языкахъ убійцами и считаются таковыми всѣми законодательствами. Снисхожденіе къ преступнику, который жертвуетъ жизнію для торжества своихъ идей, симпатія къ этимъ идеямъ, антипатія къ жертвѣ и режиму, который она представляетъ, не должны порождать иллюзіи, иначе исчезнетъ всякое понятіе о правѣ и справедливости.

Единственно возможное рѣшеніе вопроса состоитъ, какъ намъ кажется, въ принятіи членами союза международнаго мнѣнія выраженнаго Институтомъ Международнаго Права въ 1880 году, въ Оксфордской сессіи института. Институтъ рѣшилъ, что цареубійцъ слѣдуетъ выдавать, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ ихъ судили какъ общихъ преступниковъ. Раціональность этого рѣшенія института можетъ быть доказана въ нѣсколькихъ словахъ. Въ самомъ дѣлѣ. Цареубійство и покушеніе на цареубійство являются преступленіемъ не чисто политическимъ, а смѣшаннаго характера. Цареубійца посягаетъ на жизнь монарха, суверена, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не щадитъ и человѣка, ибо въ личности суверена и вообще главы государства совмѣщается лицо юридическое и лицо физическое. Посягательство на жизнь лица юридическаго есть безспорно преступленіе политическое, посягательство же на жизнь лица физическаго есть преступленіе общее. За данное политическое преступленіе, какъ и за всѣ прочія политическія правонарушенія, выдача не должна имѣть мѣста, что было уже нами мотивировано выше, но за элементъ общей преступности, заключающійся въ разсматриваемомъ актѣ, виновное лицо должно подлежать заслуженной карѣ, причемъ судъ надъ даннымъ лицомъ долженъ имѣть мѣсто со стороны общихъ судебныхъ ор-

гановъ, а не со стороны тѣхъ особыхъ трибуналовъ, которые существуютъ въ нѣкоторыхъ государствахъ для разбирательства дѣлъ политическихъ. Вообще политическая окраска дѣянія должна быть совершенно оставлена безъ вниманія юрисдикціею государства, требующаго выдачи. Но для принятія защищаемаго нами мнѣнія договорнымъ международнымъ правомъ, необходимо ввести нѣкоторыя внутренно-законодательныя измѣненія въ различныхъ европейскихъ монархическихъ государствахъ. Дѣло въ томъ, что въ монархическихъ государствахъ посягательства на жизнь суверена наказываются болѣе строго, чѣмъ посягательства на жизнь частныхъ лицъ, между тѣмъ какъ въ республикахъ (Франція, Швейцарія) жизнь главы исполнительной власти, президента республики, пользуется законною защитою наравнѣ съ жизнью всякаго частнаго лица. А потому, если монархическія государства желаютъ заключенія картельныхъ конвенцій съ государствами республиканскими, то для этого имъ необходимо сравнять цареубійство съ смертоубійствомъ вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда цареубійцѣ удалось бѣжать въ предѣлы государства республиканскаго. Безъ такого измѣненія монархическихъ законодательныхъ нормъ едва ли удастся включить въ картельныя конвенціи, заключенныя между монархическими и республиканскими государствами, постановленіе о выдачѣ цареубійцъ. Республиканское правительство всегда въ правѣ будетъ возразить, что оно не признаетъ за личностью суверена, монарха священнаго характера, и что спеціальная суровость карательныхъ мѣръ противъ цареубійцъ есть традиція временъ legis Juliae majestatis. Мы сказали, что республиканское правительство „въ правѣ" будетъ сдѣлать это возраженіе. Сказавъ это, мы вовсе не имѣли намѣренія

утверждать, что республиканскій образъ мыслей въ данномъ случаѣ согласенъ съ истиною. Мы хотѣли только выразить свое мнѣніе, что каждый свободный, независимый, самостоятельный членъ союза международнаго имѣетъ полное право слѣдовать тому или другому политическому міросозерцанію и ни одно суверенное государство не имѣетъ права навязывать другому суверенному государству свое государственное міровоззрѣніе. Но намъ могутъ возразить: Внутренно-законодательные перемѣны въ монархіяхъ явятся ничѣмъ инымъ, какъ навязываніемъ республиканскихъ воззрѣній на природу цареубійства. Едва ли. Основнымъ требованіемъ при заключеніи всякой картельной конвенціи является требованіе о наказуемости преступнаго дѣянія въ обоихъ договаривающихся государствахъ. Въ республикахъ посягательство на жизнь главы государства не считается преступленіемъ политическимъ. Наказаніе за данное дѣяніе не отличается отъ наказаній за всякое смертоубійство, вслѣдствіе чего республиканское правительство не можетъ согласиться на выдачу цареубійцъ, если его будутъ судить за преступленіе, несуществующее въ республиканскихъ карательныхъ законахъ. Въ монархическихъ же государствахъ за цареубійствомъ признается смѣшанный характеръ. Элементъ общей преступности не отрицается, а поглощается элементомъ политическимъ, который считается болѣе важнымъ. Поэтому отрицаніе политическаго характера правонарушенія и признаніе единственно элемента общей преступности не есть признаніе со стороны монархическаго государства преступнымъ такого акта, который не включенъ въ разрядъ преступныхъ дѣяній, упоминаемыхъ монархическимъ уголовнымъ кодексомъ.

Въ заключеніе этой главы считаемъ нелишнимъ ска-

зать нѣсколько словъ о парижской коммунѣ 1871 г. Акты французской коммунистической междоусобной борьбы 1871 г., какъ справедливо замѣчаетъ de Vazelhes, имѣли, говоря вообще, характеръ политическихъ правонарушеній, хотя борьба эта и была омерзительна по своимъ основнымъ принципамъ и по обстоятельствамъ, при которыхъ она происходила. Поэтому, продолжаетъ авторъ, вполнѣ понятно, что не могъ возникнуть вопросъ о выдачѣ за эти акты. Но относительно другихъ актовъ, совершенныхъ безъ пользы для дѣла инсуррекціи и ставящихъ лицъ виновныхъ въ ихъ совершеніи внѣ защиты права международнаго, каковы убійство заложниковъ, поджогъ великихъ памятниковъ Франціи, авторъ приводитъ слѣд. слова Ортолана: Если, напротивъ, предположить дѣйствія неодобряемыя даже тѣми военными обычаями, которые не являются примѣненіемъ правилъ войны, но которые являются ихъ нарушеніемъ, то участвующіе въ политической борьбѣ должны прежде всѣхъ воспрещать подобныя дѣйствія: убійства парламентеровъ, убійства изъ за ненависти или мести, поджогъ, разрушеніе или разграбленіе публичной или частной собственности съ цѣлью удовлетворить личнымъ страстямъ или присвоить захваченную добычу... Эти акты не входятъ въ составъ политической борьбы, они нашли случай появиться во время политической борьбы, но они отличаются отъ этой борьбы; пороки или страсти, выступающіе на сцену, даже если они загараются у политическаго очага, не могутъ измѣнить характера этихъ актовъ и будутъ приняты въ соображеніе при опредѣленіи степени виновности только при употребленіи обыкновеннаго масштаба, установляемаго уголовнымъ правосудіемъ. Акты эти суть преступленія противъ общаго права; всѣ партіи должны отказаться отъ нихъ, чтобъ

не навлечь на себя позора“ [1]). Вазель, съ своей стороны, замѣчаетъ, что, по его мнѣнію, всѣ націи должны присоединяться къ омерзенію, возбуждаемому подобными фактами. Авторъ выражаетъ глубокое сожалѣніе по поводу рѣшенія, принятаго нѣкоторыми державами, оказывать покровительство лицамъ, обвиненныхъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, принятіемъ этихъ лицъ на свою территорію. Франція обмѣнялась оффиціозными нотами съ нѣсколькими государствами по предмету выдачи лицъ совершившихъ подобные акты. Но отвѣты были таковы, что французское правительство должно было отказаться отъ формулировки оффиціальнаго требованія [2]).

---

[1]) См. Ortolan, Eléments de droit pénal, изд. 4 (1875 г.) т. I, стр. 134, № 731. Ср. циркуляръ Жюля Фавра отъ 26-го мая 1871 года къ французскимъ дипломатическимъ агентамъ; въ циркулярѣ, между прочимъ, сказано: «Отвратительное дѣло злодѣевъ, побѣждаемыхъ героическими усиліями нашей арміи, не можетъ быть отождествлено съ политическимъ актомъ. Оно представляетъ собою цѣлый рядъ злодѣяній, предусмотрѣнныхъ и наказуемыхъ цивилизованными народами. Убійство, кража, поджогъ, совершаемые на основаніи приказаній, вытекающихъ изъ опредѣленной системы и подготовленные съ адскою ловкостью (infernale habileté), не должны давать лицамъ, ихъ совершившимъ, другаго убѣжища, кромѣ законнаго воздаянія (expiation légale). Ни одна нація не можетъ оказать имъ покровительство; пребываніе этихъ лицъ на территоріи какой-бы ни было націи было бы дѣломъ постыднымъ и опаснымъ. Поэтому, если Вы получите свѣдѣнія, что одинъ изъ индивидовъ, замѣшанныхъ въ парижской инсуррекціи, перешелъ границу государства, при которомъ Вы аккредитованы, то я поручаю Вамъ потребовать отъ мѣстныхъ властей немедленнаго заарестованія этого лица и затѣмъ тотчасъ-же извѣстить меня объ этомъ, чтобъ я могъ дать законный ходъ дѣлу и предъявить требованіе о выдачѣ». (См. „La France judiciaire“ отъ 1-го августа текущаго года, стр. 466.)

[2]) См. de Vazelhes, op-cit, стр. 72, 73. Впрочемъ, Франція поступила совершенно также въ 1873 и 1877 г., отказавъ испанскому правительству въ выдачѣ патера Санта-Круца (Sonta-Cruz), извѣстнаго своими звѣрствами во время возстанія карлистовъ; такой-же отказъ послѣдовалъ по вопросу о выдачѣ Фамеліаго (Fameliago), одного изъ карлистскихъ вождей (cabecilla), который изнасиловалъ одну женщину. (см. France Judiciaire, 1 августа текущаго года стр. 466).

ГЛАВА VI.

Только высшая правительственная власть имѣетъ право требовать выдачи преступниковъ. Подчиненныя власти этимъ правомъ не пользуются. Требованія выдачи предъявляются дипломатическимъ путемъ. Принципъ непосредственности сношеній между высшими правительствами по экстрадиціоннымъ вопросамъ вытекаетъ изъ того факта, что выдача преступника есть актъ суверенной власти. Данный принципъ признается огромнымъ большинствомъ международныхъ договоровъ. Во всѣхъ договорахъ, заключенныхъ Франціею послѣ 1838 года, содержится стипуляція признающая этотъ принципъ. Конвенціи же, заключенныя Франціею съ Швейцаріею (1828 г.) и съ Бельгіею (1834), не упоминаютъ объ этомъ правилѣ. Но, тѣмъ не менѣе, требованія выдачи между Франціею, Швейцаріею и Бельгіею всегда предъявлялись дипломатическимъ путемъ. Въ настоящее время правило это включено во всѣ картельныя конвенціи, заключенныя Франціею [1]). Дипломатическій путь признанъ обязательнымъ также англійскими

---

[1]) См. Fiore, фр. пер. т. II, № 325, прим. 2 bis.

законами 1870 года и 1873 гг. (33 и 34 Vict. c. 52 и 36 и 37 Vict. c. 60, § 7). Согласно этимъ законамъ, требованія выдачи должны быть предъявлены дипломатическимъ представителемъ иностраннаго государства. Сюда относятся иностранные Генеральные Консулы [1]). Голландскій законъ 6 апрѣля 1875 г. и циркуляръ французскаго министра юстиціи отъ 5 апрѣля 1841 г. установляютъ также обязательность дипломатической передачи экстрадиціонныхъ требованій. Тоже должно замѣтить о законопроектѣ, представленномъ въ настоящее время французскимъ министромъ юстиціи Сенату, [2]) принятомъ этимъ собраніемъ во второмъ чтеніи. Разсматриваемое нами правило распространяется даже на колоніальныя владѣнія различныхъ европейскихъ государствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда международный договоръ не стипулируетъ противнаго [3]). Въ конвенціи англо-итальянской 5-го февраля 1873 года постановлено, что требованіе выдачи преступника можетъ быть предъявлено губернатору колоніи главнымъ консульскимъ агентомъ требующаго государства. Въ конвенціи, заключенной между Италіею и Сѣв.-Амер. Соединенными Штатами 23-го марта 1868 г., стипулируется передача экстрадиціонныхъ требованій консулами обѣихъ державъ и даже, при неимѣніи консуловъ, консульскими агентами. Прямая передача требованій судебными органами имѣетъ мѣсто на основаніи конвенцій, заключенныхъ Италіею съ республикою С. Марино (27 марта 1872 г.) и съ Уругвайскою республикою [4]). Въ дополнительной

---

[1]) См. Clarke: The Law of Extradition, изд. 2. 1874 г., стр. 176. 177.

[2]) См. Fiore loc: cit.

[3]) Fiore, № 325, прим. 2.

[4]) Ibid.

франко-голландской конвенціи 3-го августа 1860 года стипулируется передача экстрадиціонныхъ требованій губернаторами французской и нидерландской Гвіаны. Таже стипуляція содержится въ франко-испанскомъ договорѣ 1877 года. На практикѣ упрощенная процедура имѣла мѣсто въ сношеніяхъ Франціи даже съ тѣми государствами, которыя не включили въ картельныя конвенціи постановленій по предмету допущенія этой процедуры. Укажемъ на выдачи преступниковъ по непосредственнымъ сношеніямъ губернаторовъ французскихъ и англійскихъ владѣній. Въ индійскихъ владѣніяхъ Франціи и Англіи преступники выдавались также безъ вмѣшательства центральныхъ правительствъ [1]). На основаніи конвенціи англо-французской 1876 года экстрадиціонныя требованія въ колоніальныхъ владѣніяхъ предъявляются губернатору колоніи главнымъ консульскимъ агентомъ государства, требующаго выдачи. Если-же преступникъ бѣжалъ изъ колоніи, то требованіе предъявляется губернаторомъ колоніи, изъ которой бѣжалъ преступникъ [2]). Въ союзныхъ государствахъ и союзахъ государствъ, какъ напр. въ Германской Имперіи, взаимныя экстрадиціонныя требованія предъявляются непосредственно судебными органами [3]). Этотъ порядокъ сношеній установленъ былъ русско-прусскою картельною конвенціею 25-го мая 1816 года [4]).

Мы находимъ, что Charles Antoine совершенно правъ утверждая, что общее признаніе международными дого-

---

[1]) См. Billot, стр. 143, 144.
[2]) См. de Vaselhes прибавленіе, стр. 224.
[3]) См. Rechslexicon, Гольцендорфа, ст. Бульмеринга: Auslieferungs—oerträge.
[4]) См Bluntschli's Staatswörterbuch, т. 1, стр. 187.

ворами правила прямыхъ, непосредственныхъ сношеній между судебными органами различныхъ государствъ принесло бы большую пользу. Французскій юристъ замѣчаетъ, что тогда удалось бы избѣгнуть всѣхъ замедленій дипломатическаго пути, не лишаясь при этомъ ни одной изъ необходимыхъ гарантій. Нѣтъ ничего анормальнаго въ томъ, чтобы правительства поручили по специальной делегаціи національнымъ судьямъ розыскъ и выдачу злоумышленниковъ, требуемыхъ иностраннымъ государствомъ. Въ этомъ нѣтъ ничего чрезвычайнаго и данный способъ дѣйствія не отличается отъ права судебныхъ властей подвергать заключенію преступныхъ соотечественниковъ. Впрочемъ, продолжаетъ Charles Antoine, ради избѣжанія всякаго затрудненія, могущаго возникнуть вслѣдствіе національности лица, выдача котораго требуется, чтобы избѣжать нарушенія какого-либо принципа международнаго права, какъ напр. принципа невыдачи политическихъ преступниковъ, можно-бы установить обязательность доклада министру юстиціи со стороны судебнаго органа, которому предъявлено требованіе выдачи. Выдача должна-бы имѣть мѣсто только послѣ полученія судебнымъ мѣстомъ согласія министра юстиціи. Согласіе могло-бы быть выражено явно или молчаливо, причемъ, въ послѣднемъ случаѣ, согласіе считалось-бы послѣдовавшемъ въ случаѣ неполученія отвѣта отъ министра въ теченіи опредѣленнаго срока. Такимъ образомъ, если-бы представилось какое-либо затрудненіе въ интерпретаціи договора, можно-бы пріостановить выдачу съ цѣлью непосредственнаго соглашенія между двумя договорившимися государствами. Въ большинствѣ случаевъ удалось-бы этимъ путемъ избѣгнуть замедленій безполезныхъ и вредныхъ для правильнаго отпра-

вленія правосудія. Въ особенности въ случаѣ временнаго ареста предварительное заключеніе было бы сокращено, а въ тѣхъ случаяхъ, когда не было предъявлено требованіе предварительнаго заключенія, злоумышленникъ лишенъ былъ бы возможности уклониться отъ суда помощью новаго бѣгства, совершеннаго въ то время, пока экстрадиціонное требованіе передается судомъ компетентнымъ ratione loci въ министерство юстиціи, отсюда въ министерство иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ въ посольство требующаго государства, затѣмъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ государства, отъ котораго требуется выдача, затѣмъ въ министерство юстиціи того же государства и, наконецъ, суду, въ предѣлахъ юрисдикціи котораго находится требуемое лицо [1]). Экстрадиціонныя требованія обыкновенно имѣютъ прежде всего въ виду временное заарестованіе бѣглаго злоумышленника. Временное, предварительное заключеніе подъ стражу лица, выдача котораго требуется, представляется весьма важнымъ элементомъ въ институтѣ выдачи преступниковъ. Дѣло въ томъ, что пока идутъ переговоры между государствомъ, требующимъ выдачи преступника и государствомъ служащимъ, убѣжищемъ для преступника этотъ послѣдній можетъ воспользоваться замедленіемъ дѣла, чтобы уклониться помощію новаго бѣгства отъ выдачи. Вопросъ о временномъ арестѣ лицъ, по отношенію къ которымъ завязались между двумя государствами нереговоры о выдачѣ, разрѣшается неодинаково въ различныхъ государствахъ. Во Франціи не существуетъ ни одного законодательнаго постановленія, которое давало бы правительству право арестовать иностранца.

---

[1]) См. Charles Antoine, прим. В. къ т. II книги Fiore: Le Dr. Pénal Intern., стр. 488.

Правительство можетъ только изгнать иностранца изъ предѣловъ Франціи на основаніи ст. 7 закона 3-го—11-го декабря 1849 года, если пребываніе его на французской территоріи считается опаснымъ для общественнаго порядка и безопасности. Статья 272 французскаго уголовнаго кодекса признаетъ за правительствомъ право удалять изъ французскихъ территоріальныхъ предѣловъ иностранцевъ, объявленныхъ бродягами по судебному приговору [1]). Эти законодательныя нормы умалчиваютъ о временномъ арестѣ въ случаѣ предъявленія требованія выдачи. Но, тѣмъ не менѣе, французскій кассаціонный судъ постановилъ нѣсколько рѣшеній, въ которыхъ признается законность ареста иностранца во Франціи въ случаѣ предъявленія экстрадиціоннаго требованія [2]). Законность этой мѣры можетъ быть выведена изъ слѣдующихъ соображеній: Если правительство имѣетъ право изгонять иностранцевъ изъ французской территоріи, то за нимъ должно быть также признано право подвергать иностранцевъ аресту и временному заключенію подъ стражу съ цѣлью послѣдующаго изгнанія. Право выдавать преступныхъ иностранцевъ, принадлежащее французскому правительству, должно быть соединено съ правомъ арестовать иностранцевъ, прибывающихъ на французской территоріи, ибо временный арестъ есть необходимая предварительная мѣра по отношенію къ акту выдачи [3]). Временный арестъ иностранца есть актъ суверенной власти, подобно самой выдачѣ, а потому только центральное правительство имѣетъ право издать предписаніе объ

---

[1]) См. Billot, стр. 147, 148, de Vazelhes, стр. 114.
[2]) Кассаціонное рѣшеніе 30-го іюня 1827 г., кассаціонное рѣшеніе 11-го марта 1847 г. и друг.: См. Billot, стр. 148.
[3]) См. Fiore, стр. 478, прим. 1 bis; de Vazelhes, стр. 114.

арестѣ, причемъ приведеніе въ исполненіе этой мѣры возлагается на министра внутреннихъ дѣлъ [1]). Въ Бельгіи временное заарестованіе иностранца, выдача котораго требуется, имѣетъ мѣсто по предписанію судебной власти [2]). Въ Англіи также временное заключеніе подъ стражу требуетъ вмѣшательства судебной власти. Предписаніе объ арестѣ (warrant of arrest) можетъ быть выдано полицейскимъ судебномъ органомъ или мировымъ судьею даже при отсутствіи приказа одного изъ государственныхъ секретарей (Secretary of State), но приэтомъ необходимо полученіе такого извѣщенія (information), или такой жалобы (complaint) и такого доказательства (evidence), которое, по мнѣнію лица, выдающаго предписаніе объ арестѣ, было бы достаточнымъ для оправданія выдачи предписанія объ арестѣ, еслибы преступленіе было совершено или, еслибы преступникъ былъ подвергнутъ аресту въ той части Соединеннаго Королевства, въ которой данное лицо отправляетъ правосудіе. Лицо, выдающее такое предписаніе объ арестѣ, обязано тотчасъ послать донесеніе о данномъ фактѣ одному изъ государственныхъ секретарей, прилагая къ донесенію показанія лицъ допрошенныхъ, извѣщеніе или жалобу, или же засвидѣтельствованныя копіи этихъ бумагъ; государственный же секретарь можетъ, если найдетъ нужнымъ, отмѣнить предписаніе объ арестѣ и освободить изъ заключенія заарестованнаго иностранца. Каждый иностранецъ, арестованный на основаніи подобнаго предписанія, подлежитъ отправкѣ въ Лондонъ, и затѣмъ приведенію къ полицейскому

---

1) См. de Vazelhes, loc.-cit.
2) Jbid, стр. 116.

судебному органу (police magistrate) [1]). Въ картельныхъ конвенціяхъ, заключенныхъ Франціею отъ 1828—1854 г., рѣдко упоминается о временномъ арестѣ иностранныхъ бѣглыхъ преступниковъ. Въ этотъ промежутокъ времени Франція заключила двадцать девять картельныхъ конвенцій, изъ нихъ только двѣнадцать содержатъ постановленія о временномъ арестѣ. Мы разумѣемъ слѣдующія конвенціи. 1) Съ Бельгіею (1834 г.); 2) съ Мекленбургъ-Шверином (1847 г.); 3) съ Мекленбургъ-Стрелицемъ (1877 г.); 4) съ Любекомъ (1847 г.); 5) съ Ольденбургомъ (1847 г.); 6) съ Бременомъ (1847 г.); 7) съ Гамбургомъ (1848 г.); 8) съ королевствомъ Саксонскимъ (1850 г.); 9) съ курфиршествомъ Гессенскимъ (1852 года); 10) съ Вюртембергомъ (1853 года); 11) съ Франкфуртомъ (1853 г.); 12) съ великимъ герцогствомъ Гессенскимъ (1853 г.). Данныя конвенціи стипулируютъ обязательность временнаго ареста, но приведеніе этой мѣры въ исполненіе имѣетъ мѣсто только послѣ предъявленія правительствомъ, требующимъ выдачи, предписанія объ арестѣ (mandat d'arret). Конвенціи, заключенныя Франціею отъ 1854—1868 г., содержатъ почти всѣ постановленіе, въ силу котораго, временный арестъ считается факультативнымъ, но можетъ имѣть мѣсто безъ предъявленія правительствомъ, требующимъ выдачи, предписанія объ арестѣ, такъ что достаточно извѣщенія по телеграфу со стороны требующаго правительства о существованіи предписанія объ арестѣ съ просьбою арестовать бѣглаго злоумышленника. Это постановленіе находится въ слѣдующихъ конвенціяхъ: Съ княжествомъ Вальдекскимъ (1854 г.); съ Ганноверомъ (1855 г.);

---

[1]) См. Clarke. The Law of Extradition, изд. 1874 г., стр. 180.

съ Пармою (1856 г.); съ Римскою Куріею (1859 г.); съ Чилійскою республикою (1860 г.); съ Нидерландами (дополнительная конвенція 2-го августа 1860 г.). Послѣ 1868 года данное постановленіе встрѣчается въ слѣдующихъ конвенціяхъ: Съ Швеціею и Норвегіею (1869 г.); съ Португаліею (декларація 30-го декабря 1872 г.); съ Бельгіею (1874 г.); съ Перу (1874 г.); съ Англіею (1876 г.); съ Монако (1876 г.); съ Даніею (1877 г.); съ Испаніею (1877 г.). Въ остальныхъ картельныхъ конвенціяхъ, заключенныхъ Франціею послѣ 1868 г., содержится постановленіе объ обязательности временнаго ареста, причемъ достаточнымъ признается извѣщеніе по почтѣ или по телеграфу о существованіи предписанія объ арестѣ. Если же извѣщеніе о существованіи предписанія объ арестѣ послано прямо административнымъ или судебнымъ властямъ государства, отъ котораго требуется выдача, то арестъ является только факультативнымъ, но, при этомъ, отказъ долженъ быть мотивированъ, и мотивы должны быть представлены данными административными или судебными властями министру иностранныхъ дѣлъ. Между Франціею и Пруссіею 28-го іюня и 2-го сентября 1867 г. имѣлъ мѣсто обмѣнъ дипломатическихъ нотъ, на основаніи котораго, оба названныя государства согласились дозволять временный арестъ бѣглыхъ иностранныхъ злоумышленниковъ. Между Франціею и Бельгіею также имѣлъ мѣсто обмѣнъ декларацій, коими объявляется, что, несмотря на текстъ ст. 6 франко-бельгійской конвенціи 1874 года, судебные органы обоихъ государствъ могутъ взаимно требовать по телеграфу временнаго ареста злоумышленниковъ, которые только мимоѣздомъ находятся на государственной территоріи. Но это отступленіе отъ конвенціи не дозволяется по

отношенію къ лицамъ имѣющимъ пребываніе (résidence) на территоріи государства [1]). Въ картельныхъ конвенціяхъ заключенныхъ между собою другими государствами временный арестъ и послѣдующая выдача могутъ имѣть мѣсто при соблюденіи слѣдующихъ условій: въ конвенціяхъ бельгійско-баварской, бельгійско-шведской и русско-бельгійской требуется извѣщеніе о существованіи и затѣмъ предъявленіе судебнаго приговора, или обвинительнаго акта или же распоряженія компетентнаго судьи; конвенціи шведско-итальянская, австро-шведская, русско-австрійская и итальянско-германская довольствуются предъявленіемъ предписанія объ арестѣ [2]). Временный арестъ продолжается до полученія подробнаго, правильнаго, формальнаго экстрадиціоннаго требованія. Но срокъ полученія этого требованія не произволенъ. Онъ опредѣляется картельными конвенціями и внутренними законодательными нормами. Если формальное требованіе не получено въ теченіи установленнаго срока, арестованный освобождается. Французскія картельныя конвенціи опредѣляютъ различные сроки, смотря по разстоянію. Между Франціею и Великобританіею установленъ четырнадцати-дневный срокъ. Пятнадцати-дневный срокъ установленъ во французскихъ конвенціяхъ: съ Австріею, съ Баденомъ, съ Баваріею, съ Бельгіею, съ Испаніею, съ великимъ герцогствомъ Гессенскимъ, съ Люксембургомъ, съ Монако, съ Ольденбургомъ, съ Нидерландами и съ Швейцаріею; двадцати-дневный срокъ установленъ конвенціею франко-

---

[1]) См. Всѣ названныя конвенціи у Билльо, стр. 150—158, и 552; de Vazelhes, стр. 219; Fiore, франц. пер., стр. 800, 807 (прибавленіе).

[2]) См. Rechtslexicon Гольцендорфа, статья Бульмеринга Auslieferungsverträge.

итальянскою, двадцатипяти дневный — конвенціею франко-португальскою, мѣсячный срокъ конвенціями франко-датскою и франко-германскою, шестинедѣльный срокъ опредѣленъ конвенціею Франціи съ Швеціею и Норвегіею; конвенція франко-перуанская полагаетъ четырехмѣсячный срокъ, конвенція франко-чилійская шестимѣсячный [1]). Итальянскія картельныя конвенціи содержатъ также извѣстную градацію сроковъ. Двадцатидневный срокъ установленъ въ итальянскихъ конвенціяхъ съ Германіею, Даніею, Франціею, Люксембургомъ и Нидерландами; трехнедѣльный срокъ признанъ итальянско-бельгійскою конвенціею; мѣсячный срокъ включенъ въ конвенціи, заключенныя Италіею съ Греціею, съ Португаліею и съ Россіею и т. д. [2]). Бельгійскій законъ 1874 года установляетъ слѣдующіе сроки: пятнадцатидневный по отношенію къ сосѣднимъ государствамъ, трехнедѣльный для другихъ европейскихъ государствъ и трехмѣсячный для внѣевропейскихъ государствъ. Голландскій законъ 1875 года установляетъ двадцатидневный срокъ для европейскихъ государствъ и трехмѣсячный для внѣевропейскихъ государствъ [3]). Англійскій законъ 1870 года содержитъ постановленіе о разумномъ срокѣ (reasonable time), причемъ должно сообразоваться съ обстоятельствами дѣла (having reference, to the circumstances of the case) [4]).

Большая часть картельныхъ конвенцій содержитъ стипуляцію о возвращеніи государству, требующему выдачи, предметовъ, захваченныхъ бѣглымъ злоумышленникомъ. Къ этимъ предметамъ относятся вещи, имѣю-

---

[1]) См. Fiore, фр. пер., стр. 483. прим. 1.
[2]) Jbid.
[3]) Jbid.
[4]) См. Clarke, The Law of Extradition, стр. 180.

щія связь съ преступленіемъ и необходимыя для раскрытія судебной истины, а также вещи незаконно присвоенныя бѣжавшимъ злоумышленникомъ. Предметы первой категоріи возвращаются государствомъ, давшимъ убѣжище во всякомъ случаѣ, даже если выдача не послѣдовала. Предметы же второй категоріи возвращаются по большей части, но не всегда; такъ, напримѣръ, если лицо, виновное въ злостномъ банкротствѣ, бѣжало на родину. Выдача собственныхъ подданныхъ, къ сожалѣнію, не допускается договорнымъ международнымъ правомъ. Но съ другой стороны насильственное отнятіе административнымъ порядкомъ тѣхъ цѣнностей, которыми лицо, виновное въ злостномъ банкротствѣ, считаетъ себя въ правѣ владѣть, не допускается законодательствами культурныхъ странъ. Поэтому необходимо въ такихъ случаяхъ, чтобы частныя лица, заинтересованныя въ исходѣ дѣла, предъявили свои требованія судебнымъ порядкомъ [1]).

Къ экстрадиціоннымъ требованіямъ должны быть приложены извѣстные документы. Сюда относятся: предписаніе объ арестѣ, обвинительный актъ, приговоръ и свидѣтельскія показанія. Договорныя постановленія по вопросу о томъ, которые изъ данныхъ документовъ считаются обязательными для того, чтобъ экстрадиціонное требованіе было принято къ разсмотрѣнію, были указаны нами выше при изслѣдованіи условій временнаго ареста. Но всѣ эти документы не имѣли бы значенія, еслибъ правительствомъ, требующимъ выдачи, не было представлено удостовѣренія личности злоумышленника. Необходимымъ условіемъ выдачи бѣглаго преступ-

---

[1]) См. Billot, стр. 160, de Vazelhes, стр. 130 Bar., op. cit., стр. 606; Calvo, т. II, § 1280. Fiore, т. II, стр. 674, 675.

ника является доказательство факта, что лицо, выдача котораго требуется, тожественно съ лицомъ совершившимъ конкретное преступленіе, вслѣдствіе котораго предъявлено экстрадиціонное требованіе. Доказательство даннаго факта можетъ быть достигнуто различными путями. Обыкновенно полиція требующаго государства даетъ описаніе примѣтъ преступника, что въ большинствѣ европейскихъ государствъ считается достаточнымъ. Въ Англіи считается необходимымъ явка свидѣтеля для подтвержденія тождества субъекта преступленія и требуемаго субъекта. Тоже слѣдуетъ замѣтить о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Въ послѣднее время важное значеніе въ данныхъ случаяхъ должно признать за фотографическими карточками [1]). Договорное международное право отличается неполнотою своихъ стипуляцій по занимающему насъ вопросу. Изъ французскихъ картельныхъ конвенцій, конвенція франко-тосканская (1844 г.) впервые содержитъ постановленіе по данному предмету. Между документами, приложеніе которыхъ къ экстрадиціонному требованію считается обязательнымъ, упомянуто объ описаніи примѣтъ обвиняемаго (signalement). Тоже стипулируется въ конвенціяхъ франко-испанской (1850), франко-австрійской (1855 г.), франко-пармской (1856 г.) и франко-шведской (1869). Конвенціи франко-бельгійская (1869 г.), франко-баварская (1869 г.), франко-швейцарская, франко-итальянская (обѣ относятся къ 1870 году) франко-датской (1877 г.) и франко-испанской (1877 г.) стипулируютъ, что, насколько возможно (autant que possible), слѣдуетъ прилагать къ требованію выдачи описаніе

---

[1]) См. Billot. стр. 165.

примѣтъ требуемаго лица (signalement) [1]. Въ конвенціи франко-англійской (1876 г.) описаніе примѣтъ считается обязательнымъ, въ остальныхъ французскихъ конвенціяхъ не упоминается о данномъ пунктѣ [2]. Въ экстрадиціонномъ требованіи должно быть также указаніе національности злоумышленника, времени совершенія преступнаго дѣянія и главныя обстоятельства дѣла; далѣе, если совершена простая кража или мошенничество, то необходимо въ требованіи выдачи обозначить сумму или стоимость незаконно присвоенныхъ предметовъ. Наконецъ, необходимо указать въ экстрадиціонномъ требованіи на юрисдикцію компетентную для разбора даннаго дѣла, причемъ правительство государства, давшаго убѣжище, не входитъ въ дальнѣйшія изслѣдованія о томъ, насколько соотвѣтствуетъ судебная компетенція, указанная въ требованіи выдачи, той компетенціи, которая установлена законами требующаго государства. Государство, получившее требованіе выдачи полагается въ этомъ отношеніи всецѣло на указанія требующаго государства [3]. Въ данномъ случаѣ важное значеніе имѣетъ единственно констатированіе „общей компетенціи", какъ выражается Билльо (compétence générale), государства требующаго выдачи спеціальная-же компентенція (compétence particuliére ou relative), т. е. опредѣленіе компетентнаго судебнаго органа для разбирательства конкретнаго правонарушенія, есть дѣло интересующее только государство предъявившее экстрадиціонное требованіе [4].

---

[1]) См. Billot, стр. 166; Fiore, т. II, стр. 517, прим. 2.
[2]) См. de Vaselhes, стр 218; Billot, стр. 166.
[3]) См. Billot, стр. 179.
[4]) Ibid.

ГЛАВА VII.

Предъявленіе экстрадиціонныхъ требованій имѣетъ обыкновенно мѣсто, какъ мы выше замѣтили, дипломатическимъ путемъ. Дипломатическій агентъ государства требующаго выдачи предъявляетъ требованіе министру иностранныхъ дѣлъ государства, на территоріи котораго находится преступникъ. Получивъ экстрадиціонное требованіе, правительство государства, давшаго убѣжище, приступаетъ къ разсмотрѣнію требованія, причемъ существуютъ три способа разсмотрѣнія: 1) Такъ называемая французская система, 2) система бельгійская и 3) англійская система.

1) Система французская. Принявъ экстрадиціонное требованіе, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ изслѣдуетъ вопросъ о томъ, насколько данное требованіе согласно съ общими началами международнаго права и съ картельною конвенціею, если таковая заключена между Франціею и государствомъ предъявившимъ требованіе. Если министръ иностранныхъ дѣлъ найдетъ несоотвѣтствіе между общепризнанными международно-правовыми нормами и экстрадиціоннымъ требованіемъ, или-же между картельною конвенціею и даннымъ требованіемъ, то онъ возвращаетъ обратно требованіе дипломатическому агенту

требующей державы, съ указаніемъ мотивовъ возвращенія. Если-же, напротивъ, окажется, что картельная конвенція и общіе принципы международнаго права гормонируютъ съ экстрадиціоннымъ требованіемъ, то министръ иностранныхъ дѣлъ передаетъ это требованіе министру юстиціи. Этотъ послѣдній, принявъ требованіе, можетъ разрѣшить вопросъ объ удовлетвореніи или неудовлетвореніи требованія совершенно самостоятельно, не обращая вниманія на мнѣніе министра иностранныхъ дѣлъ. Въ случаѣ разногласія между обоими министрами, дѣло рѣшается въ совѣтѣ министровъ. Если министръ юстиціи найдетъ нужнымъ потребовать дополнительныхъ объясненій по дѣлу отъ требующаго правительства, то онъ долженъ обратиться къ иностранному правительству чрезъ посредство своего товарища министра иностранныхъ дѣлъ, который сообщаетъ желаніе это дипломатическому агенту государства требующаго выдачи. При одобреніи министромъ юстиціи экстрадиціоннаго требованія, требованіе это удовлетворяетея на основаніи декрета главы государства, контрасигнованнаго министромъ юстиціи. Министръ внутреннихъ дѣлъ приводитъ декретъ въ исполненіе. Этой системѣ слѣдуетъ большинство европейскихъ государствъ [1]).

2) Система бельгійская. Система эта въ настоящее время введена не только въ Бельгіи, гдѣ она получила свое начало, но и въ Италіи и въ Нидерландахъ. Начало процедуры тоже, что и въ предъидущей системѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, разсмотрѣвъ требованіе въ общихъ чертахъ, передаетъ его министру юстиціи, который, въ свою очередь, передаетъ его прокурору того судебнаго округа, въ которомъ пребываетъ

---

[1]) Вэ Франціи слѣдовали этой системѣ до 1875 г.

иностранный преступникъ. Прокуроръ передаетъ дѣло на разсмотрѣніе обвинительной камеры. Изслѣдованіе вопроса о томъ, не противно ли требованіе общепризнаннымъ международно-правовымъ началамъ и картельной конвенціи имѣетъ мѣсто при открытыхъ дверяхъ. Впрочемъ по желанію лица, выдача котораго требуется, можетъ быть назначено засѣданіе при закрытыхъ дверяхъ. Присутствіе защитника на засѣданіи не возбраняется. Какъ защитникъ, такъ и защищаемый имѣютъ право дѣлать всѣ возраженія, какія найдутъ нужнымъ для опроверженія фактовъ содержащихся въ экстрадиціонномъ требованіи и поддерживаемыхъ прокуроромъ. Затѣмъ, по окончаніи преній, обвинительная камера объявляетъ свое мотивированное мнѣніе. На это мнѣніе не можетъ быть подана кассаціонная жалоба, какъ на обыкновенное судебное рѣшеніе. Кромѣ того мнѣніе это не обязательно дли бельгійскаго правительства. Правительство обязано справиться съ мнѣніемъ обвинительной камеры, но оно не обязано слѣдовать данному мнѣнію. Если министръ юстиціи, познакомившись съ мнѣніемъ обвинительной камеры, рѣшилъ отказать экстрадиціонному требованію, то онъ сообщаетъ это рѣшеніе дипломатическимъ путемъ государству требующему выдачи. Если же министръ юстиціи найдетъ возможнымъ удовлетворить требованію, то выдача имѣетъ мѣсто на основаніи декрета короля, контрасигнованнаго министромъ.

Въ Италіи въ обсужденіи вопроса объ удовлетвореніи требованія выдачи участвуютъ: министръ юстиціи, съ рѣшающимъ голосомъ, обвинительная камера и Государственный Совѣтъ.

Во Франціи, согласно циркуляру министра юстиціи отъ 12 октября 1875 года и объясненію данному министромъ

6 декабря 1876 года по предмету примѣненія циркуляра, иностранный преступникъ приводится къ прокурору республики (procureur de la republique) того судебнаго округа, въ которомъ онъ былъ подвергнутъ временному аресту. Прокуроръ допрашиваетъ преступника, который можетъ приэтомъ доказывать неосновательность экстрадиціоннаго требованія. По окончаніи допроса, прокуроръ республики передаетъ дѣло генеральному прокурору (procureur général), который передаетъ дѣло министру юстиціи съ приложеніемъ своего мнѣнія. Этотъ послѣдній, если найдетъ возможнымъ удовлетворить экстрадиціонному требованію, контрасигнуетъ декретъ, подписанный президентомъ республики. Въ 1878 г. (17 декабря) представленъ французскому Сенату министромъ юстиціи законопроектъ по вопросу о выдачѣ преступниковъ, причемъ основныя черты этого законопроекта сходны съ бельгійскою системою. Экстрадиціонныя требованія разсматриваются прежде всего министромъ иностранныхъ дѣлъ. Впрочемъ роль этого послѣдняго ограничивается константированіемъ факта подачи требованія оффиціальнымъ дипломатическимъ агентомъ требующаго государства. Затѣмъ министръ иностранныхъ дѣлъ передаетъ требованіе министру юстиціи, который, убѣдившись въ правильности требованія, передаетъ его министру внутреннихъ дѣлъ. Если же министръ юстиціи найдетъ нужнымъ получить дополнительныя свѣдѣнія, то онъ долженъ обратиться къ иностранному правительству чрезъ посредство своего товарища—министра иностранныхъ дѣлъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, получивъ отъ министра юстиціи экстрадиціонное требованіе, принимаетъ немедленно всѣ необходимыя мѣры, чтобъ подвергнуть требуемаго индивида временному аресту, послѣ чего злоумышленникъ приводится въ главный

пунктъ того судебнаго округа, въ которомъ онъ былъ заарестованъ. Документы, приложенные къ экстрадиціонному требованію, препровождаются генеральному прокурору префектомъ, сдѣлавшимъ распоряженіе о временномъ арестѣ, по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ. Въ теченіи двадцати четырехъ часовъ заарестованное лицо должно быть извѣщено о томъ, на основаніи какого документа (предписаніе объ арестѣ или судебный приговоръ) имѣлъ мѣсто его временный арестъ. Въ тотъ же промежутокъ времени долженъ быть произведенъ допросъ даннаго лица со стороны генеральнаго прокурора для удостовѣренія личности, послѣ чего составляется протоколъ. Протоколъ этотъ передается генеральнымъ прокуроромъ обвинительной камерѣ, вмѣстѣ съ документами, приложенными къ экстрадиціонному требованію; обвинительная камера производитъ новый допросъ, причемъ не возбраняется иностранному злоумышленнику взять защитника. Дѣло разбирается въ публичномъ засѣданіи, за исключеніемъ того случая, когда лицо, выдача котораго требуется, предъявитъ прошеніе о назначеніи засѣданія при закрытыхъ дверяхъ. По окончаніи разбирательства дѣла, обвинительная камера объявляетъ свое мотивированное мнѣніе, которое передается министру юстиціи. Окончательное рѣшеніе вопроса о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ удовлетворить экстрадиціонному требованію предоставляется министру юстиціи. Выдача имѣетъ мѣсто на основаніи декрета президента республики [1]).

Англійская система. Въ Англіи вопросъ объ экстрадиціонномъ дѣлопроизводствѣ регулируется парламентскимъ актомъ 1870 года (Extradition act, 1870; 33 и 34 Vict., c. 52). Требованіе выдачи со стороны ино-

[1]) См. Fiore, франц. пер., прибавленіе, стр. 806—812.

страннаго государства должно быть предъявлено одному изъ государстеенныхъ секретарей иностраннымъ дипломатическимъ агентомъ. Если государственный секретарь найдетъ, что правонарушеніе не имѣетъ политическаго характера, и что выдача должна имѣть мѣсто, то онъ сообщаетъ предсѣдателю суда засѣдающаго въ Bow-Street или одному изъ судей того же суда о предъявленіи иностраннымъ правительствомъ требованія выдачи. Сообщеніе это дѣлается за подписью государственнаго секретаря и съ приложеніемъ его печати. При этомъ государственный секретарь предписываетъ судебному органу издать предписаніе объ арестѣ бѣглаго преступника. Получивъ такое предписаніе и располагая такими доказательствами, которыя по его мнѣнію были бы достаточны для изданія предписанія объ арестѣ, еслибъ преступленіе было совершено въ Англіи, полицейскій судья (police magistrate) издаетъ предписаніе объ арестѣ, которое можетъ быть приведено въ исполненіе во всемъ Соединенномъ Королевствѣ. Послѣ ареста злоумышленника, его приводятъ къ полицейскому судьѣ. Судья разбираетъ дѣло такимъ же образомъ, соблюдая тѣ же правила юрисдикціи и пользуясь тѣми же правами (по крайней мѣрѣ на сколько возможно: as mar as may be), какъ если бы заарестованное лицо обвинялось въ преступленіи, совершенномъ въ Англіи; но спеціальное постановленіе акта объявляетъ, что судья обязанъ принять всякія доказательства, клонящіяся къ обнаруженію того факта, что преступленіе, въ которомъ обвиняется заарестованное лицо или по которому состоялся обвинительный приговоръ, является преступленіемъ политическимъ или преступленіемъ, за которое выдача не имѣетъ мѣста. Заочный приговоръ по англійскому законодательству сравнивается съ простымъ

обвиненіемъ. Если дѣло идетъ объ обвиняемомъ, то необходимо представить англійскому судьѣ иностранное предписаніе объ арестѣ, за подписью иностраннаго судьи или должностнаго лица, причемъ требуется подтвержденіе даннаго предписанія присягою какого-либо свидѣтеля, или же приложеніемъ оффиціальной печати министра юстиціи или другого министра. Конечно необходимо, при этомъ, чтобы были представлены доказательства тожества лица заарестованнаго и лица названнаго въ предписаніи объ арестѣ. Если, кромѣ того, представлены такія доказательства, которыя, по англійскимъ законамъ, были бы достаточны для преданія суду лица заарестованнаго при совершеніи этимъ послѣднимъ того же преступленія въ Англіи, то полицейскій судья долженъ отправить злоумышленника въ центральную тюрьму Миддльэсекса (Middlessex House of Detention) или въ какую-либо другую тюрьму въ Миддльэссексѣ гдѣ злоумышленникъ долженъ ждать предписанія одного изъ государственныхъ секретарей о его выдачѣ. Судья долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ послать одному изъ государственныхъ секретарей донесеніе по дѣлу. Отправляя преступника въ мѣсто заключенія, судья обязанъ объявить ему, что выдача не послѣдуетъ ранѣе пятнадцатидневнаго срока и что онъ имѣетъ право жаловаться на рѣшеніе его дѣла путемъ требованія предписанія о habeus corpus. По протествіи пятнадцати дней, или же, въ случаѣ полученія предписанія о habeus corpus, послѣ рѣшенія суда королевской скамьи (Court of Queen's Bench), о вторичномъ отправленіи злоумышленника въ тюрьму, одинъ изъ государственныхъ секретарей можетъ предписаніемъ приказать выдать злоумышленника всякому лицу, которое, по его мнѣнію, имѣетъ отъ иностраннаго государства надлежащія полномочія для при-

нятія преступника. Но если злоумышленникъ не выведенъ изъ предѣловъ соединеннаго королевства втеченіи двухъ мѣсяцевъ по прошествіи пятнадцатидневнаго срока или же послѣ рѣшенія суда, то каждый изъ судей одного изъ Высшихъ Судовъ (Superior Courts), засѣдающихъ въ Вестминстерѣ, можетъ приказать освободить злоумышленника, за исключеніемъ того случая, когда одинъ изъ государственныхъ секретарей представитъ достаточные мотивы для того, чтобъ освобожденіе не имѣло мѣста [1]).

Изъ разсмотрѣнныхъ системъ экстрадиціоннаго дѣлопроизводства самою удовлетворительною слѣдуетъ считать, какъ намъ кажется, систему бельгійскую. Англійская система, какъ мы указали, требуетъ представленія такихъ доказательствъ виновности требуемаго лица, которыя считались бы достаточными, съ точки зрѣнія англійскаго суда, для преданія суду бѣглаго злоумышленника. Какъ будто иностранныя судебныя власти обязаны подчиняться англійскимъ юридическимъ воззрѣніямъ на большую или меньшую достовѣрность иностранныхъ судебныхъ доказательствъ. Кромѣ того на практикѣ представленіе доказательствъ виновности требуемаго лица для полученія англійскаго одобрительнаго патента является весьма затруднительнымъ въ виду отдаленности мѣста совершенія преступленія отъ мѣста предъявленія доказательствъ. Вообще англійская система слишкомъ заботится объ интересахъ лица, выдача котораго требуется, и въ значительной степени пренебрегаетъ принципомъ солидарности интересовъ членовъ международнаго правоваго общенія. Система французская страдаетъ противоположнымъ недостаткомъ. Въ

---

[1]) См. Clarke, The Law of Extradition, изданіе 1879 г., стр. 176—180.

ней обращается преобладающее вниманіе на интересы государства требующаго выдачи въ ущербъ интересамъ обвиняемаго. Все зависитъ отъ усмотрѣнія власти административной, т. е. отъ высшихъ чиновниковъ, а чиновники въ судьи не годятся. Въ угоду минутнымъ политическимъ соображеніямъ можетъ послѣдовать удовлетвореніе неосновательнаго экстрадиціоннаго требованія и, наоборотъ, бюрократическое крючкотворство всегда съумѣетъ прицѣпиться къ чему нибудь, чтобъ отказать въ выдачѣ даже въ случаѣ соблюденія необходимыхъ условій при предъявленіи экстрадиціоннаго требованія. Исходъ дѣла будетъ находиться подъ вліяніемъ дружественныхъ или натянутыхъ отношеній двухъ державъ, между тѣмъ какъ отношенія эти не имѣютъ ничего общаго съ сущностью дѣла. Съ жизнью, со здоровьемъ, со свободою, съ индивидуальною неприкосновенностью человѣка не шутятъ. Homo homini res sacra. Поставленіе судьбы человѣка въ зависимость отъ кабинетныхъ соображеній дипломатовъ и чиновниковъ было-бы инквизиціоннымъ варварствомъ.

Система бельгійская лишена темныхъ сторонъ обѣихъ вышеприведенныхъ системъ. Рѣшеніе дѣла находится въ рукахъ власти судебной, ибо на практикѣ случаи разногласія между рѣшеніемъ бельгійской судебной власти и бельгійскаго правительства весьма рѣдки. Только въ особыхъ, чрезвычайныхъ обстоятельствахъ бельгійское правительство рѣшится на мѣру несогласную съ мотивированнымъ мнѣніемъ обвинительной камеры. Но, принимая эту систему въ общихъ чертахъ, мы въ тоже время находимъ, что необходимо ввести нѣкоторыя гарантіи, какъ въ пользу требуемаго индивида, такъ и въ пользу требующаго правительства. Дѣло въ томъ, что политическій строй Бельгіи достоинъ всякаго ува-

женія и подражанія. Бельгія—это маленькая Англія. Строгое соблюденіе законовъ, любовь къ политической свободѣ, чувство долга, гражданское мужество и правильная парламентская группировка партій — таковы отличительныя черты политическаго состоянія обѣихъ странъ. Въ другихъ государствахъ, гдѣ парламентаризмъ непустилъ столь глубокихъ корней, должно опасаться даже въ исключительныхъ случаяхъ предоставлять рѣшеніе конкретныхъ случаевъ выдачи преступниковъ власти административной. Поэтому въ другихъ государствахъ должны быть установлены прочныя гарантіи, чтобъ даже въ очень рѣдкихъ случаяхъ политика не брала верхъ надъ правдою и справедливостью. Впрочемъ гарантіи необходимы и по отношенію къ правительствамъ англійскому и бельгійскому, ибо кто же обезпеченъ вполнѣ отъ злоупотребленія своею властью? Но только по отношенію къ вышеназваннымъ двумъ государствамъ можно довольствоваться меньшими гарантіями, сравнительно съ тѣми, которыя должно требовать отъ правительствъ менѣе парламентарныхъ странъ. Гарантіи, которыхъ мы требуемъ, должны бы, по нашему мнѣнію, состоять въ томъ, чтобъ въ картельныя конвенціи была включена стипуляція о недозволенности принятія правительствами договорившихся державъ рѣшенія несогласнаго съ мотивированнымъ мнѣніемъ власти судебной въ тѣхъ случаяхъ, когда принятіе подобнаго рѣшенія было бы нарушеніемъ правды и справедливости, причемъ подъ правдою и справедливостью мы разумѣемъ ту правду и ту справедливость, до сознанія которыхъ дошли современные культурные народы. Дѣло въ томъ, что бельгійская система передаетъ рѣшеніе вопроса о выдачѣ или невыдачѣ обвинительной камерѣ; присяжные засѣдатели не участвуютъ въ рѣшеніи дѣ-

ла, а потому кто же явится выразителемъ общественной совѣсти, кто же противуположитъ холодному, черствому, бездушному формальному праву согрѣвающіе лучи правды и справедливости. Вѣдь summum jus summa injuria. Вотъ въ этомъ-то и должна заключаться роль центральнаго правительства: оно должно замѣнять присяжныхъ засѣдателей при разсмотрѣніи экстрадиціонныхъ требованій, оно должно умѣрить строгое право (jus strictum) началами справедливости (aequitas).

При разсмотрѣніи требованія выдачи, если окажется, что насталъ срокъ погасительной давности (давность наказанія или же давность для возбужденія судебнаго преслѣдованія), то требованіе возвращается обратно безъ удовлетворенія. Но спрашивается, о какой же давности идетъ рѣчь и должна идти рѣчь? Слѣдуетъ ли принимать въ разсчетъ давность, установленную законами государства требующаго выдачи, или должно обращать вниманіе на законодательныя нормы о давности, существующія въ государствѣ, получившемъ экстрадиціонное требованіе? Договорное международное право стипулируетъ согласованіе съ давностными сроками, опредѣленными законодательствомъ государства, въ которомъ нашелъ убѣжище преступникъ. Билльо возстаетъ противъ этого правила. Билльо находитъ, что данное постановленіе не соотвѣтствуетъ цѣли, для достиженія которой существуетъ институтъ давности. Чтобы доказать вѣрность своего сужденія, авторъ восходитъ до основанія наказуемости вообще и замѣчаетъ, что уже Монтескье и Беккарія признаютъ право общества наказывать преступниковъ только въ предѣлахъ требуемыхъ общественнымъ самосохраненіемъ. Послѣ наступленія срока давности интересы общественнаго самосохраненія не связаны болѣе съ наказаніемъ преступ-

ника, а потому общество теряетъ право наказывать. Но соціальная необходимость (или соціальное самосохраненіе) не прекратила своего существованія въ томъ государствѣ, къ которому обращено требованіе выдачи, ибо существованіе соціальной необходимости не имѣло начала въ данномъ государствѣ. Поэтому вопросъ о давности не имѣетъ смысла, насколько рѣчь идетъ о государствѣ, которое служитъ убѣжищемъ для бѣглаго злоумышленника. Преступленіе совершено въ территоріальныхъ предѣлахъ требующаго государства, и притомъ даннымъ преступленіемъ нарушены законы того же государства, а потому только здѣсь и можетъ наступить срокъ давности [1]). Насъ удивляетъ со стороны спеціалиста по международному праву преобладаніе точки зрѣнія внутренно-уголовной надъ международно-уголовною. На данный вопросъ должно смотрѣть не съ точки зрѣнія уголовныхъ правилъ объ институтѣ давности, а съ точки зрѣнія принципа международнаго правового общенія. Вопросъ о невыдачѣ вслѣдствіе наступившей давности не долженъ быть подчиненъ воззрѣніямъ чистыхъ криминалистовъ, имѣющихъ въ виду единственно внутренне публичное право. Вопросъ этотъ долженъ быть разсмотрѣнъ въ связи съ общими нормами, регулирующими выдачу преступниковъ. Основными принципами, на которыхъ должна быть построена вся система права международнаго, являются субъективный и объективный принципы этого права. Для правильнаго роста данной отрасли права необходимо существованіе гармоніи между указанными двумя принципами. Если-же согласиться съ Билльо по вопросу объ отношеніи давности къ выдачѣ преступниковъ, то придется одновременно

---

[1]) См. Billot, стр. 219—221.

допустить преобладаніе принципа объективнаго надъ субъективнымъ. Отказъ въ выдачѣ преступника въ случаѣ, если истекла давность, погашающая уголовное преслѣдованіе или примѣненіе наказанія, есть слѣдствіе принципа невыдачи при ненаказуемости совершеннаго акта по законамъ того государства, гдѣ нашелъ себѣ убѣжище преступникъ. Если извѣстный актъ не считается преступнымъ въ государствѣ, отъ котораго требуется выдача, то о солидарности интересовъ, объ общности цѣлей, связующихъ государство, предъявившее требованіе выдачи и государство, къ которому обращено это требованіе, не можетъ быть рѣчи. Когда-же нѣтъ солидарности общекультурныхъ условій, то и объективный принципъ международнаго права. не имѣетъ права на существованіе. Итакъ, въ данномъ случаѣ, если не принять нашу точку зрѣнія, т. е. если допускать неразрывно связанныя два явленія: выдачу за акты несчитаемые преступными государствомъ давшемъ убѣжище, и выдачу несмотря на наступленіе срока погасительной давности по законамъ того-же государства, то получится пагубное преобладаніе объективнаго принципа международнаго права надъ принципомъ субъективнымъ, т. е. нарушеніе гармоніи между обоими принципами, ведущее къ болѣзненному искаженію междугосударственныхъ юридическихъ отношеній.

Экстрадиціонное требованіе, поступившее на разсмотрѣніе правительства той державы, въ территоріальныхъ предѣлахъ которой находится бѣглый злоумышленникъ, предъявляется или въ отдѣльности, или-же имѣетъ мѣсто предъявленіе нѣсколькихъ требованій, отъ разныхъ государствъ. Если, напр., преступникъ А. совершилъ преступленіе въ государствѣ С., затѣмъ въ государствѣ Д. и, наконецъ, въ государствѣ Е. Со-

вершивъ эти преступленія, злоумышленникъ бѣжалъ въ государство F. Тогда правительство этого послѣдняго государства получитъ экстрадиціонныя требованія отъ трехъ правительствъ. Какъ поступить въ такихъ случаяхъ? Въ договорномъ международномъ правѣ преобладаетъ правило о предпочтеніи оказываемомъ территоріальной юрисдикціи того государства, въ которомъ совершено самое важное преступленіе. Если-же въ этомъ отношеніи различія не существуетъ, то обыкновенно имѣетъ мѣсто выдача государству, предъявившему требованіе прежде другихъ [1]). Данное правило заслуживаетъ полнаго одобренія. Въ самомъ дѣлѣ, было-бы странно выдавать не тому государству, въ предѣлахъ котораго совершено самое тяжкое правонарушеніе, а тому, которое раньше предъявило требованіе. Такой способъ дѣйствія противорѣчилъ-бы цѣли существованія института выдачи преступниковъ. Имѣя въ виду содѣйствіе интересамъ правосудія, данный институтъ долженъ, очевидно, прежде всего стремиться къ достиженію всесторонней международной помощи въ случаяхъ наиболѣе важныхъ антиюридическихъ фактовъ, причемъ хронологическій пунктъ, въ сферѣ экстрадиціонныхъ стипуляцій, долженъ быть поставленъ на ряду съ явленіями случайными, не могущими стать на одномъ уровнѣ съ важностью нарушеннаго права. Когда же права, нарушенныя въ различныхъ государствахъ, не отличаются между собою по своей большей или меньшей важности, то единственно возможнымъ рѣшающимъ фактомъ должно почитать срокъ подачи требованія. Аматорный элементъ не измѣняется, но, въ данномъ случаѣ, указанное рѣшеніе вопроса будетъ

---

[1]) См. Fiore, т. II, стр. 657.

имѣть значеніе примѣненія жеребьевой системы къ регулированію тождества правовыхъ претензій. Но кромѣ случаевъ подобныхъ разсмотрѣнному выше, могутъ представиться другія комбинаціи. Если, напримѣръ, лицо А, подданный государства В, совершило на территоріи государства С преступленіе противъ своихъ отечественныхъ законовъ и затѣмъ нарушилъ законы третьяго государства Д, находясь на территоріи этого послѣдняго. Положимъ, что А бѣжитъ затѣмъ въ территоріальные предѣлы государства Е. Государство Е получитъ тогда два экстрадиціонныя требованія: отъ національнаго государства злоумышленника и отъ государства, за которымъ должно признать территоріальную компетенцію. Какъ поступить въ такомъ случаѣ? Здѣсь мы имѣемъ двѣ юрисдикціи: территоріальную и quasi-территоріальную [1]). Но территоріальная юрисдикція должна имѣть первенствующее значеніе какъ надъ личною, такъ и надъ quasi-территоріальною, а потому слѣдуетъ отдать предпочтеніе государству компетентному на основаніи территоріальной юрисдикціи. Если же отечественное государство преступника является територіально компетентнымъ, а другое государство, предъявившее требованіе выдачи, компетентно только въ силу quasi-территоріальной юрисдикціи, то требованіе національнаго государства злоумышленника не должно быть удовлетворено. Дѣло въ томъ, что хотя мы признаемъ главенство территоріальной юрисдикціи надъ quasi-територіальною, но, тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, необходимо допустить исключеніе

---

[1]) См. Brocher, доклады въ Парижской и Брюссельской сессіяхъ Института Международнаго Права. Annuaire de l'Institut de Dr. Intern., troisième et quatrième années, l. II.

изъ общаго правила въ виду международно-договорнаго существованія анормальнаго принципа невыдачи собственныхъ подданныхъ. Полученіе нѣсколькихъ экстрадиціонныхъ требованій и удовлетвореніе только одной изъ нихъ не влечетъ за собою невозможности удовлетворенія остальныхъ требованій. Выдача одному изъ требующихъ государствъ можетъ быть обусловлена позднѣйшею выдачею со стороны государства, получившаго преступника. Можетъ случиться, что при разсмотрѣніи требованія выдачи окажется, что требуемое лицо совершило также преступленіе въ томъ государствѣ, отъ котораго требуется выдача и находится подъ судомъ или слѣдствіемъ, или же отбываетъ наказаніе. Данное лицо могло также войти въ гражданскія обязательства. Какъ поступить въ обоихъ случаяхъ? слѣдуетъ ли выдать территоріальнаго преступника или неисправнаго должника, или же должно отказать въ выдачѣ? Необходимо строго разграничить представленные два случая. Первый случай не допускаетъ выдачи, второй же не является экстрадиціоннымъ препятствіемъ. Дѣло въ томъ, что хотя солидарность интересовъ членовъ союза международнаго и влечетъ за собою возможно полное развитіе института выдачи преступника, но указанная солидарность имѣетъ по необходимости извѣстные предѣлы обусловливаемые принципомъ salus publica suprema lex esto. Каждое государство обязано прежде всего заботиться о своемъ собственномъ благѣ, о неприкосновенности національныхъ законодательныхъ нормъ. Интересы, польза, цѣли, составляющіе общее достояніе всѣхъ членовъ союза международнаго должны быть поставлены на второмъ мѣстѣ. Дѣломъ первостепенной важности представляется для каждаго государства обезпеченіе законнаго возмездія въ случаѣ нарушенія мѣстныхъ уго-

ловныхъ законодательныхъ нормъ. Вопросъ же о примѣненіи наказанія за нарушенія законовъ иностранныхъ имѣетъ, сравнительно, значеніе второстепенное. Поэтому очевиднымъ правомъ каждаго государства является отказъ въ выдачѣ того лица, которое созершило преступленіе на территоріи этого государства. Переходя къ договорному международному праву, мы замѣтимъ, что первою французскою картельною конвенціею, коснувшеюся занимающаго насъ вопроса, является конвенція заключенная въ 1838 году между Франціею и Сардиніею. Отказъ въ выдачѣ считается обязательнымъ. Затѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ картельныхъ конвенціяхъ, въ которыхъ участвовала Франція въ періодъ времени отъ 1838—1847 годъ встрѣчается таже стипуляція объ обязательности отказа. Въ конвенціи, заключенной Франціею 26-го января 1847 года съ Меклембургъ-Шверинocc обязательность отказа замѣняется впервые факультативностью онаго. Правило факультативности содержится въ большей части конвенцій, подписанныхъ Франціею послѣ 1847 года. Исключеніе преставляютъ слѣдующія французскія картельныя конвенціи: Конвенція съ Австріею (1855 г.). съ Ганноверскимъ королевствомъ (1855 г.), съ республикою Чили (1860), съ Ново-Гренадскою республикою (1850 г.), съ Нидерландами, съ Испаніею (1850 г.), съ Франкфуртомъ (1853 г.), съ Венецуэлою (1853 г.), съ Пармою (1856 г.), съ Римскою Куріею (1859 г.), съ Швеціею (1869 г.) и съ Швейцаріею (1870 г.) [1]. Итальянскія картельныя конвенціи также стипулируютъ по большей части факультативность отказа. Обязательность отказа постановляется только слѣдующими итальянскими конвенціями: Конвен-

[1]) См. Billot, стр. 250.

ціею итальянско-германскою (1871 г.), итальянско-бразильскою (1872 г.), итальянско-датскою (1873 г.), итальянско-голландскою (1869 г.), итальянско-португальскою (1878 г.) и конвенціею, заключенною между Италіею и Россіею 1-го (13-го) мая 1871 года [1]). Изъ внутреннихъ законодательныхъ постановленій о занимающемъ насъ вопросѣ укажемъ на англійскій актъ о выдачѣ преступниковъ 1870 года (Extradition Act) и на голландскій законъ 1875 года. Англійскій законъ не дозволяетъ выдачи лица, находящагося подъ судомъ или же отбывающаго наказаніе [2]). Голландскій же законъ допускаетъ въ данномъ случаѣ временную выдачу требуемаго индивида, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы, по окончаніи суда надъ нимъ въ государствѣ предъявившемъ экстрадиціонное требованіе, онъ былъ посланъ обратно въ Нидерланды [3]). Второй случай, упомянутый нами относится къ экстрадиціонному требованію обращенному на лицо связанное въ государствѣ, гдѣ онъ находится, долговыми обязательствами. Отношенія частно-правовыя должны въ данномъ случаѣ, какъ и вообще, подчиниться юридическимъ отношеніямъ публичнаго права, вслѣдствіе чего долговая неисправность не можетъ служить препятствіемъ къ выдачѣ лица. Указанное правило выражено въ циркулярѣ французскаго министра юстиціи отъ 5-го апрѣля 1841 года. Но французскія картельныя конвенціи не содержатъ постановленій объ этомъ предметѣ вплоть до 1848 г.; въ этомъ году заключена конвенція франко-прусская. Затѣмъ почти во всѣхъ позднѣйшихъ конвенціяхъ, под-

---

[1]) См. Fiore: op. cit., фр. пер., т. II, стр. 568, прим. 1 bis.
[2]) См. Clarke, op. cit., прибавленіе, стр. XXXVII.
[3]) См. Fiore, loc. cit.

писанныхъ Франціею, выраженное нами правило стипулируется [1]). Большая часть итальянскихъ картельныхъ конвенцій содержитъ такое же постановленіе. Въ конвенціяхъ, заключенныхъ между Италіею и Россіею ($^1/_{13}$ мая 1871 г.) и съ Нидерландами (1869 г.), содержится постановленіе, что гражданское судебное преслѣдованіе не можетъ задержать выдачи, за исключеніемъ того случая, когда требуемое лицо находится въ долговомъ отдѣленіи. Тогда выдача не можетъ имѣть мѣста ранѣе освобожденія даннаго лица изъ долговаго заключенія [2]).

---

[1]) См. Fiore, фр. пер., т. II, стр. 570, прим. 1.
[2]) Ibid.

ГЛАВА VII.

Если по разсмотрѣніи экстрадиціоннаго требованія окажется, что не существуетъ ни одного изъ законныхъ основаній для невыдачи требуемаго злоумышленника, то имѣетъ мѣсто изданіе акта или предписаніе о выдачѣ. Приведеніе въ исполненіе этого акта возлагается на власть исполнительную. Во Франціи предписаніе или актъ выдачи издается въ формѣ декрета президента республики, вслѣдствіе представленія министра юстиціи [2]. Въ Бельгіи и въ Нидерландахъ изданіе акта выдачи имѣетъ мѣсто въ формѣ королевскаго ордоннанса, причемъ король подписываетъ орданнансъ также по представленію министра юстиціи. Ордоннансъ можетъ быть замѣненъ министерскимъ приказомъ (arrêté), или министръ дѣйствуетъ по королевскому полномочію [1]. Въ Великобританіи выдача совершается на основаніи рѣшенія судебной власти по предписанію о выдачѣ исходящему отъ одного изъ Государственныхъ

---

[1]) См. Billot, стр. 265.
[2]) Billot, стр. 266.

Секретарей (Warrant of a Secretary of State) [1]). Въ Соединенныхъ Штатахъ соблюдается тотъ же порядокъ, какъ и въ Великобританіи. Приведеніе въ исполненіе акта или предписанія о выдачѣ представляется также не одинаковымъ въ различныхъ государствахъ. Во Франціи приведеніе въ исполненіе этого предписанія возложено на министра внутреннихъ дѣлъ, который долженъ принять всѣ требуемыя мѣры для передачи на національной границѣ бѣглаго злоумышленника властямъ требующаго государства. Обыкновенно выдача совершается въ заранѣе опредѣленныхъ пунктахъ, въ которыхъ имѣетъ мѣсто періодическая передача выданныхъ лицъ. Конвенція, заключенная между Франціею и Королевствомъ обѣихъ Сицилій (14 іюня 1845 года), постановляетъ выдачу бѣглыхъ преступниковъ консуламъ договорившихся державъ въ Неаполѣ и Марсели [2]). Подобныя же постановленія содержатся въ конвенціяхъ заключенныхъ Франціею съ Тосканою, съ Луккою и съ Римскою Куріею, а также въ конвенціяхъ заключенныхъ между слѣдующими государствами: между Бельгіею и Швеціею и Норвегіею (28 октября 1843 г.), между Бельгіею и Ганноверомъ (1845 года), между Бельгіею и Португаліею (1854 года) и т. д. [3]). Въ Англіи на основаніи предписанія одного изъ Государственныхъ Секретарей имѣетъ мѣсто выдача требуемаго индивида тому лицу, которое, по мнѣнію Секретаря, законно уполномочено требующимъ государствомъ принять злоумышленника. Пограничная выдача не тре-

---

[1]) См. Clarke, прибавленіе, стр. 40. Предписаніе обыкновенно исходитъ отъ Госуд. Секретаря по внутреннимъ дѣламъ: См. Bar. op-cit., стр. 604, прим. 9.

[2]) См. Billot, стр. 272.

[3]) Jbid.

буется [1]). Впрочемъ на практикѣ англійское правительство обыкновенно само препровождаетъ выдаваемаго индивида на границу требующаго государства. Такой способъ дѣйствія даже является обязательнымъ для Англіи на основаніи конвенціи англо-французской 14 августа 1876 года [2]). Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, какъ на основаніи закона 1848 года, такъ и на практикѣ существуетъ правило о передачѣ выдаваемаго субъекта агентамъ правительства, предъявившаго экстрадиціонное требованіе [3]). Если имѣетъ мѣсто выдача бѣглаго злоумышленника государствомъ А. государству В., и притомъ, если данныя государства не граничатъ между собою, то процессъ передачи злоумышленника нѣсколько усложняется. Для доставленія преступника на границу государства, предъявившаго требованіе выдачи, необходимо конвоировать его чрезъ территорію третьяго государства или даже, можетъ быть, чрезъ территорію нѣсколькихъ государствъ. Для этого согласіе государства или государствъ, по территоріямъ которыхъ лежитъ путь конвоируемому преступнику, считается необходимымъ. Согласіе это требуется путемъ дипломатическихъ сношеній. Государство, отъ котораго требуется согласіе на пропускъ чрезъ національную территорію конвоя съ преступникомъ, имѣетъ право потребовать всѣ необходимыя справки и свѣдѣнія по данному дѣлу. Согласіе на пропускъ можетъ послѣдовать только въ томъ случаѣ, если государство, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе пропуска, убѣдится въ томъ, что и оно само выдало бы даннаго

---

[1]) См. Clarke, прибавленіе, стр. 40 и 41.
[2]) См. de Vazelhes, op-cit., стр. 129.
[3]) См. de Vazelhes, стр. 129; Billot, стр. 277.

злоумышленника, еслибъ ему было предъявлено экстрадиціонное требованіе. Указанное правило имѣетъ въ виду предупрежденіе содѣйствія, чрезъ согласіе на пропускъ, нарушенію общепризнанныхъ нормъ, регулирующихъ вопросъ о выдачѣ преступниковъ. Впрочемъ формальности для полученія согласія на пропускъ не должны имѣть и не имѣютъ на практикѣ того сложнаго характера, которымъ отличаются формальности, установленныя въ различныхъ государствахъ для полученія акта о выдачѣ. Дѣло въ томъ, что государство, отъ котораго требуется согласіе на пропускъ, знаетъ, что, если послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ на экстрадиціонное требованіе, то имѣло мѣсто предварительное соблюденіе всѣхъ законныхъ предписаній, установленныхъ для обезпеченія индивидуальной неприкосновенности. Требованіе согласія на пропускъ имѣетъ мѣсто со стороны государства предъявившаго экстрадиціонное требованіе. Провозъ преступника можетъ имѣть мѣсто или помощью полицейскихъ агентовъ выдающаго государства, или же агентами транзитнаго государства. Послѣдняя система имѣетъ наибольшее распространеніе, что и понятно. Еслибы потребовалось вмѣшательство властей транзитнаго государства для розыска преступника, которому удалось бѣжать отъ конвоировавшихъ его агентовъ, или же для приведенія въ покорность преступника, взбунтовавшагося на пути, то при сопровожденіи злоумышленника агентами правительства, совершившаго выдачу, могли бы произойти затрудненія какъ по предмету розыска, такъ и по предмету усмиренія. Съ одной стороны мѣстныя власти не обязаны содѣйствовать агентамъ, сопровождающимъ преступника, а затѣмъ, даже еслибъ въ договорное международное право и была включена стипуляція объ обязательности содѣйствія въ

подобныхъ случаяхъ, можно бы всетаки опасаться затрудненій вслѣдствіе замедленной процедуры, такъ какъ мѣстныя власти всегда быстрѣе и удовлетворительнѣе поступятъ въ своей странѣ, сравнительно съ чужими агентами. Если предоставить провозъ преступника чрезъ транзитную территорію мѣстной полицейской власти или мѣстной жандарміи, то ужъ данныя власти, которымъ извѣстны примѣты преступника по личному знакомству съ нимъ а не только по бумагамъ, сами и примутъ всѣ надлежащія мѣры для розыска преступника. Если же дѣйствовать должны агенты иностранные, то, или они будутъ главными дѣятелями, мѣстныя же власти будутъ помогать имъ, или, главная роль выпадетъ на долю агентовъ транзитнаго государства. Въ первомъ случаѣ окажется неопытность вслѣдствіе чужестранности театра дѣйствія, во второмъ успѣхъ розыска будетъ зависѣть отъ людей никогда не видавшихъ злоумышленника и имѣющихъ понятіе о физической его личности только по бумажнымъ или фотографическимъ примѣтамъ. Примѣты паспортныя, какъ извѣстно, отличаются полною несостоятельностью, фотографическій же снимокъ, какъ бы онъ ни былъ удовлетворителенъ, никогда не можетъ замѣнить лицезрѣнія. Договорное международное право занялось вопросомъ о транзитѣ выдаваемыхъ злоумышленниковъ только въ самое послѣднее время. Изъ французскихъ картельныхъ конвенцій заключенныхъ до 1869 г., только слѣдующія упоминаютъ о данномъ предметѣ: конвенція Франціи и великаго герцогства Гессенскаго 1853 г. и конвенція 1854 г., заключенная между Франціею и княжествомъ Вальдекскимъ. Въ указанныхъ конвенціяхъ говорится только о расходахъ причиняемыхъ транзитомъ. Конвенція франко-баварская (29 ноября 1869 г.) постановляетъ,

что согласіе транзитнаго государства должно быть испрошено дипломатическимъ путемъ, съ приложеніемъ документовъ необходимыхъ для удостовѣренія въ политическомъ и не военномъ характерѣ преступленія. Конвой преступника долженъ состоять изъ агентовъ транзитнаго государства. Подобныя же стипуляціи содержатся въ конвенціяхъ: франко-швейцарской (12 января 1870 г.), франко-итальянской (12 мая 1870 года), франко-бельгійской (15 августа 1874 года), франколюксембургской (12 сентября 1875 г.), франко-монакской (8 іюля 1876 года), франко-испанской (14 декабря 1877 г.) и франко-датской (28 марта 1877 г.). Въ картельныхъ конвенціяхъ, заключенныхъ между собою другими государствами замѣчается такая же градація въ подробномъ разсмотрѣніи вопроса о транзитѣ, какъ и во французскихъ конвенціяхъ. Такъ напр., конвенція 1844 г., заключенная Бельгіею и великимъ герцогствомъ Баденскимъ, упоминаетъ только о транзитныхъ расходахъ. Тоже должно сказать о конвенціяхъ итальянско-голландской (20 ноября 1869 года), русско-итальянской (1/13 мая 1871 года) и итальянско-швед-ской (20 сентября 1866 года). Конвенція итальянско-бельгійская (15 апрѣля 1869 года) считаетъ достаточнымъ для дозволенія транзита предъявленіе транзитнаго требованія дипломатическимъ путемъ, съ присовокупленіемъ бумагъ нужныхъ для удостовѣренія въ ненарушеніи общепризнанныхъ экстрадиціонныхъ нормъ. Тоже стипулируется конвенціями: бельгійско - баварскою (17 октября 1869 года), бельгійско-баденскою (3-го ноября 1869 года), бельгійско-швейцарскою (24 ноября 1869 года), бельгійско-испанскою (17 іюня 1870 г.), и конвенціею, заключенною между Сѣверо-Германскимъ

Союзомъ и Бельгіею (9 февраля 1870 г.). Самыя подробныя постановленія по занимающему насъ вопросу содержатся въ деклараціи подписанной въ Берлинѣ 25 іюля 1873 года Германіею, Италіею и Швейцаріею и имѣющей въ виду регулировать провозъ выдаваемыхъ злоумышленниковъ чрезъ швейцарскую территорію. На основаніи этой деклараціи злоумышленники конвоируются швейцарскою полиціею по территоріи гельветической республики. Передача преступниковъ швейцарской полиціи и затѣмъ полиціи германской или итальянской имѣетъ мѣсто въ мѣстностяхъ обозначенныхъ конвенціею. Правительству предъявившему требованіе и правительству выдающему преступника предоставляется право поручить одному или нѣсколькимъ полицейскимъ агентамъ сопровождать преступника по швейцарской территоріи. При передачѣ злоумышленника швейцарской полиціи имѣетъ мѣсто одновременная передача предписанія о провозѣ (ordre de transport), составленное по договорно-опредѣленной формѣ и содержащее описаніе примѣтъ (signalement) злоумышленника, указаніе преступленія или проступка, повлекшаго за собою обвинительный приговоръ или предварительное слѣдствіе надъ даннымъ индивидомъ, далѣе указаніе властей, которымъ данное лицо должно быть передано и, насколько возможно, указаніе того пограничнаго пункта, гдѣ должна имѣть мѣсто выдача. Если, по какимъ бы то ни было причинамъ, германскія или итальянскія пограничныя власти откажутъ въ пріемѣ злоумышленника, то имѣетъ мѣсто обратный провозъ преступника, причемъ пограничные агенты выдавшаго правительства обязаны принять выданнаго субъекта. Изъ внутренно-законодательныхъ постановленій, коснувшихся занимающаго насъ вопроса, укажемъ на бель-

гійскій законъ 1874 года, по которому предписаніе о транзитѣ можетъ послѣдовать безъ испрошенія мотивированнаго мнѣнія обвинительной камеры; достаточнымъ считается представленіе обвинительнаго приговора или даже предписанія объ арестѣ. Но требованіе согласія на транзитъ должно исходить отъ государства, заключившаго съ Бельгіею картельную конвенцію, въ которую включено преступное дѣйствіе, повлекшее за собою экстрадиціонное требованіе, причемъ дозволеніе транзита можетъ послѣдовать только тогда, если оно не противорѣчитъ статьѣ 6 бельгійскаго закона 1 октября 1833 года и ст. 7 разсматриваемаго закона. Голландскій законъ 6 апрѣля 1875 года постановляетъ о транзитѣ тоже, что законъ бельгійскій, но, приэтомъ, необходимымъ условіемъ дозволенія транзита признается участіе нидерландскихъ агентовъ при конвоированіи преступника [1]).

Выдача преступниковъ сопряжена съ извѣстными расходами, каковы: розыскъ преступника, содержаніе его въ тюрьмѣ, пока разсматривается требованіе выдачи, и отправка его на границу требующаго государства. На чью долю должны выпадать эти расходы? По сущности дѣла данные расходы должны быть возложены на государство требующее выдачи, ибо они произведены для оказанія услуги этому государству. Странно было бы, еслибъ государство выдавшее преступника обязано было не только оказывать международныя услуги въ формѣ содѣйствія по экстрадиціоннымъ вопросамъ, но и платить за расходы вызванные этими услугами. А между тѣмъ подобное рѣшеніе вопроса объ экстради-

---

[1]) См. о провозѣ выдаваемыхъ преступниковъ: Billot, стр. 275—287; Fiore, стр. 665—669; de Vazelhes, стр. 131—134.

ціонныхъ расходахъ находитъ одобреніе нѣкоторыхъ писателей. Билльо ратуетъ за раціональность такого способа дѣйствія. Онъ говоритъ, что силою вещей государство, отъ котораго требуется выдача, производитъ уплату расходовъ заимообразно. Отсюда необходимость обратнаго полученія кредитованныхъ суммъ, для чего должно обратиться къ государству предъявившему требованіе выдачи съ подробнымъ счетомъ. Но уплата по счетамъ, продолжаетъ авторъ, не всегда будетъ произведена безъ затрудненій, ибо должникъ будетъ склоненъ отказаться отъ погашенія издержки, которая, по его мнѣнію, не была вызвана настоятельною необходимостью. Это подастъ поводъ къ продолжительной дипломатической корреспонденціи и къ пререканіямъ, а между тѣмъ въ интересѣ обоихъ государствъ было бы избѣгать подобныхъ столкновеній. Если послѣдовало соглашеніе относительно цифры расходовъ, то явятся новыя затрудненія по предмету способа уплаты, которая должна быть произведена дипломатическимъ агентомъ государства, предъявившаго требованіе выдачи, аккредитованнымъ при государствѣ, выдавшемъ преступника. Но для производства данной уплаты, окажется необходимымъ прибѣгнуть къ длинной перепискѣ съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и съ тѣмъ вѣдомствомъ, къ бюджету котораго расходы должны быть окончательно причислены. Всѣ эти затрудненія, говоритъ авторъ, не имѣли-бы особеннаго значенія, еслибъ международныя сношенія, по данному предмету, ограничивались нѣсколькими отдѣльными случаями; но важность этихъ затрудненій возникаетъ въ отношеніяхъ между такими странами, которыя требуютъ другъ отъ друга и выдаютъ другъ другу ежегодно нѣс-

колько сотъ преступниковъ [1]). Вазель, держась тогоже мнѣнія какъ и Билльо, приводитъ въ сжатомъ видѣ тѣ-же доводы [2]). Странно, право, слышать подобныя разсужденія! Подумаешь, что дѣло идетъ о какомъ нибудь помѣщикѣ и объ управляющемъ его имѣніемъ. Управляющій приноситъ въ концѣ года счетъ своему принципалу, а этотъ послѣдній ворчитъ, бранится, а, въ концѣ концевъ, пожалуй, до того разгорячится, что броситъ счеты въ лицо управляющему, слишкомъ щедрому на чужой счетъ, и откажется платить. Отсюда могутъ возникнуть крупныя недоразумѣнія, которыя нарушатъ мирное теченіе жизни помѣщика и его семьи, а также управляющаго. Перенесите подобныя пререканія изъ частной сферы въ область отношеній междугосударственныхъ и представьте себѣ, какіе ужасы могутъ выйти изъ споровъ по счетамъ! Тутъ вѣдь не помѣщикъ и управляющій, а два суверенные члены союза международнаго. Государство А представляетъ счетъ государству В по экстрадиціоннымъ расходамъ. Государство В. находитъ, что счетъ слишкомъ великъ и начинаетъ спорить и доказывать чрезмѣрную щедрость государства В Но послѣднее государство не соглашается съ доводами своего противника и протестуетъ, требуя денежнаго удовлетворенія. Отношенія все обостряются и наконецъ дѣло доходитъ до разрыва дипломатическаго а, пожалуй, и до вооруженнаго столкновенія между государствомъ-должникомъ и государствомъ кредиторомъ. Намъ могутъ замѣтить, что представленная нами картина есть натянутость. На это мы отвѣтимъ, что наше изображеніе есть не болѣе, какъ доведеніе

---

[1]) См. Billot.
[2]) de Vaselhes, стр. 134—137.

до предѣловъ можетъ быть крайнихъ, но тѣмъ не менѣе возможныхъ и логичныхъ, основной мысли Билльо и Вазеля. Эти писатели своею аргументаціею силятся доказать, что система уплаты экстрадиціонныхъ расходовъ государствомъ требующимъ выдачи преступника можетъ повести къ дипломатическимъ пререканіямъ, вслѣдствіе которыхъ можетъ произойти охлажденіе международныхъ отношеній государства-кредитора и государства-дебитора. Эта мысль, лежащая въ основаніи всей аргументаціи названныхъ писателей, является принципіально ложною, а потому и предположеніе международнаго охлажденія также несостоятельно, какъ несостоятельна мысль о дипломатическихъ пререканіяхъ. Наше предположеніе о дипломатическомъ разрывѣ и даже о войнѣ есть дальнѣйшее развитіе шаткихъ началъ гг. Билльо и Вазеля. Въ самомъ дѣлѣ Слушая разсужденіе гг. Билльо и Вазеля, подумаешь, что эти писатели суть граждане какой-нибудь С. Маринской или Андорской республики. Мнѣніе, ими защищаемое, отличается изумительною узкостью, совершенно не идущею къ Французамъ вообще, этому народу общечеловѣческому, и къ даннымъ писателямъ въ особенности. Сочиненіе Вазеля и, въ особенности Билльо, мы считаемъ превосходными, по сжатости и содержательности, по всестороннему знакомству съ предметомъ, по свѣжести, гуманности и глубинѣ взглядовъ и по популярности изложенія. Глубокое уваженіе, которое мы питаемъ къ этимъ авторамъ, и заставляетъ насъ удивляться и недоумѣвать, какимъ образомъ люди столь достойные уваженія какъ ученые дѣятели могли выставить столь странный тезисъ! Развѣ можно допустить возможность возникновенія дипломатическихъ пререканій, охлажденіе международныхъ отношеній изъза нѣ-

скольких сотъ франковъ, или, въ крайнемъ случаѣ, изъ за нѣсколькихъ тысячъ франковъ? Да, отвѣтимъ мы, если счетъ предъставленъ республикою С. Марино республикѣ Андорской; нѣтъ, если счетъ представленъ Италіею Франціи или Франціею Россіи. Если возникли пререканія между двумя великими державами по предмету грошевыхъ разсчетовъ, то изъ этого можно смѣло заключить, что политическія отношенія между данными державами были шатки и что пререканія эти являются только предлогомъ для выраженія недружелюбія, а въ предлогахъ никогда не окажется недостатка. Если же политическія отношенія двухъ великихъ или даже среднихъ державъ отличаются прочностью, то ужь, безъ всякаго сомнѣнія прочность эта не будетъ нарушена при регулированіи вопросовъ объ уплатѣ экстрадиціонныхъ расходовъ. Противъ системы защищаемой гг. Билльо и Вазелемъ, кромѣ выставленныхъ нами доводовъ, можно привести еще слѣдующее возраженіе: если экстрадиціонные расходы не уплачиваются государствомъ, предъявившемъ требованіе выдачи, а погашаются изъ бюджетныхъ суммъ государства выдавшаго преступника, то получается неравенство въ размѣрѣ обязательствъ. Возьмемъ, напримѣръ, Францію и Нидерланды. Франція, какъ государство значительно превосходящее по величинѣ королевство Нидерландское, чаще обращается къ нидерландскому правительству съ экстрадиціонными требованіями, чѣмъ имѣетъ мѣсто предъявленіе требованій выдачъ со стороны правительства королевства Нидерландскаго. Отсюда является необходимость для Голландіи употреблять ежегодно извѣстную сумму на расходы по выдачѣ преступниковъ, сумму равную цифрѣ французскихъ расходовъ, вызванныхъ выдачею преступниковъ правительствомъ французскимъ правительству

голландскому, но съ прибавленіемъ нѣкотораго излишка расходовъ, которымъ Голландія будетъ обременена вслѣдствіе различія въ количествѣ взаимныхъ экстрадиціонныхъ требованій. Такое несправедливое неравенство отчасти сглаживается тѣмъ обстоятельствомъ, что каждая отдѣльная выдача преступника обойдется дороже большому государству, ибо розыскъ и провозъ преступника сопряжены съ большими издержками на большой государственной территоріи, чѣмъ на маленькой; но, тѣмъ не менѣе, данное обстоятельство только уменьшаетъ неравенство въ расходахъ, а не уничтожаетъ его, въ чемъ сознаются сами защитники порицаемой нами системы: Билльо и Вазель [1]).

Въ картельныхъ конвенціяхъ, заключенныхъ Франціею, сначала мы не замѣчаемъ преобладанія той или другой изъ разсмотрѣнныхъ системъ погашенія экстрадиціонныхъ расходовъ. Конвенція франко-швейцарская (1828 г.) возлагаетъ расходы по выдачѣ преступника на государство, производящее выдачу; конвенція же франко-бельгійская (1834 г.) стипулируетъ возвращеніе израсходованныхъ суммъ государству выдавшему преступника. Изъ двадцати трехъ конвенцій заключенныхъ Франціею въ періодъ времени отъ 1828—1853 года, въ тринадцати конвенціяхъ постановляется погашеніе экстрадиціонныхъ расходовъ государствомъ, потребовавшимъ выдачи. Послѣ 1853 года во французскихъ картельныхъ конвенціяхъ получаетъ господство правило уплаты экстрадиціонныхъ расходовъ государствомъ, выдавшимъ преступника. Конвенція заключенная Франціею съ республикою Венецуэлою является, къ сожалѣнію, единственнымъ французскимъ международнымъ догово-

¹) См. Billot, стр. 290; de Vazelhes, стр. 137.

ромъ, послѣ 1853 года, въ которомъ признается система нами защищаемая. Подобное же преобладаніе системы, сторонниками которой являются Билльо и Вазель, мы замѣчаемъ въ значительномъ большинствѣ договорныхъ стипуляцій. Таковы стипуляціи конвенцій: русско-итальянской, русско-бельгійской, русско-баварской, русско-гессенской, итальянско-шведской, итальянско-германской, шведско-австрійской, австрійско-бельгійской и т. д. Изъ итальянскихъ конвенцій только четверо содержатъ постановленіе о погашеніи экстрадиціонныхъ расходовъ государствомъ, предъявившимъ требованіе выдачи (конвенція съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, съ республикою Санъ-Марино, съ Мексикою и съ Монако). Бельгія, въ промежутокъ времени отъ 1834 — 1870 года заключила пятьдесятъ картельныхъ конвенцій; изъ нихъ только пять конвенцій возлагаютъ уплату расходовъ на государство, которому выданъ преступникъ. Великобританія и Сѣверо - Американскіе Соединенные Штаты слѣдуютъ, напротивъ, той системѣ, раціональность которой мы старались доказать. Въ Соединенныхъ Штатахъ экстрадиціонные расходы достигаютъ весьма значительныхъ размѣровъ, вслѣдствіе чего было бы особенно несправедливо возлагать на республику уплату издержекъ, произведенныхъ по чужой надобности и съ цѣлью оказать услугу другому государству. Разсчитано, что, среднимъ числомъ, расходы по каждой отдѣльной выдачѣ преступника равняется въ Соединенныхъ Штатахъ отъ 10—15,000 фр. [1]). Въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ англійскихъ картельныхъ конвенцій, встрѣчается, впрочемъ, стипуляція объ уплатѣ

[1]) См. Billot, стр. 292; de Vaselhes, стр. 135, прим. 1.

экстрадиціонныхъ расходовъ государствомъ выдающимъ преступника, но данная стипуляція включена Англіею единственно изъ уступчивости къ чужимъ воззрѣніямъ, подобно тому какъ Англія согласилась помѣстить въ нѣкоторыя изъ своихъ картельныхъ конвенцій постановленіе о невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Уплата расходовъ государствомъ выдавшимъ преступника стипулируется конвенціями: англо-итальянскою (1873 г.), и въ двухъ англо-французскихъ (1852 и 1876 гг.) [1]. Англо-американской системѣ слѣдуютъ также нѣкоторыя южно-американскія государства [2].

---

[1]) См. Fiore, op. cit., т. II, стр. 673, прим. 1 bis; de Vazelhes, стр. 135.
[2]) См. Billot, стр. 296; Calvo, т. II, § 1281.

ГЛАВА VIII.

Бѣжавшій и выданный злоумышленникъ можетъ принадлежать къ двумъ категоріямъ субъектовъ: или это лицо, надъ которымъ состоялся ужь обвинительный приговоръ, или же мы имѣемъ дѣло съ индивидомъ не осужденнымъ, а только обвиняемомъ. Если обвинительный приговоръ имѣлъ мѣсто единственно по отношенію къ тому поступку, за который произошла выдача преступника, то никакія затрудненія немыслимы. Если же выданный преступникъ совершилъ нѣсколько преступленій, за которыя и былъ присужденъ къ наказанію, и если, приэтомъ, выдача преступника имѣла мѣсто только за одно изъ совершенныхъ правонарушеній, то примѣненіе наказанія за остальныя противозаконныя дѣянія не дозволено. Это было бы нарушеніемъ картельной конвенціи, ибо общепризнаннымъ является правило, что обязательная выдача преступниковъ имѣетъ мѣсто только за тѣ правонарушенія, которыя вошли въ договорный экстрадиціонный списокъ; выдача же за правонарушенія, не поименованныя въ конвенціи, можетъ имѣть мѣсто только по спеціальному договору двухъ заинтересованныхъ государствъ. Но въ предполагаемомъ нами слу-

чаѣ по одному изъ правонарушеній, совершенныхъ выданнымъ лицомъ, договорнаго междугосударственнаго соглашенія не состоялось, а потому и примѣненіе наказанія за данное преступленіе не можетъ имѣть мѣсто. Но, по отбытіи наказанія, выданный субъектъ препровождается на границу государства, такъ какъ дальнѣйшее пребываніе его на государственной территоріи явилось бы соблазнительнымъ примѣромъ безнаказанности для мѣстныхъ жителей. Если выданное лицо состоитъ въ отношеніи подданства или гражданства къ тому государству, которое предъявило экстрадиціонное требованіе, то вопросъ объ изгнаніи изъ территоріальныхъ предѣловъ усложняется. Дѣло въ томъ, что законы европейскихъ конституціонныхъ государствъ воспрещаютъ изгнаніе административнымъ путемъ національныхъ подданныхъ или гражданъ. На практикѣ такое воспрещеніе не соблюдается, и это несоблюденіе мотивируется слѣдующими соображеніями: Говорятъ, что въ данномъ случаѣ изгнаніе собственнаго подданнаго или гражданина является единственнымъ способомъ обезпеченія ненарушенія международнаго договора и соблюденія соціальныхъ интересовъ; что только изгнанный могъ бы жаловаться на этотъ образъ дѣйствія, а между тѣмъ вѣдь изгнаніе имѣло мѣсто для его же пользы. Если національный подданный или гражданинъ находитъ, что изгнаніе его изъ отечества есть мѣра несправедливая, то онъ всегда можетъ потребовать, чтобъ его судили по всѣмъ пунктамъ обвиненія. Далѣе сторонники изгнанія собственныхъ подданныхъ или гражданъ прибавляютъ, что въ данномъ случаѣ изгнаніе явится превращеніемъ фикціи въ дѣйствительность: по пунктамъ обвиненія, по которымъ выдача не состоялась, выданный субъектъ можетъ подлежать только заочному судебному рѣшенію; такъ какъ допускается

фикція ненахожденія его на территоріи судящаго государства. При изганіи же даннаго субъекта, фикція объ его отсутствіи становится дѣйствительнымъ, реальнымъ фактомъ [1]). Приведенные доводы сторонниковъ изгнанія собственныхъ подданныхъ въ случаѣ выдачи одного изъ національныхъ подданныхъ или гражданъ только за одно изъ совершенныхъ имъ преступленій или проступковъ не убѣждаютъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ. Странно говорить о томъ, что, будто бы, изгнанный одинъ можетъ жаловаться и протестовать требованіямъ, чтобъ его судили по всѣмъ пунктамъ, или же возвращеніемъ въ національные территоріальные предѣлы. Еще болѣе страннымъ представляется разсужденіе о томъ, что изгнаніе явится превращеніемъ фикціи въ дѣйствительность. Если фикція юридическая является разумною, логичною, то радость, вызванная ея уничтоженіемъ, можетъ только возбудить наше удивленіе; если же, наоборотъ, фикція является шаткою, неосновательною, то опираться на нее въ цѣлой категоріи экстрадиціонныхъ случаевъ значитъ преклоняться предъ абсурдомъ. Да и вообще юридическая фикція никогда не можетъ служить основаніемъ правоваго явленія, а лишь его объясненіемъ. Первое же замѣчаніе (что изгнанный можетъ протестовать возвращеніемъ) является на дѣлѣ злою насмѣшкою надъ изгнаннымъ. Его выдали подъ условіемъ примѣненія наказанія только за одно изъ совершенныхъ имъ правонарушеній; если же онъ возвратится на родину послѣ изгнанія, то его накажутъ за другое или за другія правонарушенія. Очевидно, что не въ его разсчетѣ вновь вступать на отечественную территорію, несмотря

[1]) См. Fiore, T. I, стр. 125; Billot, стр. 348: de Vazelhes, стр. 171, 172.

на изгнаніе. Славный протестъ, кидаться добровольно въ львиную пасть! Намъ могутъ, можетъ быть, замѣтить, что мы, якобы, защищаемъ интересы злодѣевъ, злоумышленниковъ, нарушителей отечественныхъ законовъ. Отнюдь нѣтъ. Нашъ лозунгъ: Amicus Plato, amicus Socratis; sed magis amica Veritas. Мы ратуемъ за правду и справедливость, мы утверждаемъ, что безъ правды и справедливости не можетъ существовать ни одно государство. Не даромъ гласитъ народная пословица: „Все минется, одна правда остается", или выражая туже мысль на латинскомъ языкѣ: „Vincit veritas". Если воспрещено закономъ конституціонныхъ государствъ изгонять собственныхъ подданныхъ или гражданъ, то ужь нечего возводить замысловатыя софистическія постройки для оправданія нарушенія общаго закона. Вы говорите, что отъ частной безнаказанности произойдетъ народный соблазнъ въ отечествѣ злоумышленника; а мы отвѣтимъ вамъ, что еще большій соблазнъ повлечетъ за собою примѣненіе правила: „цѣль оправдываетъ средства". Вы рѣшаетесь, съ цѣлью предупрежденія соблазна, нарушить несомнѣнное право подданнаго или гражданина каждаго культурнаго, свободнаго, конституціоннаго государства не быть изгнаннымъ административнымъ путемъ изъ отечества, а подобное нарушеніе свободы личности не есть ли совершеніе меньшаго зла, во избѣжаніе большаго? Это маккіавелизмъ, а маккіавелизмъ есть апогей народныхъ соблазновъ.

Итакъ, по нынѣ дѣйствующимъ законамъ въ культурныхъ государствахъ изгнаніе собственныхъ подданныхъ или гражданъ не должно имѣть мѣста. Что же касается частичной безнаказанности, которая отсюда произойдетъ, то мы признаемъ это явленіемъ анормаль-

нымъ, но неминуемымъ, если имѣть въ виду современныя европейскія законодательства. Но помочь горю можно; выходъ есть; предоставьте судебнымъ органамъ дѣйствовать въ данныхъ случаяхъ; предоставьте имъ, на основаніи новыхъ законодательныхъ нормъ, изгонять націонольныхъ подданныхъ или гражданъ, которые, вслѣдствіе условной выдачи, не могутъ быть подвергнуты полному и заслуженному наказанію. Въ настоящее время судебнымъ органамъ въ различныхъ европейскихъ государствахъ не предоставлено право изгонять лицъ выданныхъ и только отчасти наказанныхъ. Предоставьте имъ это право, и вы получите уничтоженіе безнаказанности безъ всякой маккіавелистической тлѣтворности. Если выданный субъектъ не былъ еще осужденъ въ государствѣ, предъявившемъ экстрадиціонное требованіе, а былъ только преданъ суду, то, послѣ выдачи, начинается судебное разбирательство его дѣла. Приэтомъ важнымъ представляется опредѣленіе роли судебной власти, ея значенія, ея правъ и обязанностей. Выдача преступника имѣетъ мѣсто или на основаніи общей картельной конвенціи, или же на основаніи спеціальнаго международнаго договора, состоявшагося по конкретному случаю. Теперь спрашивается, какой характеръ имѣютъ вообще международные договоры? Французскія кассаціонныя рѣшенія 24-го іюня 1839 г. и 11-го августа 1841 года причисляютъ международные договоры къ законамъ и признаютъ, поэтому, за судебною властью права толкованія трактатовъ. Кассаціонное рѣшеніе по дѣлу Grandvaux (5-го сентября 1845 г.) также считаетъ трактаты законами, но, по странной непослѣдовательности, данное рѣшеніе не признаетъ права толкованія международныхъ договоровъ судебными органами. Рѣ-

шенія французскаго кассаціоннаго суда отъ 18-го іюля 1851 г., отъ 23-го декабря 1852 г. и отъ 4-го мая 1865 года замѣчательны измѣнившимся взглядомъ Верховнаго Французскаго Суда на природу международныхъ договоровъ. Въ указанныхъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ международные договоры названы ужь не законами, а актами высшей администраціи (actes de haute administration). Такое же отрицаніе законодательнаго характера международныхъ договоровъ мы находимъ въ слѣдующихъ рѣшеніяхъ французскаго кассаціоннаго суда: 6-го іюня 1867 г., 4-го іюля 1867 г., 25-го іюля 1867 г., 26-го іюля 1867 г., 13-го апрѣля 1876 г. Причисленіе международныхъ договоровъ къ актамъ высшей администраціи имѣетъ своимъ основаніемъ самый способъ заключенія договоровъ. Переговоры для заключенія международнаго договора и затѣмъ заключеніе его совершаются при исключительномъ участіи правительства двухъ договаривающихся державъ. Въ тѣхъ даже случаяхъ, когда требуется въ конституціонныхъ государствахъ парламентское принятіе международнаго договора до его ратификаціи, нельзя всетаки считать подобный договоръ актомъ законодательнымъ, ибо законодательная власть не участвуетъ при заключеніи договора, она не является договаривающеюся стороною, она не имѣетъ права даже измѣнить международный договоръ. Компетенція законодательной власти ограничивается принятіемъ или непринятіемъ международнаго договора. Но если международные договоры слѣдуетъ считать актами высшей административной власти или актами правительственными или актами суверенной власти (actes de haute administration, actes de gouvernement, de souverainité), то должно вмѣстѣ съ тѣмъ признать некомпетентность органовъ судебной

власти по предмету международно-договорной интерпретаціи. Толкованіе международнаго договора властью судебною явилось бы, вслѣдствіе указаннаго характера этихъ актовъ, нарушеніемъ принципа раздѣленія властей, признаннаго закономъ 16-го (27-го) августа 1790 г.; конституціею 3-го сентября 1791 г. и закономъ 16-го Фрюктидора 3-го года. Право интерпретаціи международныхъ договоровъ принадлежитъ исключительно высшей правительственной власти. Даннымъ правомъ не пользуются административные суды и даже французскій Государственный Совѣтъ. Недопущеніе интерпретаціи актовъ суверенной власти вообще и въ частности актовъ, регулирующихъ международныя отношенія, вытекаетъ изъ принципа государственной необходимости (raison d'Etat) [1].

Но, если договоры международные, а слѣдовательно и картельныя конвенціи, относятся къ актамъ высшей административной, или верховной, суверенной власти, то отсюда слѣдуетъ, что органы судебной власти, не имѣя права интерпретаціи, не пользуются также и правомъ разсмотрѣнія вопроса о томъ, правильно ли или не правильно примѣнена конвенція. Рѣшеніе даннаго вопроса приведетъ къ одобрительной, или неодобрительной оцѣнкѣ акта, который лежитъ внѣ сферы судебной правильной критики. Еще менѣе можетъ быть допущена конкретная отмѣна международныхъ договоровъ и актовъ, на нихъ основанныхъ [2]. Если во время судебнаго разбирательства обнаружится, что одинъ изъ пунктовъ или же нѣсколько пунктовъ конвенціи, на основаніи которой состоялась выдача преступника,

---

[1]) См. Ducrocq, Théorie de l'Extraditon, стр. 33.
[2]) Ср. Ducrocq, op. cit., стр. 30, 31.

отличаются неточностью, не ясностью или неопредѣленностью, то возникаетъ вопросъ о томъ, можетъ ли въ данномъ случаѣ судъ пріостановить постановку рѣшенія и передать спорные пункты на разсмотрѣніе компетентной административной власти? — Дюкронъ отвѣчаетъ утвердительно на этотъ вопросъ, причемъ онъ замѣчаетъ, что пріостановкою рѣшенія дѣла въ предполагаемомъ нами случаѣ судъ не беретъ на себя оцѣнки правильности акта выдачи [1]). Билльо, являясь противникомъ мнѣнія своего соотечественника, выставляетъ слѣдующіе доводы: Прежде всего, Билльо находитъ невозможнымъ самое возникновеніе затрудненія вслѣдствіе неясности конвенціи, послужившей основаніемъ выдачи. Власть административная требуетъ исполненія международнаго договора о выдачѣ, но, при этомъ, та-же власть указываетъ тѣ предѣльныя нормы, которыя должны быть соблюдены. Еслибъ не было ограничительныхъ нормъ, то правительство просто передало-бы обвиняемаго судебной власти, предоставивъ ей право постановить рѣшеніе по всѣмъ пунктамъ обвиненія. Далѣе авторъ находитъ, что для постановленія пріостановки судебнаго разбирательства суду необходимо предварительно отнестись критически къ международному договору о выдачѣ, а всякая оцѣнка конвенціи судебною властью является недозволенною. Власть административная обязана была сообщить власти судебной тѣ ограничительныя стипуляціи, которыя содержались въ картельной конвенціи. Постановленіе о пріостановкѣ судебнаго разбирательства дѣла явится, поэтому, требованіемъ отъ административной власти, чтобъ она объявила, что лежащія на ней международно-договорныя

---

[1]) См. Ducrocq, op. cit., стр. 61.

обязанности не исполнены ею вполнѣ, между тѣмъ какъ административная власть является единственнымъ судьею законности акта выдачи [1]).

Пріостановка судебнаго разбирательства, въ случаѣ обнаруженія неясности, неточности, неопредѣленности или неполноты одной или нѣсколькихъ конвенціональныхъ стипуляцій, не представляетъ собою, какъ намъ кажется, нарушенія принципа раздѣленія властей. Пріостановляя судебный разборъ дѣла, судъ не берется самъ интерпретировать состоявшееся международное соглашеніе; онъ имѣетъ въ виду избѣгнуть подобной интерпретаціи путемъ предоставленія разъясненія возникшихъ недоразумѣній высшей административной власти. Мы другаго пути, кромѣ пріостановки судебнаго разбирательства, не усматриваемъ для разрѣшенія обнаружившихся недоразумѣній. Или предоставить интерпретаціи высшей правительственной власти, или допустить судебную интерпретацію, или-же, наконецъ, рѣшать съ завязанными глазами, неразъяснивъ непонятныхъ мѣстъ. Неужели Билльо желаетъ достиженія этого послѣдняго результата? Едва-ли, а между тѣмъ, другаго исхода нѣтъ.—Билльо утверждаетъ, что пріостановка вслѣдствіе неясности одной или нѣсколькихъ договорныхъ стипуляцій возможна только въ томъ случаѣ, если имѣла мѣсто предварительная критическая оцѣнка картельной конвенціи. Итакъ, по мнѣнію уважаемаго писателя, можно дойти до обнаруженія неясности, неточности, неопредѣленности какой-либо международно-договорной стипуляціи только путемъ критическаго анализа договора! Странно! А мы всегда были увѣрены, да и въ настоящее время не измѣнили убѣж-

[1]) См. Billot, стр. 339, 340.

денію, что всякая критика разъясняетъ дѣло, къ которому она относится, а отнюдь не ведетъ къ затемнѣнію изслѣдуемыхъ вопросовъ. Если согласиться съ уважаемымъ авторомъ, то придется вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что всякое научное изслѣдованіе есть путь къ умственному мраку, ибо никакія научныя работы немыслимы безъ извѣстной систематизаціи научныхъ данныхъ, а въ систематизаціи непремѣнно выражается то или другое критическое отношеніе къ научному матеріалу.

Вазель, сторонникъ пріостановки судебнаго разбирательства, замѣчаетъ, что въ данномъ фактѣ нѣтъ вмѣшательства судебной власти въ сферу дѣятельности власти административной, или, какъ обыкновенно выражаются французскіе писатели, власти исполнительной (pouvoir executif). Правительство, если оно имѣетъ причины сомнѣваться, получивъ просьбу точнѣе изложить смыслъ одного изъ пунктовъ конвенціи, обратится къ иностранному правительству; такимъ образомъ, говоритъ авторъ, будетъ устранено столкновеніе, которое могло-бы имѣть мѣсто, еслибъ судебная власть, вмѣсто пріостановки разбора дѣла, примѣнила неправильно конвенцію и нарушила ограничительное условіе, выговоренное государствомъ, выдавшимъ преступника. Но, прибавляетъ Вазель, власть административная сохраняетъ право отвергнуть просьбу суда, если, по ея мнѣнію, просьба эта является безполезною или несвоевременною [1]). Вполнѣ соглашаясь съ приведенными доводами, мы не можемъ выразить такого-же согласія съ слѣдующею мотивировкою автора той точки зрѣнія, которая принадлежитъ ему, Дюкроку и намъ. Вазель го-

---

[1]) См. Vazelhes, op. cit, стр. 150, 151.

воритъ: что, хотя, конечно, власть судебная должна ограничиваться простымъ примѣненіемъ актовъ, исходящихъ отъ правительства, но, тѣмъ не менѣе, нѣтъ причины не примѣнить къ дипломатическимъ актамъ правила общепринятаго, когда дѣло идетъ объ актахъ административныхъ, по которому судебные органы имѣютъ право требовать отъ правительства интерпретаціи актовъ, отличающихся неясностью и неточностью [1]). Вазель самъ же говоритъ на стр. 142 своей книги, что актъ выдачи преступника не есть актъ административный, а есть актъ суверенной власти (L'acte d'extradition n'est pas, comme on l'a dit quelquefois d'une manière inexacte, un acte administratif, mais bien un acte de souveraineté). При этомъ авторъ прибавляетъ, что такое различіе не является единственно различіемъ въ словахъ, ибо отсюда слѣдуетъ невозможность возникновенія передъ судебною властью спора о компетенціи, а также невозможность обжалованія акта передъ французскимъ Государственнымъ Совѣтомъ. Единственнымъ способомъ протеста является въ данномъ случаѣ право петиціи и право парламентскаго запроса, а эти способы обжалованія, по словамъ Вазеля, по большей части не достигаютъ своей цѣли [2]). Очевидно, что если актъ выдачи преступника, какъ утверждаетъ Вазель, не есть актъ собственно административный, а является актомъ суверенной власти, то нельзя мотивировать точку зрѣнія, за которую стоитъ Вазель и которой мы также держимся, такъ какъ дѣлаетъ это названный писатель: наши общіе противники, къ которымъ, между прочимъ, относится, какъ мы видѣли, и

---

[1]) См. de Vazelhes, стр. 150.
[2]) Jbid., стр. 143.

Билльо, могли бы совершенно основательно сдѣлать слѣдующее возраженіе: Какимъ же путемъ пришли вы къ приравненію актовъ дипломатическихъ къ другимъ актамъ административнымъ; вы сами же, вѣдь, говорите, что актъ о выдачѣ преступника не есть актъ административный, а есть актъ суверенной власти, а, если такъ, то вполнѣ раціональнымъ слѣдуетъ считать непримѣненіе общаго правила, по которому судебные органы имѣютъ право требовать отъ правительства интерпретаціи актовъ страдающихъ неясностью.

Къ причинамъ могущимъ служить основаніемъ пріостановки судебнаго разбирательства дѣла выданнаго преступника Дюкрокъ относитъ признаніе судебною властью необходимости потребовать актъ о выдачѣ (l'acte d'extradition) [1]. Разсматривая дѣло Lamirande, авторъ констатируетъ фактъ ненахожденія у органа судебной власти акта о выдачѣ и замѣны предъявленія этого акта прочтеніемъ депеши французскаго министра юстиціи прокуроромъ. „При такомъ особомъ положеніи вещей, говоритъ авторъ, каково же было строгое право суда?“ „Право суда состояло, очевидно въ томъ, чтобы потребовать предъявленія этого акта, или засвидѣтельствованной копіи онаго; въ существованіи этого права не можетъ быть сомнѣнія, ибо прокурорскій надзоръ, вслѣдствіе инструкцій министра юстиціи, сдѣлалъ зависящія отъ него распоряженія для приведенія въ исполненіе этого акта со стороны суда, невозможно оспаривать право суда требовать этого предъявленія, и въ особенности въ томъ случаѣ, если обвиняемый сталъ бы оспаривать въ этомъ отношеніи содержаніе акта о выдачѣ . . . . .; нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что право

---

[1]) См. Ducrocq, op. cit., стр. 61.

суда, отъ котораго прокурорскій надзоръ (le ministère public) требовалъ примѣненія этого акта, заключалось въ томъ, чтобъ потребовать его предъявленія". „Слѣдуетъ замѣтить, прибавляетъ авторъ, что право потребовать этого предъявленія не принадлежало бы, по нашему мнѣнію, суду, еслибъ имѣлъ мѣсто нормальный ходъ судебнаго разбирательства, еслибъ преступника судили по всѣмъ пунктамъ обвиненія, ибо въ такомъ случаѣ суду не предстояло бы примѣнить актъ о выдачѣ; но когда судъ обязанъ примѣнить актъ о выдачѣ при отдѣленіи другъ отъ друга различныхъ пунктовъ обвиненія, то намъ кажется невозможнымъ не признать за судомъ права познакомиться съ содержаніемъ этого акта, хотя предъявленіе акта, какъ кажется, не согласно съ традиціями министерства иностранныхъ дѣлъ"[1]). Билльо отвѣчаетъ Дюкроку, что актъ о выдачѣ преступника не находится въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Извѣщеніе объ изданіи декрета или ордоннанса о выдачѣ преступника имѣетъ мѣсто дипломатическимъ путемъ, причемъ сообщается содержаніе этого акта, но не самый текстъ. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ государства, которому предъявлено требованіе выдачи, объявляетъ дипломатическому агенту государства, предъявившаго требованіе, что послѣдовало разрѣшеніе выдачи; министръ сообщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ объ условіяхъ выдачи. Дипломатическій агентъ передаетъ полученное извѣщеніе Министру Иностранныхъ Дѣлъ государства предъявившаго экстрадиціонное требованіе; Министръ-же Иностранныхъ Дѣлъ дѣлаетъ сообщеніе по тому же предмету Министру Юстиціи. Актъ о выдачѣ, или копія его ни въ какомъ случаѣ не предъявляется.—„Даже

[1]) См. Ducrocq, op. cit., стр. 59 и прим. на той же стр.

въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ предписаніе о выдачѣ (warrant) можетъ быть переданъ агентамъ требующаго выдачи правительства, которымъ поручено сопровождать бѣглаго злоумышленника, нотификація выдачи имѣетъ мѣсто дипломатическимъ путемъ, какъ въ другихъ странахъ. При такомъ положеніи вещей, судебная власть не можетъ требовать предъявленія акта, который не былъ сообщенъ. Но, можетъ быть, судебная власть потребуетъ предъявленія одной изъ бумагъ констатирующихъ нотификацію этого акта? Какой-же бумаги? Можетъ быть отношенія министра иностранныхъ дѣлъ къ министру юстиціи? или-же дипломатическую ноту дипломатическаго агента къ министру иностранныхъ дѣлъ? или-же, наконецъ, ноту министра иностранныхъ дѣлъ государства выдающаго преступника къ дипломатическому агенту государства требующаго выдачи? Но, прежде всего, замѣтимъ, что двѣ изъ указанныхъ бумагъ принадлежатъ дипломатическому архиву и не находятся у министра юстиціи. Затѣмъ спрашивается, почему этой дипломатической перепискѣ была-бы дана вѣра, между тѣмъ какъ подобное-же довѣріе не было-бы оказано ни объявленію прокурорскаго надзора, дѣйствующему по инструкціямъ министра юстиціи, ни непосредственному сообщенію министра юстиціи, говорящаго отъ имени административной?“ „Къ сказанному можно прибавить, что даже еслибъ актъ о выдачѣ преступника находился въ распоряженіи власти административной, судебная власть все таки не имѣла-бы законнаго основанія для требованія предъявленія этого акта. Актъ этотъ исходитъ отъ иностранной державы, а потому не имѣетъ законной силы въ предѣлахъ государства потребовавшаго выдачи. Онъ просто объявляетъ, что выдача имѣла мѣсто подъ тѣми или иными условіями;

онъ не доказываетъ, что эти условія были приняты. Поэтому не данный актъ связываетъ судебную власть, а договоръ заключенный между обоими государствами и обязательство, подписанное правительствомъ требующимъ выдачи преступника. Но данное обязательство является по преимуществу актомъ административнымъ, входящимъ въ кругъ дѣятельтельности административной власти. На какомъ-же основаніи могла-бы судебная власть потребовать, чтобъ доказательство существованія даннаго акта было дано при соблюденіи опредѣленной формы? Развѣ въ этомъ не заключалось-бы смѣшенія властей (canfusion des pouvoirs), вторженія (empietement) судебной власти въ сферу дѣятельности власти административной? Затѣмъ авторъ, указавъ на французскіе законы, воспрещающіе судебной власти относиться критически къ актамъ исходящимъ отъ административной власти, и которые были уже указаны нами выше, продолжаетъ развитіе своей мысли слѣдующею аргументаціею: Онъ говоритъ, что изъ природы вещей вытекаетъ единственно одно основное положеніе, а именно, что суды обязаны примѣнять картельныя конвенціи и сообразоваться съ обязательствами, принятыми на себя правительствомъ. Что-же касается до способа передачи содержанія этихъ обязательствъ судебной власти, то авторъ замѣчаетъ, что способъ этотъ не опредѣленъ. Судебная власть, говоритъ Бильо, должна оставаться въ пассивной роли, которая наложена на нее ея функціями до тѣхъ поръ, пока, какимъ-бы то ни было путемъ, она не познакомится съ обязанностями вытекающими изъ выдачи преступника. Нотификація условій принятыхъ властью административною и обязательныхъ для власти судебной есть дѣло самой власти административной, которой также

принадлежитъ право выбора времени и способа нотификаціи [1]) Приведенная длинная аргументація Билльо отличается только частичною вѣрностью. Въ данномъ случаѣ мы считаемъ возможнымъ замѣтить уважаемому французскому писателю, что ему, какъ французу, не слѣдовало-бы забывать французской пословицы: „Qui veut trop prouver, ne prouve rien“. Хотя про Билльо нельзя утверждать, что онъ ничего не доказалъ, но, все таки, полезно помнить приведенную пословицу, ибо чрезмѣрнымъ полемическимъ усердіемъ всегда рискуешь пошатнуть прочность основнаго тезиса. Начавъ съ того, что актъ о выдачѣ приступника не находится во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Билльо затѣмъ переходитъ къ совершенно иной мотивировкѣ неосновательности мнѣнія Дюкрока. Казалось бы совершенно достаточнымъ сказать, что акта нѣтъ въ министерствѣ. Если акта нѣтъ, то очевидно, что суду незачѣмъ пріостанавливать разбирательство дѣла. А между тѣмъ Билльо принимаетъ еще новый аргументъ, какъ бы для подтвержденія вѣрности своей мысли и для окончательнаго, полнаго пораженія противника. Билльо говоритъ, какъ мы видѣли, что даже еслибъ актъ о выдачѣ преступника находился въ распоряженіи власти административной, то все-таки невозможно было бы признать за судомъ права пріостановить разборъ дѣла и потребовать предъявленія акта, потому что данный актъ не имѣетъ законной силы на территоріи государства, потребовшаго выдачи преступника и содержитъ только объявленіе, что выдача имѣла мѣсто подъ такими-то условіями. Но мы, рѣшительно, не понимаемъ, какое отношеніе имѣютъ между собою необязательность

---

[1]) См. Billot: стр. 321, 322.

акта для суда и право суда пріостановить разборъ дѣла и потребовать предъявленія акта. Биллье, конечно, правъ, говоря, что не данный актъ связываетъ власть судебную, а договоръ, заключенный между обоими государствами, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что знакомство суда съ подлиннымъ текстомъ акта явится совершенно излишнимъ. Напротивъ, въ случаѣ сложности дѣла о выданномъ преступникѣ легкомысленно было бы назвать какой бы то ни было документъ, какую-бы то ни было бумагу излишнею. Если же дѣло не отличается сложностью, то судъ, конечно, не станетъ такъ, на здорово живешь, пріостанавливать разбирательство дѣла и требовать предъявленія акта о выдачи. Мы согласились бы съ Биллье, еслибъ онъ утверждалъ, что такъ какъ актъ о выдачѣ преступника, исходя отъ иностранной державы, не обязателенъ для судебной власти государства, потребовавшаго выдачи, то данная власть менѣе заинтересована въ точномъ знаніи этого акта, чѣмъ въ знаніи актовъ обязательныхъ для нея. Но повторяемъ, данный актъ, какъ и всякій актъ, относящійся къ дѣлу о выдачѣ приступника, имѣетъ всетаки значеніе для суда, а потому можно только утверждать, что право суда, какъ менѣе безспорное, должно быть ограничено извѣстною законодательною или международно-договорною рамкою. Если при судебномъ разбирательствѣ дѣла выданнаго преступника обнаружится совершеніе этимъ послѣднимъ до выдачи преступленія или проступка, о которомъ не было извѣстно національному правительству злоумышленника, то возникаетъ вопросъ о томъ, можетъ ли въ данномъ случаѣ судебная власть пріостановить разборъ дѣла и потребовать указанія для дальнѣйшаго хода дѣла отъ отечественной правительственной власти?

Вновь открытое правонарушеніе можетъ относиться или къ противозаконнымъ дѣяніямъ включеннымъ въ экстрадиціонный списокъ картельной конвенціи, или-же данное правонарушеніе не вошло въ составъ экстрадиціонной номенклатуры. Положимъ, что обнаружившееся преступленіе упомянуто картельною конвенціею, на основаніи которой имѣла мѣсто выдача преступника. Какъ должно поступить правительство, предъявившее требованіе выдачи?—За даннымъ правительствомъ слѣдуетъ признать обязанность предъявить новое экстрадиціонное требованіе правительству, выдавшему преступника. Обязанность эта вытекаетъ изъ общихъ правовыхъ нормъ, регулирующихъ институтъ выдачи преступниковъ: — Выдача преступника, какъ мы знаемъ, сопряжена съ извѣстными формальностями, имѣющими въ виду обезпечить неприкосновенность правъ личности. Исполненіе этихъ формальностей не лишается характера необходимости, хотя бы мы и имѣли дѣло съ преступнымъ дѣяніемъ, предусмотрѣннымъ картельною конвенціею. Принадлежность даннаго дѣянія къ конвенціональной номенклатурѣ является только гарантіею, да и то гарантіею не безусловно прочною, какъ мы увидимъ ниже, что мы не имѣемъ дѣла съ преступленіемъ политическимъ или чисто военнымъ, — обязательное предъявленіе новаго экстрадиціоннаго требованія въ разсматриваемомъ нами случаѣ не должно быть признано, по мнѣнію Билльо, если преступникъ самъ добровольно изъявляетъ согласіе, чтобы его судили также и по вновь открытому преступному дѣянію. Въ такомъ случаѣ извѣщеніе правительства, выдавшаго преступника, есть только дѣло международной вѣжливости (courtoisie) [1]. Мы не на-

[1]) См. Billot, стр. 342.

ходимъ возможнымъ согласиться безусловно съ приведеннымъ мнѣніемъ. Если дѣло идетъ о преступленіи политическомъ, то можетъ случиться, что согласіе злоумышленника не будетъ дано совершенно sua sponte, безъ всякихъ внѣшнихъ побудительныхъ пружинъ, а подобное согласіе должно, очевидно, считаться юридически ничтожнымъ. Международно-договорныя постановленія по разсматриваемому предмету не отличаются однородностью. Конвенціи русско-итальянская, итальянско-костарикская, итальянско-перуанская и итальянско-сан-сальвадорская стипулируютъ недозволенность суда надъ выданнымъ преступникомъ по правонарушеніямъ, хотя и поименованнымъ въ картельной конвенціи, но обнаружившимся послѣ выдачи. Конвенція, заключенная между Испаніею и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами 5-го іюня 1877 года, допускаетъ судебное разбирательство тѣхъ правонарушеній, которыя включены въ экстрадиціонную номенклатуру конвенціи, хотя и обнаружены послѣ выдачи преступника [1])

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію отношенія правительства государства, которому выданъ преступникъ, къ вопросу о судебномъ разбирательствѣ преступныхъ дѣяній, обнаруженныхъ послѣ выдачи и не включенныхъ въ картельную конвенцію. Если мы признали необходимымъ предъявленіе новаго требованія выдачи въ случаяхъ открытія при судебномъ разбирательствѣ новаго преступленія или проступка, включеннаго въ договорный списокъ правонарушеній, то, очевидно, мы должны совершенно на томъ-же основаніи считать актомъ обязательнымъ предъявленіе новаго экстрадиціоннаго тре-

[1]) См. L. Renault, Etude sur l'extradition en Angleterre, стр. 27, прим. 1.

бованія, когда дѣло идетъ о правонарушеніи, не вошедшемъ въ составъ конвенціи. Дѣйствительно! въ обоихъ случаяхъ имѣетъ силу аргументъ свободы личности, въ обоихъ случаяхъ могутъ имѣть мѣсто случаи подобные слѣдующему: Легко можетъ случиться, что, допустивъ преданіе суду по новымъ пунктамъ обвиненія, пришлось-бы весьма часто допустить вмѣстѣ съ тѣмъ судъ и наказаніе политическихъ преступниковъ. Стоило-бы только правительству, которому выданъ преступникъ, объявить извѣстное политическое нарушеніе преступленіемъ противъ общаго права, и принципъ невыдачи политическихъ злоумышленниковъ, а также правило, по которому дозволяется обыкновеннаго преступника, совершившаго также преступленіе политическое и выданнаго иностраннымъ правительствомъ, предать суду и наказанію единственно за преступленіе общаго права, были-бы обойдены. Подобный казуистическій образъ дѣйствія, конечно, не является аттрибутомъ нормальной международной дѣятельности культурныхъ странъ, но, тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что едва-ли было-бы основательно отрицать возможность и даже вѣроятность анормальностей по интересующему насъ предмету. Когда рѣчь идетъ о политическихъ преступникахъ, то мы считаемъ необходимымъ перейти съ почвы довѣрія, на которой стояли по остальнымъ экстрадиціоннымъ вопросамъ, на почву сомнѣній и недовѣрія. Даже самыя культурныя страны не чужды увлеченій и пристрастія въ вопросахъ, вызванныхъ преступленіями политическими, и вообще въ вопросахъ о взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ политическихъ партій. Примѣромъ казуистическаго наименованія преступленія политическаго преступленіемъ общимъ можетъ послужить слѣдующій историческій фактъ: Обыватель Варскаго департамента, пользовавшійся чест-

ною репутаціею, Журдъ (Jourde), получившій послѣ 1830-го года мѣсто префекта Корсики, принялъ сторону Наполеона въ 1815 году, тотчасъ-же послѣ прибытія этого послѣдняго съ острова Эльба. Журдъ захватилъ нѣсколько ружей, покрытыхъ ржавчиною изъ мэріи Saint-Raphaël и сорвалъ бѣлое знамя съ церкви. По возвращеніи Бурбоновъ, Журда предали ассизному Суду Варскаго департамента (Cour d'assises du Var) по обвиненію въ вооруженной кражѣ въ мэріи и въ церкви Saint-Raphaël [1])

Большая часть итальянскихъ картельныхъ конвенцій содержитъ постановленіе, по которому выданный злоумышленникъ не долженъ быть преданъ суду за преступленіе или проступокъ, совершенный до выдачи и не включенный въ договорный списокъ правонарушеній. Впрочемъ, данное воспрещеніе имѣетъ относительный характеръ: если, по прошествіи установленнаго срока послѣ отбытія наказанія или послѣ объявленія оправдательнаго судебнаго приговора, выданный преступникъ не покинетъ территоріи государства, которому онъ былъ выданъ, то воспрещеніе теряетъ силу [2]). Въ Англіи изслѣдуемый нами вопросъ регулируется экстрадиціоннымъ актомъ 1870 г. Лицо, выданное англійскому правительству, не можетъ быть предано суду за правонарушеніе, совершенное на англійской территоріи до выдачи; данное воспрещеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока это лицо не вернулось или не получило возможности вернуться въ ту страну, откуда имѣла мѣсто выдача; воспрещеніе судебнаго преслѣдованія лицъ данной категоріи теряетъ

---

[1]) См. L. Renault, op. cit., стр. 29.

[2]) См. Fiore, op. cit., т. II, стр. 696, прим. 1.

силу, если вновь открытое противозаконное дѣяніе обнаружено помощію доказательствъ, на основаніи которыхъ имѣла мѣсто выдача. Выдача бѣглыхъ злоумышленниковъ англійскимъ правительствомъ также не имѣетъ мѣста, если законами государства, требующаго выдачи, или же картельною конвенціею не опредѣлено, что выданные индивиды не подлежатъ аресту и судебному преслѣдованію до ихъ возвращенія въ Англію за недозволенное дѣяніе, совершенное до выдачи, если выдача не произошла по поводу даннаго дѣянія. (Актъ 1870 г., ст. 19 и ст. 3, пунктъ 2) [1]). Картельная конвенція англо-американская 1842 года молчитъ по данному вопросу; молчаніе это вызвало въ 1876 году оживленную дипломатическую переписку, причемъ американскіе юристы Лоренсъ (William Beach Lawrence) и Спиръ (Spear) высказались въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ Albany Law Journal (1876—1878 г.), въ пользу англійскаго правительства. Таже точка зрѣнія присуща нѣкоторымъ американскимъ судебнымъ рѣшеніямъ. Такъ, въ дѣлѣ Hawes судья Джаксонъ (Jackson) объявляетъ систему, которой держалось англійское правительство, болѣе согласною съ человѣческою свободою и съ международнымъ правомъ, нежели требованія Соединенныхъ Штатовъ. Аппеляціонная инстанція оставила въ силѣ рѣшеніе судьи Джаксона (17 апрѣля 1878 г.) [2]). — Весь споръ между правительствами англійскимъ и американскимъ вытекалъ изъ различія взглядовъ по предмету юридическихъ послѣдствій молчанія картельной конвенціи по изслѣдуемому нами вопросу. Правитель-

---

[1]) См. Clarke, op. cit., прибавленіе, стр. 44 и 37.
[2]) См. Renault, op. cit., стр. 21 и прим. 1 на той же стр.

ство Соединенныхъ Штатовъ утверждало, что изъ молчанія конвенціи слѣдуетъ придти къ заключенію о правѣ судить преступника по новымъ пунктамъ обвиненія, причемъ названное правительство ссылалось на нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ англійской экстрадиціонной практики. Англійское же правительство допускало возможность преданія суду по всѣмъ пунктамъ обвиненія только въ томъ случаѣ, если по дѣлу выданнаго преступника, вызвавшему экстрадиціонное требованіе, состоялся оправдательный приговоръ и если преступникъ не воспользовался срокомъ, предоставленнымъ ему для удаленія изъ территоріальныхъ предѣловъ государства, которому онъ былъ выданъ. Вслѣдствіе указанныхъ коренныхъ различій въ исходныхъ точкахъ зрѣнія, оба правительства не могли придти къ соглашенію по вопросу о томъ, дозволено ли судить выданнаго злоумышленника Лоренса (Lawrence) за провозъ товаровъ, неоплаченныхъ таможенною пошлиною, и за заговоръ противъ американскаго правительства, или же судебное разбирательство должно ограничиться разсмотрѣніемъ дѣла о поддѣлкѣ (faux), по которому имѣла мѣсто выдача. Замѣтимъ, что конвенція англо-американская 1842 года не упоминаетъ ни о контрабандистахъ, ни о заговорщикахъ.—Принципіальное разногласіе привело въ концѣ концовъ къ президентскому посланію 20-го іюня 1876 года, въ которомъ выражено мнѣніе главы административной власти въ Соединенныхъ Штатахъ, что конвенцію 1842 года слѣдуетъ считать нарушенною, а потому и прекратившею свое существованіе; вслѣдствіе чего президентъ объявляетъ, что дальнѣйшія предъявленія англійскому правительству экстрадиціонныхъ требованій, со стороны правительства Союза, а также удовлетво-

реніе англійскихъ требованій выдачи, явились бы несогласными съ честью и достоинствомъ американскаго правительства. Посланіе американскаго президента, сказали мы, явилось „въ концѣ концовъ“ послѣдствіемъ принципіальнаго различія въ взглядахъ обоихъ правительствъ. Дѣло въ томъ, что послѣ дѣла Лоренса произошли еще три столкновенія между Англіею и Соединенными Штатами по случаю предъявленія трехъ экстрадиціонныхъ требованій со стороны правительства Соединенныхъ Штатовъ. Первое требованіе имѣло въ виду одного злоумышленника по имени Винсло (Winslow), причемъ англійскій Государственный Секретарь по Внутреннимъ Дѣламъ (Secretary for the Home Departament) отказалъ въ выдачѣ названнаго преступника несмотря на то, что англійская судебная власть, которой было поручено разсмотрѣніе экстрадиціоннаго, требованія, издала предписаніе о выдачѣ (warrant). Отказъ Государственнаго Секретаря былъ вызванъ непринятіемъ со стороны американскаго правительства условія, поставленнаго какъ conditio sine qua non для выдачи, и состоявшаго въ томъ, чтобы Винсло былъ преданъ суду только за правонарушеніе, по поводу котораго предъявлено было экстрадиціонное требованіе. Два другія экстрадиціонныя требованія американскаго правительства также не были удовлетворены англійскимъ правительствомъ и по тѣмъ же причинамъ. Указавъ въ общихъ чертахъ содержаніе дипломатическаго столкновенія англо-американскаго, мы представимъ теперь нѣсколько подробнѣе ходъ дѣла и мотивы, на которые ссылались противники для защиты своей точки зрѣнія. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты опирались на французскую судебную практику, причемъ имѣлись въ виду нѣкоторыя рѣшенія французскаго Кас-

саціоннаго Суда; между прочимъ рѣшеніе 1-го февраля 1855 г. по дѣлу Вольфа-Кромбака (Wolf-Cromback), выданнаго Франціи швейцарскимъ правительствомъ по обвиненію въ поддѣлкѣ торговыхъ документовъ (faux en écriture de commerce), между тѣмъ какъ впослѣдствіи оказалось, что подсудимый виновенъ только въ поддѣлкѣ частныхъ документовъ, не имѣющихъ торговаго значенія (faux en écriture privée или en matière civile). Вольфъ-Кромбакъ былъ приговоренъ къ наказанію, кассаціонная же жалоба его не была принята французскимъ Кассаціоннымъ Судомъ. Въ данномъ случаѣ Дюкрокъ находитъ, что приговоръ надъ подсудимымъ состоялся по тому же преступному дѣянію, по которому имѣла мѣсто выдача. Судебное слѣдствіе выяснило только менѣе тяжкій характеръ противозаконнаго акта, сравнительно съ первоначальнымъ обвиненіемъ, но, тѣмъ не менѣе, природа правонарушенія не измѣнилась [1]). Приведенное мнѣніе принадлежитъ также знаменитому французскому криминалисту Faustin Hélie. Мнѣніе это оспаривается Билльо. Билльо утверждаетъ, что если названіе преступленія (qualification) измѣнилось, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что ужь мы имѣемъ дѣло не съ тѣмъ преступнымъ фактомъ, который былъ указанъ въ экстрадиціонномъ требованіи. Судить выданнаго преступника за такой пунктъ обвиненія, который, еслибъ онъ былъ точно обозначенъ при предъявленіи требованія выдачи, повелъ бы къ отказу въ выдачѣ, значитъ дѣйствовать противъ намѣреній государства, давшаго убѣжище злоумышленнику, и нарушить картельную конвенцію. Въ такомъ образѣ дѣйствія авторъ видитъ опасность въ

---

[1]) См. Дюкрокъ, назв. соч. стр. 51, примѣч. 1.

возможности обмановъ со стороны правительства, предъявившаго экстрадиціонное требованіе. Авторъ обращаетъ вниманіе читателя на то обстоятельство, что, когда появилась книга Эли (Traité de l'Instruction criminelle), то международно-договорное право дозволяло только выдачу преступниковъ за преступленія (crimes), а не за проступки (délits); а потому авторъ считаетъ невозможнымъ согласиться съ тѣмъ, что природа преступленія не измѣнилась, послѣ отпаденія увеличивающихъ вину обстоятельствъ (circonstances aggravantes). Если, напр., правительство, которому предъявлено требованіе выдачи, согласилось выдать злоумышленника по обвиненію въ квалифицированной кражѣ (vol qualifié), а между тѣмъ увеличивающее вину обстоятельство, которое придавало данному акту уголовный характеръ, отпадаетъ во время судебнаго слѣдствія, то нельзя утверждать, по мнѣнію Билльо, что выдача имѣла мѣсто за простую кражу (vol simple), т. е. за проступокъ (délit). Авторъ беретъ еще слѣдующій примѣръ: Если выдача имѣла мѣсто по обвиненію въ преступленіи общаго права и если затѣмъ изъ обстоятельствъ дѣла, обнаруженныхъ во время судебнаго слѣдствія, окажется, что данный актъ имѣетъ характеръ политическій, то неужели посмѣютъ сказать, въ данномъ случаѣ, что не слѣдуетъ принимать въ разсчетъ перемѣну названія (changement de qualification), вызванную судебнымъ разбирательствомъ? [1]) Вазель находитъ, что изъ разсматриваемаго французскаго кассаціоннаго рѣшенія нельзя вывести никакого положительнаго заключенія, ибо хотя дѣло шло о двухъ правонарушеніяхъ, изъ которыхъ каждое имѣло свое особое

---

[1]) См. Billot, стр. 316, 317.

названіе (un nom spécial) и влекло за собою особое наказаніе, но тѣмъ не менѣе, не произошло измѣненія въ фактѣ, мотивировавшемъ выдачу; поэтому можно утверждать, что имѣло мѣсто буквальное примѣненіе международнаго договора [1]). Мы находимъ, что ссылку сѣверо-американскаго правительства на рѣшеніе французскаго Кассаціоннаго Суда по дѣлу Вольфа-Кромбака должно признать неудачною. Рѣшеніе это не согласно съ позднѣйшею французскою кассаціонною практикою, а если французскій Кассаціонный Судъ измѣнилъ свою точку зрѣнія по интересующему насъ вопросу, то ужъ, очевидно, что для англійскаго правительства рѣшеніе по дѣлу Вольфа-Кромбака не могло имѣть ни малѣйшаго значенія. Намъ могутъ возразить, что замѣчаніе наше можетъ одинаково относиться и къ позднѣйшимъ рѣшеніямъ французскаго Кассаціоннаго Суда, что, если мнѣніе Суда измѣнилось по изслѣдуемому нами вопросу, то изъ этого можно только придти къ заключенію о шаткости французскихъ кассаціонныхъ принциповъ по данному вопросу. Но дѣло въ томъ, что приведенное рѣшеніе стоитъ особнякомъ, а одинъ въ полѣ не воинъ; затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что кассаціонное рѣшеніе по дѣлу Вольфа-Кромбака состоялось въ періодъ формаціи экстрадиціонныхъ принциповъ, а потому въ данномъ случаѣ кассаціонное рѣшеніе не могло служить примѣромъ для руководства въ экстрадиціонной практикѣ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ опиралось еще на слѣдующія французскія судебныя рѣшенія: 1) Кассаціонное рѣшеніе по дѣлу Grandvaux (отъ 5-го сентября 1845 г.). Grandvaux былъ обвиненъ въ поддѣлкѣ частныхъ до-

---

[1]) См. de Vazelhes стр. 163, 164.

кументовъ (faux en écriture privée) и въ похищеніи несовершеннолѣтней, но выдача его послѣдовала только по первому пункту обвиненія. Обвинительная Камера (chambre des mises en accusation) предала злоумышленника суду только по обвиненію въ похищеніи несовершеннолѣтней, причемъ поданная по этому поводу кассаціонная жалоба была оставлена безъ послѣдствій. Опять неудачная ссылка американскаго правительства: Обвинительной Камерѣ, какъ справедливо замѣтилъ французскій Кассаціонный Судъ, нѣтъ дѣла до условій выдачи. Предписаніе Обвинительной Камеры о преданіи суду издается обязательно, на основаніи ст. 231 французскаго Устава Уголовнаго Судопроизводства, каждый разъ, когда противъ обвиняемаго существуетъ достаточно уликъ. Приэтомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ дѣло шло о слѣдственной юрисдикціи (juridiction d'instruction), а не о юрисдикціи судебной (juridiction de jugement); юрисдикція же слѣдственная (juridiction d'instruction), согласно французскому законодательству, должна дѣйствовать независимо отъ нахожденія обвиняемаго на французской территоріи. Изъ этого слѣдуетъ, что вопросъ о дозволенности судить злоумышленника по пунктамъ обвиненія не упомянутымъ въ экстрадиціонномъ требованіи, съ точки зрѣнія разсматриваемаго кассаціоннаго рѣшенія, не можетъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, ибо а) Обвинительная Камера, какъ юрисдикція слѣдственная (juridiction d'instruction) не судитъ, а только предаетъ суду, въ противуположность юрисдикціи судебной (juridiction de jugement), и б) юрисдикція судебная (juridiction de jugement) или въ данномъ случаѣ ассизный судъ (Cour d'assises), хотя и обязанъ

судить преступника за тѣ преступленія, которыя вызвали изданіе акта о преданіи суду, но, тѣмъ не менѣе, постановленіе Обвинительной Камеры нисколько не измѣняетъ обязанности ассизнаго суда вести состязательное судебное слѣдствіе только по преступному акту, мотивировавшему выдачу. По правонарушеніямъ же, относительно которыхъ состоялось постановленіе Обвинительной Камеры о преданіи суду, но которыя не были упомянуты въ экстрадиціонномъ требованіи, можетъ имѣть мѣсто только заочное рѣшеніе. 2) Слѣдующее французское судебное рѣшеніе, на которое ссылалось американское правительство для поддержки своей точки зрѣнія въ возникшей англо-американской дипломатической полемикѣ, это рѣшеніе по дѣлу Карпантье, Грёлэ и Паро (Carpentier, Grelet et Parot), выданныхъ въ 1855 г. Франціи правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Но изъ названныхъ злоумышленниковъ Карпантье и Паро согласились на выдачу безъ исполненія формальностей, или на т. наз. добровольную выдачу (extradition volontaire), а добровольная выдача регулируется спеціальными нормами. Что же касается Грёлэ, то онъ былъ выданъ за подлогъ (faux), обвинялся же онъ еще въ ночной кражѣ со взломомъ (burglary). Судъ имѣлъ мѣсто только за то преступленіе, по которому состоялась выдача, хотя наказаніе, къ которому былъ приговоренъ преступникъ (восьмилѣтнее тюремное заключеніе), есть кара, установленная закономъ за кражу со взломомъ [1]).—3) Наконецъ мнѣніе сѣверо-американскаго правительства поддерживалось ссылкою на французскія судебныя рѣшенія по дѣлу

---

[1]) См. de Vazelhes, стр. 161.

Ренсона (Renneçon) [1]) и Фора де-Монжино (Faure de Monginot) [2]). Но въ обоихъ случаяхъ имѣла мѣсто т. наз. добровольная выдача (extradition volontaire).— Итакъ, мы видимъ, что примѣры, на которые опиралось американское правительство, не даютъ намъ права придти къ заключенію о вѣрности сужденія этого правительства. Что же касается англійскаго правительства, то оно, конечно, было право теоретически, но на практикѣ само не всегда слѣдовало тѣмъ справедливымъ принципамъ, защитникомъ которыхъ оно явилось въ разсмотрѣнномъ нами случаѣ. Такъ, напр., по дѣлу Гейльбронна (Heilbronn), выданный преступникъ былъ преданъ суду за похищеніе помощію обмана (embezzlement), несмотря на то, что данное правонарушеніе не упомянуто англо-американскою картельною конвенціею 1842 г. и хотя выдача имѣла мѣсто по обвиненію въ подлогѣ (forgery) [3]). Говоря о политическихъ преступленіяхъ, мы уже упомянули объ англійской парламентской коммиссіи, образованной 18 августа 1877 года и представившей свой докладъ 30 мая 1878 года. Разсмотримъ теперь мнѣніе коммиссіи по вопросу, возбудившему изложенное нами англо-американское столкновеніе. Коммиссія находитъ, что не существуетъ никакой причины, чтобы злоумышленникъ не былъ подвергнутъ наказанію въ случаѣ открытія новыхъ преступныхъ дѣяній во время судебнаго слѣдствія (We see no reason why under such circumstances the offender should escape with impunity) [4]). Если бы мнѣніе коммиссіи было приня-

[1]) Кассац. рѣш. отъ 4-го іюля 1867 г.
[2]) Кассац. рѣш. 25 іюля того же года.
[3]) См. Clarke, стр. 75.
[4]) См. Royal commission on extradition, Report of the commissionners presented to both houses of Parliament, стр. 9.

то Парламентомъ, то произошло бы существенное измѣненіе въ англійскомъ законодательствѣ по вопросу о томъ, подлежитъ ли выданный преступникъ суду только по пунктамъ обвиненія мотивировавшимъ выдачу, или же и по тѣмъ пунктамъ, которые обнаружились во время судебнаго слѣдствія. Англія приблизилась-бы къ точкѣ зрѣнія американскаго правительства, изложенной въ американскихъ дипломатическихъ нотахъ по дѣлу Лоренса. Сближеніе во взглядахъ состояло-бы въ допущеніи обоими государствами суда надъ выданнымъ злоумышленникомъ по преступнымъ актамъ не упомянутымъ въ экстрадиціонномъ требованіи. Но различіе во взглядахъ продолжало бы существовать по вопросу о дозволенности или недозволенности судить выданнаго преступника за всякія правонарушенія, обнаруженныя послѣ выдачи даже за такія, которыя не включены въ картельную конвенцію. Правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ мы видѣли, рѣшило этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, между тѣмъ какъ англійская парламентская коммисія предлагаетъ ограничиться правонарушеніями перечисленными картельною конвенціею и тѣми, которыя по своей природѣ относятся къ фактамъ могущимъ повлечь за собою выдачу (offence of on extraditional character). Данное ограниченіе имѣетъ въ виду предупредить возможность предъявленія иностраннымъ правительствамъ экстрадиціоннаго требованія по обвиненіи въ преступленіи общаго права и преданія затѣмъ выданнаго преступника суду за преступленіе политическое. Съ мнѣніемъ, выраженнымъ англійскою экстрадиціонною коммиссіею, согласны принципы выраженные въ законѣ о выдачѣ преступниковъ вотированномъ въ 1877 году Канадскимъ Парламентомъ (Ст. 23

закона 28-го апрѣля 1877 года). Въ данномъ законѣ сказано: „Если лицо, обвиненное или осужденное за преступленіе, влекущее за собою выдачу, будетъ выдано иностраннымъ государствомъ въ силу какой либо конвенціи, то это лицо, пока оно не вернулось или не имѣло случая вернуться въ иностранное государство, согласно конвенціи, не можетъ быть подвергнуто какому бы то ни было преслѣдованію или наказанію въ Канадѣ, за всякое правонарушеніе совершенное, до его выдачи, по обвиненію въ которомъ, на основаніи конвенціи, преслѣдованіе не могло-бы имѣть мѣста [1]). Разсмотрѣвъ вопросъ о дѣятельности правительства того государства, которое предъявило экстрадиціонное требованіе въ томъ случаѣ, когда судебное слѣдствіе надъ выданнымъ преступникомъ обнаружило преступное дѣяніе, мы теперь можемъ отвѣтить на вопросъ, поставленный нами въ началѣ этой главы: можетъ-ли судебный органъ, разбирающій дѣло выданнаго злоумышленника, пріостановить судебное слѣдствіе и извѣстить національное правительство объ открытіи новыхъ пунктовъ обвиненія для того, чтобы правительство могло, если оно найдетъ это нужнымъ, предъявить новое экстрадиціонное требованіе? Мы видѣли, что принципы ограниченности, условности, относительности судебной компетенціи по экстрадиціоннымъ дѣламъ былъ признанъ даже американскими писателями и судьями въ англо-американскомъ конфликтѣ; а, если такъ, то спрашивается будетъ ли цѣлеобразна пріостановка судебнаго слѣдствія? Билльо находитъ, что судебная власть не должна пріостанавливать разбирательства дѣла, что она должна ограничиться воздержаніемъ отъ всякаго

---

[1]) См: Louis Renault op. cit. стр. 25, примѣч. 1.

преслѣдованія въ состязательномъ порядкѣ и смотрѣть на подсудимаго какъ на отсутствующаго по тѣмъ пунктамъ обвиненія, которые обнаружены послѣ выдачи. Съ какою цѣлью, спрашиваетъ авторъ имѣло-бы мѣсто постановленіе Суда о пріостановкѣ судебнаго слѣдствія? Съ единственною цѣлью предложить правительству сдѣлать объявленіе о томъ, должно ли подвергнуть выданнаго субъекта судебному преслѣдованію по новому пункту обвиненія и принять мѣры для полученія требуемаго согласія. Но, продолжаетъ авторъ, развѣ въ данномъ фактѣ не заключалось-бы смѣшеніе (confusion de pouvoirs)? Судебная власть не должна возбуждать объясненія или распоряженія власти административной. Роль этой послѣдней отличается полною пассивностью: она должна примѣнять актъ о выдачѣ и, вслѣдствіе сего, она должна соблюдать тѣ указанія, которыя даетъ ей власть административная; она никогда не должна требовать указаній. Конечно, она обязана объявить о новомъ пунктѣ обвиненія и тѣмъ дать возможность власти административной распространить выдачу и на этотъ пунктъ. Но обязанности пріостановить судебное слѣдствіе авторъ не усматриваетъ. Судебное разбирательство дѣла должно продолжаться при соблюденіи формъ установленныхъ въ случаѣ отсутствія подсудимаго. Какое право имѣла бы судебная власть пріостановить судебное преслѣдованіе и судебное слѣдствіе? Въ силу какого текста закона подвергла-бы она выданнаго субъекта нѣсколькимъ лишнимъ днямъ, а, можетъ быть, и нѣсколькимъ лишнимъ недѣлямъ предварительнаго заключенія? Ибо время необходимое для дипломатіи для постановленія рѣшенія по данному случаю можетъ оказаться продолжительнымъ, вслѣдствіе

совокупности различныхъ обстоятельствъ [1]). Соглашаясь съ заключеніемъ аргументаціи французскаго писателя, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не считаемъ мотивировку этого мнѣнія вполнѣ основательною, Совершенно справедливо замѣчаетъ Билльо, что пріостановка судебнаго слѣдствія съ цѣлью обождать правительственныхъ рѣшеній по новымъ пунктамъ обвиненія явилась-бы мѣрою антигуманною, вслѣдствіе возникающаго по необходимости изъ нея продленія срока предварительнаго заключенія. Вотъ единственно возможная, какъ намъ кажется, мотивировка мнѣнія защищаемаго какъ французскимъ публицистомъ, такъ и нами. Остальная часть мотивировки, приведенной нами, по нашему мнѣнію не выдерживаетъ критики: Развѣ въ требованіи указаній заключается смѣшеніе властей (confusion de pouvoirs)? Требованіе указаній можетъ быть сравнено съ наведеніемъ справокъ, а въ наведеніи справокъ, очевидно, невозможно видѣть выхода изъ пассивности и вмѣшательства въ сферу чужой компетенціи. Иначе пришлось-бы признать, что каждое частное лицо, являющееся въ присутственное мѣсто за справками по какому-либо дѣлу, этимъ своимъ требованіемъ справокъ присвоиваетъ себѣ незаконнымъ образомъ функціи чиновника, вторгаясь въ кругъ дѣятельности должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства.

Если послѣ выдачи злоумышленника обнаруживаются новые пункты обвиненія и притомъ преступникъ самъ выражаетъ согласіе на расширеніе состязательнаго процесса, то такое расширеніе считается дозволеннымъ. Правило признавать дозволеннымъ расширеніе судебной компетенціи въ случаѣ согласія выданнаго преступника от-

---

[1]) См. Billot, стр. 345.

тличается сравнительно недавнимъ происхожденіемъ. Циркуляръ французскаго министра юстиціи Martin du Nord отъ 5-го апрѣля 1841 года хотя и умалчиваетъ о данномъ правилѣ, но, тѣмъ не менѣе, молчаніе это, по мнѣнію Дюкрока, должно быть понято въ смыслѣ отрицанія юридическаго значенія согласія преступника по предмету расширенія судебной компетенціи. Для оправданія своего мнѣнія, Дюкрокъ ссылается на слѣдующее мѣсто циркуляра: «Имѣя въ виду, что эти акты о выдачѣ (actes d'extradition) не только являются съ характеромъ ограничительнымъ по отношенію къ личности выданнаго субъекта, но и обозначаютъ фактъ давшій поводъ къ выдачѣ, слѣдуетъ признать, что выданный индивидъ можетъ быть подвергнутъ суду единственно за этотъ фактъ. Если, во время производства судебнаго слѣдствія, по преступленію, вслѣдствіе котораго данный индивидъ былъ выданъ, обнаружатся доказательства новаго преступленія, которое могло-бы также повлечь за собою выдачу, то должно быть предъявлено новое экстрадиціонное требованіе» [1]). Еще болѣе вѣскимъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія Дюкрока служитъ мнѣніе французскаго министерства юстиціи, высказанное въ 1843 году и состоящее въ интерпретаціи молчанія циркуляра 1841 года, тожественной съ толкованіемъ французскаго профессора. Данное мнѣніе французскаго министерства юстиціи было высказано по слѣдующему поводу: Ассизный Судъ департамента Па де Калэ (Cour d'assises de Pas-de-Calais) рѣшеніемъ отъ 15-го февраля 1843 года постановилъ, что послѣдствія выдачи должны ограничиваться фактомъ мотивировавшемъ выдачу. „Но“, сказано далѣе въ данномъ судебномъ

[1]) См. Ducrocq, op. cit. стр. 63, примѣч. 1.

рѣшеніи, „имѣя въ виду, что подсудимый, спрошенный въ установленномъ порядкѣ, объявляетъ, что онъ отказывается отъ права на исключеніе въ его пользу вытекающіе изъ вышеустановленныхъ принциповъ вслѣдствіе чего и имѣя въ виду, что изъ вердикта присяжныхъ засѣдателей слѣдуетъ, что L уличенъ въ совершеніи въ іюлѣ мѣсяцѣ 1842 года проступка злоупотребленія довѣріемъ...“; далѣе слѣдуетъ присужденіе L къ двухмѣсячному тюремному заключенію за названный проступокъ, не упомянутый въ экстрадиціонномъ требованіи [1]). Получивъ свѣдѣніе о приведенномъ судебномъ рѣшеніи, министръ юстиціи приказалъ немедленно препроводить выданнаго злоумышленника на территоріальную границу административнымъ порядкомъ. Мѣра эта была обусловлена тѣмъ что министръ юстиціи призналъ приведенное рѣшеніе ассизнаго Суда департамента Pas de Calais превышеніемъ власти. При этомъ министръ отправилъ генеральному прокурору въ Дуэ (Douai) депешу въ которой, между прочимъ, сказано. что согласіе L. на преданіе суду за злоупотребленіе довѣріемъ и даже связь (connexité) этого проступка съ главнымъ фактомъ, не могутъ мотивировать исключенія по отношенію къ правилу, на основаніи котораго обвиняемый, выданный иностраннымъ правительствомъ, можетъ быть преданъ суду единственно за фактъ, мотивировавшій выдачу [2]) Но теорія проводимая французскимъ министромъ юстиціи не принята въ настоящее время ни въ теоретической, ни въ практической сферѣ международнаго права. Въ настоящее время согласіе выданнаго злоумышленника

---

1) См. Ducrocq., стр. 63, 64; Billot, стр. 365.
2) См. de Vazelhes, стр. 179; Billot, стр. 365; Ducrocq, стр. 64.

считается достаточнымъ для расширенія судебной компетенціи. Правило это было признано рѣшеніемъ французскаго Кассаціоннаго Суда отъ 24-го іюня 1877 года по дѣлу Паскаля (Pascal); въ рѣшеніи этомъ, между прочимъ, сказано: принимая во вниманіе, что, при объявленіи предсѣдателемъ Суда присяжнымъ засѣдателямъ и подсудимому объ ограниченіи судебнаго слѣдствія фактами, мотивировавшими выдачу, подсудимый не сдѣлалъ по этому поводу ни какого возраженія; а также, въ виду, что подсудимый не предъявилъ ассизному Суду требованія по предмету расширенія судебнаго слѣдствія на всѣ пункты обвиненія, что онъ имѣлъ право сдѣлать; далѣе, принимая во вниманіе, что подсудимый такимъ образомъ фактически изъявилъ согласіе на ограниченіе судебныхъ преній предѣлами акта о выдачи...“ [1]). Далѣе такое-же признаніе выраженнаго нами правила мы находимъ въ рѣшеніи ассизнаго Суда департамента Віэннскаго (Vienne) отъ 3-го декабря 1866 году (дѣло Ламирандъ). Выданный злоумышленникъ Sureau-Lamirande, хотя и обвинялся въ квалифицированной кражѣ, въ квалифицированномъ злоупотребленіи довѣріемъ и въ поддѣлкѣ торговыхъ документовъ (faux en écriture de commerce), но, послѣ бѣгства его въ Канаду, французское правительство потребовало его выдачи и затѣмъ выдача имѣла мѣсто только по обвиненію въ поддѣлкѣ торговыхъ документовъ, согласно картельной конвенціи, заключенной между Франціею и Великобританіею; вслѣдствіе чего, и имѣя въ виду, что подсудимый объявилъ о своемъ несогласіи на расширеніе судебнаго слѣдствія, Судъ постановилъ рѣшеніе, на основаніи котораго судебныя пренія (les dé-

---

См. Ducrocq, стр. 65; Billot, стр, 366, 367.

bats) были ограничены фактами, имѣвшими связь съ обвиненіемъ въ поддѣлкѣ торговыхъ документовъ [1]). Но и само французское министерство юстиціи отказалось впослѣдствіи отъ своего мнѣнія, что мы видимъ изъ депеши министра юстиціи отправленной 25-го ноября 1866 года на имя генеральнаго прокурора города Пуатье. Въ депеши сказано: „Вы обязаны сообразоваться съ дипломатическою конвенціею и съ моими инструкціями и требовать, чтобы подсудимый былъ преданъ суду единственно по обвиненію въ подлогѣ (faux), развѣ если подсудимый добровольно согласится принять рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей по другимъ пунктамъ [2]). Такому измѣненію взгляда нельзя не сочувствовать въ виду слѣдующихъ соображеній: Бѣгство выданнаго преступника изъ территоріальныхъ предѣловъ государства, послужившаго мѣстомъ совершенія преступленія, не должно имѣть своимъ послѣдствіемъ измѣненія его юридическаго положенія. Преступникъ долженъ пользоваться тѣми-же правами судебной защиты, которыми онъ пользовался до своего бѣгства. Бѣгство не можетъ быть поставлено въ вину преступнику, ибо стремленіе избѣгнуть хотя-бы и заслуженной кары является характеристическою чертою не только природы человѣка, но даже и природы животныхъ. Въ данномъ случаѣ не лишнимъ будетъ припомнить народную пословицу: „Никто себѣ не врагъ“. Бѣжавшій злоумышленникъ отнюдь не разнится отъ всякаго другого преступника, скрывающаго слѣды своего правонарушенія, отрицающаго свою виновность или хранящаго молчаніе во время судебнаго слѣдствія.

---

[1]) См. Billot, стр. 367, 368.
[2]) См. de Vazelhes, стр. 179, 180.

Европейскія законодательства признаютъ за каждымъ подсудимымъ право не давать противъ себя показаній и хранить молчаніе, а между тѣмъ могутъ быть случаи, когда изъ за этого молчанія подсудимаго окажется весьма затруднительнымъ раскрытіе истины. Что-же касается скрытія слѣдовъ преступленія и отрицанія виновности, то, хотя акты эти не принадлежатъ къ дѣйствіямъ прямо дозволеннымъ европейскими юридическими нормами, но, съ другой стороны, мы не знаемъ о существованіи законныхъ воспрещеній данныхъ актовъ. Преступники не наказываются за эти акты. Но, извѣстно, что ubi eadem legis ratio, ibi eadem dispositio, а потому и въ изслѣдуемомъ нами вопросѣ должно быть также признано юридическое безразличіе бѣгства преступника въ вопросѣ о его правовомъ положеніи во время судебнаго слѣдствія. Но если признать, что юридическое положеніе преступника не измѣнилось послѣ его бѣгства, то слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ допустить юридическое значеніе согласія злоумышленника на расширеніе судебнаго слѣдствія, ибо до бѣгства злоумышленникъ пользовался правомъ требовать, чтобы его судили по всѣмъ пунктамъ обвиненія. Но противъ мнѣнія нами защищаемаго могутъ быть сдѣланы слѣдующія возраженія: Что право выданнаго злоумышленника требовать судебнаго разбирательства всѣхъ пунктовъ обвиненія несовсѣстимо съ правомъ государства выдавшаго преступника требовать, чтобы судебное слѣдствіе ограничилось фактомъ упомянутымъ въ экстрадиціонномъ требованіи; что сторонами учавствующими въ международномъ договорѣ являются государство предъявившее требованіе о выдачѣ и государство выдавшее преступника и слѣдовательно, выданный субъектъ не имѣетъ права требовать

судебнаго разсмотрѣнія всѣхъ пунктовъ обвиненія. Приведенныя возраженія не обращаютъ вниманія на тѣ коренныя начала, которыя служатъ основаніемъ всего экстрадиціоннаго права. Совокупность правовыхъ нормъ регулирующихъ экстрадиціонныя отношенія имѣетъ въ виду 1) содѣйствіе достиженію цѣлей правосудія, но 2) при культурно-необходимомъ условіи соблюденія свободны личности. Если-же не признать за выданнымъ преступникомъ права требовать расширенія судебнаго слѣдствія, то должно вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ обезпеченія индивидуальной свободы. Сфера правъ подсудимаго будетъ съужена сравнительно съ правами каждаго не бѣжавшаго преступника, ибо каждый подсудимый, если онъ не относится къ категоріи выданныхъ злоумышленниковъ, имѣетъ право требовать, чтобы судъ разсмотрѣлъ всѣ пункты обвиненія. Правда, что договоры международные являются актами, въ которыхъ участвуютъ только государства, а не частныя лица, но вѣдь дѣло въ томъ, что требованіе ограниченія судебнаго слѣдствія фактомъ мотивировавшимъ выдачу включено въ картельныя конвенціи съ цѣлью охранить индивидуальную неприкосновенность бѣглаго злоумышленника. Выдача преступника имѣетъ мѣсто только послѣ цѣлаго ряда формальностей, установленныхъ для удостовѣренія въ экстрадиціонномъ характерѣ правонарушенія, а также въ томъ, что требуемое лицо есть дѣйствительно то лицо, которое совершило правонарушеніе, упомянутое въ экстрадиціонномъ требованіи. Если-же послѣ выдачи злоумышленника обнаружены новые преступные факты, то состязательный процессъ по этимъ фактамъ не долженъ имѣть мѣста въ виду отсутствія формальныхъ гарантій, установленныхъ для охраны индивидуальной свободы. Когда-же подсудимый изъявляетъ согласіе на

расширеніе состязательнаго процесса, то ужъ, очевидно что государству выдавшему его нечего заботиться о немъ болѣе, нежели онъ самъ о себѣ заботится. Подсудимый не ребенокъ, а государство выдавшее не нянька его; если онъ изъявилъ согласіе по интересующему насъ пункту, то ужь всякое дальнѣйшее вмѣшательство государства служившаго убѣжищемъ преступнику явится излишнимъ. Если подсудимый изъявилъ согласіе, то ужь конечно въ большинствѣ случаевъ окажется, что судебное разбирательство новыхъ пунктовъ обвиненія выгодно для подсудимаго, гармонируетъ съ его интересами. А если такъ, то этимъ самымъ достигается второе коренное начало экстрадиціоннаго права вообще и, въ частности, картельныхъ конвенцій: охрана сферы правъ, обезпечивающихъ индивидуальную свободу.

Итакъ, мы находимъ, что за согласіемъ выданннаго преступника, чтобы его судили по тѣмъ пунктамъ обвиненія, которые были обнаружены послѣ выдачи, должно быть признано юридическое значеніе. Но изъ этого не слѣдуетъ, что государство выдавшее преступника не должно имѣть права требовать извѣщенія о состоявшемся изъявленіи согласія. Разъ, что согласіе состоялось, государству выдавшему преступника нѣтъ дѣла вмѣшиваться и препятствовать расширенію состязательнаго процесса. Но *знать* о фактѣ изъявленія согласія подсудимымъ оно имѣетъ право, а извѣщеніе о томъ же фактѣ есть, по нашему мнѣнію, обязанность правительства, предъявившаго требованіе о выдачѣ. Дѣло въ томъ, что изъявленіе согласія могло имѣть мѣсто недобровольно, и тогда оно, конечно, должно быть признано юридически ничтожнымъ. Извѣщеніе о согласіи подсудимаго и должно быть сдѣлано правительству служившему убѣжищемъ преступнику съ подробнымъ

изложеніемъ обстоятельствъ факта, чтобы данное правительство имѣло возможность убѣдиться въ непринужденности согласія. Въ дѣлахъ-же политическихъ или въ дѣлахъ смѣшаннаго характера, какъ мы уже замѣтили выше, согласіе подсудимаго должно быть лишено всякаго юридическаго значенія, ибо въ этихъ дѣлахъ мѣры принужденія являются слишкомъ возможными [1]).

Считая согласнымъ съ правдою и справедливостью признаніе принципа не уменьшенія правъ выданнаго злоумышленника во время судебнаго слѣдствія, сравнительно съ правами, которыми пользуется не бѣжавшій преступникъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, не считаемъ возможнымъ допустить расширеніе его правовой сферы. Анормальность подобнаго расширенія совершенно рельефно обнаруживается слѣдующею блестящею аргументаціею Дюкрока: „Бѣгство злоумышленника и прибытіе его на иностранную территорію не могутъ создать для него какого-либо права... всякое противоположное ученіе явилось-бы... воспоминаніемъ, мы охотно сказали-бы вырытіемъ изъ могилы (exhumation) теоріи права убѣжища (droit d'asile), которое примѣнялось сначала къ мѣстамъ служившимъ убѣжищемъ (lieux de refuge) въ пользу гражданъ (citoyens), сперва въ пользу несчастныхъ, потомъ въ

---

[1]) Обязанность извѣщенія о состоявшемся изъявленіи согласія стипилируется картельными конвенціями: франко-баварскою (1869), франко-швейцарскою (1870), франко-итальянскою (1870), франко-бельгійскою (1874). Конвенція франко-англійская 1876 г. (ст. 4) признаетъ согласіе подсудимыхъ недѣйствительнымъ, что объясняется англійскимъ закономъ 1870 г. Совершенно также относится къ согласію выданнаго злоумышленника французскій законопроектъ о выдачѣ преступниковъ, представленный покойнымъ Дюфоромъ на обсужденіе Сената, 2-го мая 1878 г. (статья 4 законопроекта. Приведенныя выше конвенціи указаны у de Vazelhes, стр. 180, 181; а французскій законопроектъ у Фіоре, франц. пер. прибавленіе стр. 806—812.

пользу преступниковъ, причемъ примѣненіе этого права античною древностью, а затѣмъ Церковью имѣло мѣсто до тѣхъ поръ, пока нарождающаяся цивилизація не уничтожила мѣстъ убѣжища. Впослѣдствіе право убѣжища было расширено на всѣ территоріи въ пользу иностранцевъ и даже злоумышленниковъ подъ вліяніемъ распрей и изолированности народовъ въ средніе вѣка, причемъ это расширеніе продолжало существовать до тѣхъ поръ, пока національныя границы различныхъ народовъ не начали постепенно опускаться (l'abaisser) и пока народы и правительства не проникдись чувствомъ взаимной ихъ солидарности въ борьбѣ съ преступленіями общаго права". „Чувство это въ концѣ концовъ овладѣло народами, которые, изъ страха посягнуть на гостепріимство, всегда обязательное по отношенію къ несчастнымъ и лицамъ побѣжденнымъ политическими бурями, оказались наиболѣе ярыми противниками цивилизованнаго прогресса, уничтожившаго на своемъ пути права территоріальнаго убѣжища (le droit d'asile territorial) существовавшаго въ пользу злоумышленниковъ, подобно тому, какъ тотъ же цивилизованный прогрессъ уничтожилъ право убѣжища, существовавшее въ мѣстахъ священныхъ." „Съ исторической точки зрѣнія признаніе такого права (т. е. признанія, что бѣжавшій злоумышленникъ бѣгствомъ своимъ пріобрѣлъ право, котораго онъ не имѣлъ до бѣгства) имѣетъ очевидную связь, какъ мы выше замѣтили, со старыми традиціями права убѣжища. Право это въ теченіи долгаго времени и въ широкихъ размѣрахъ имѣло примѣненіе во Франціи". "Но оно не вошло въ новое публичное право Франціи". „Даже если бы государство, выдавшее преступника, допускало еще право убѣжища въ пользу злоумышленниковъ, Франція его не

признаетъ, и было бы недозволено ссылаться предъ французскими властями на это право убѣжища, которое существуетъ за границею". „Съ философской и раціональной точки зрѣнія одно признаніе какого либо права, которое выданный субъектъ пріобрѣлъ бы, благодаря своему бѣгству, было бы для злоумышленниковъ поощреніемъ къ уклоненію отъ національнаго правосудія." „Съ точки зрѣнія политической, (а это соображеніе не лишено значенія въ странѣ равенства и демократіи, каковою представляется Франція), признаніе подобнаго права явилось бы привилегіею въ пользу тѣхъ злоумышленниковъ, для которыхъ бѣгство облегчается, благодаря общественному положенію, связямъ, образованію и пребыванію въ городахъ". „Съ точки зрѣнія правды и справедливости (au point de vue de la justice et de l'équité), это было бы преміею предоставленною въ пользу важныхъ преступниковъ, которые нашли-бы тѣмъ болѣе вѣрныя средства совершить побѣгъ и воспользоваться имъ, чѣмъ болѣе имъ удалось-бы захватить съ собою чужаго добра".—„Съ нравственной точки зрѣнія, это было-бы печальнымъ зрѣлищемъ видѣть подсудимаго привлеченнаго къ національному суду, послѣ попытки уклониться отъ этого суда, и обращающагося по признанному за нимъ праву къ суду съ слѣдующею гордою и прискорбною (desolant) рѣчью: Вмѣсто того, чтобъ меня судить, вы должны признать мою выдачу недѣйствительною и тѣмъ объявить о своемъ безсиліи, а безсиліе это есть дѣло моихъ рукъ. .... Съ точки зрѣнія принциповъ международнаго права, какимъ образомъ возможно совмѣстить право выданнаго субъекта требовать признанія недѣйствительности выдачи съ безспорнымъ принципомъ ...., въ силу котораго государственныя власти (les pouvoirs publics) имѣютъ право

выдавать преступниковъ не на основаніи международныхъ договоровъ, а на основаніи суверенитета? На что сталъ-бы опираться подсудимый, чтобы критиковать выдачу, еслибъ выдача имѣла мѣсто со стороны державы, съ которою Франція не заключила картельной конвенціи и которая, въ силу права вытекающаго изъ суверенной власти, нашла умѣстнымъ выдать злоумышленника нашему правительству, либо добровольно (spontanément), либо по его требованію? Въ данномъ случаѣ невозможно найти основанія мнимаго права выданнаго субъекта требовать признаніе недѣйствительности выдачи. Но развѣ то-же самое не имѣетъ мѣста въ томъ случаѣ, когда выдача имѣла мѣсто со стороны державы, заключившей съ Франціею международный договоръ, но воспользовавшейся своимъ правомъ выдачи въ одномъ изъ случаевъ непредвидѣннымъ договоромъ? А если, въ обоихъ этихъ случаяхъ невозможно найти законное основаніе права выданнаго субъекта, то почему-же дѣло приняло бы другой оборотъ въ томъ случаѣ, когда выдача имѣла мѣсто по поводу такого случая, который предусмотрѣнъ международнымъ договоромъ? Иное рѣшеніе вопроса въ послѣднемъ случаѣ невозможно, такъ какъ международный договоръ, имѣя единственнымъ своимъ послѣдствіемъ придать выдачѣ преступниковъ со стороны державы участвующей въ договорѣ характеръ международной обязанности; международный договоръ не ограничиваетъ и не уменьшаетъ предшествующаго и высшаго права (droit préexistant supérieur), принадлежащаго этой державѣ и состоящаго въ томъ, что она можетъ выдавать преступниковъ, когда найдетъ это удобнымъ и согласнымъ со своими интересами или со своимъ внутреннимъ законодательствомъ«[1]).

[1]) См. Ducrosq. стр. 20—23.

Выдача бѣглаго злоумышленника можетъ имѣть мѣсто безъ исполненія обыкновенныхъ формальностей, установленныхъ по экстрадиціоннымъ дѣламъ въ культурныхъ странахъ. Такая выдача носитъ странное наименованіе „добровольной выдачи“ extradition volontaire). Конечно о свободной волѣ при выдачѣ въ сущности не можетъ быть рѣчи, все равно выданъ ли преступникъ послѣ исполненія установленныхъ формальностей, или до ихъ исполненія. Это не свободная воля, а пародія на свободную волю: преступникъ уже подвергнутъ временному аресту, онъ знаетъ почти навѣрное, что его выдадутъ, что ему не миновать суда и наказанія. Чтобы избѣгнуть продолжительнаго ареста до исполненія формальностей, онъ рѣшается согласиться быть выданнымъ безъ экстрадиціонныхъ формальныхъ требованій. Послѣ формально констатированнаго изъявленія согласія на такую „добровольную“ выдачу, самый актъ выдачи совершается обыкновеннымъ путемъ, т. е. или государство, предъявившее требованіе о выдачѣ, посылаетъ агентовъ, которые сопровождаютъ злоумышленника, или же преступника конвоируютъ полицейскіе агенты государства, служившаго убѣжищемъ бѣглецу. Итакъ, преступникъ „добровольно“ возвращается къ мѣсту территоріальной юрисдикціи подъ полицейскимъ или жандармскимъ конвоемъ! Очевидно, что выраженіе „добровольная выдача“ есть абсурдъ, а потому мы находимъ, что было-бы весьма желательно замѣнить это выраженіе другимъ, напр. выраженіемъ: упрощенная выдача, или выдача безъ исполненія формальностей, или ускоренная выдача. Подобная выдача, совершенная безъ экстрадиціонныхъ формъ, имѣетъ иныя послѣдствія для подсудимаго, сравнительно съ тѣми, которыя наступаютъ при формальной выдачѣ.

Когда преступникъ выданъ послѣ исполненія экстрадиціонныхъ формальностей, то, какъ мы знаемъ, онъ подлежитъ суду только за правонарушеніе мотивировавшее выдачу. Если-же бѣжавшій злоумышленникъ выражаетъ желаніе быть выданнымъ безъ формальностей, то такой актъ преступника можетъ имѣть слѣдующія послѣдствія: 1) или выданнаго преступника подвергаютъ суду и наказанію не только по тѣмъ пунктамъ обвиненія, которые мотивировали выдачу, но и по тѣмъ, которые обнаружены судебнымъ слѣдствіемъ послѣ выдачи и даже по тѣмъ пунктамъ, за которые судебное разбирательство можетъ имѣть мѣсто единственно по отношенію къ злоумышленникамъ не уклонившимся отъ территоріальной юрисдикціи помощію побѣга; 2) или-же выданный преступникъ судится только за преступное дѣяніе, по поводу котораго было предъявлено требованіе о выдачѣ, причемъ расширеніе судебной компетенціи дозволяется только въ случаѣ изъявленія согласія на такое расширеніе со стороны подсудимаго или со стороны давшаго убѣжище преступнику. Первой системѣ слѣдуютъ во Франціи, вторая система принята въ Бельгіи. Это различіе системъ повлекло за собою повторившіяся нѣсколько разъ столкновенія между обоими государствами. Столкновенія эти имѣли мѣсто по поводу слѣдующихъ экстрадиціонныхъ случаевъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1866 года Ренсонъ-Шарпантье (Rennеçon-Charpentier), торговавшій винами въ городѣ Аризѣ (Arise), Марнскаго департамента, бѣжалъ изъ названнаго города въ Бельгію. Объявленный несостоятельнымъ должникомъ по требованію своихъ кредиторовъ, Ренсонъ-Шарпантье былъ затѣмъ обвиненъ въ злостномъ банкротствѣ, причемъ послѣдній пунктъ обвиненія имѣлъ своимъ послѣдствіемъ времен-

ный арестъ злоумышленника на бельгійской территоріи. Арестованный преступникъ потребовалъ, чтобы его выдали безъ исполненія экстрадиціонныхъ формальностей. Послѣ выдачи ему удалось доказать передъ судебнымъ слѣдователемъ неосновательность обвиненія въ злостномъ банкротствѣ; затѣмъ послѣдовало преданіе злоумышленника суду исправительной полиціи города Эпернэ (tribunal de police correctionnelle) по обвиненію въ торговой несостоятельности по неосторожности (banqucroute simple). На судѣ Шарпантье объявилъ, что онъ согласился быть выданнымъ безъ формальностей, съ цѣлью защитить себя отъ взводимаго на него обвиненія въ злостномъ банкротствѣ, но что онъ не изъявилъ согласія на преданіе суду по обвиненію въ несостоятельности по неосторожности, и что, поэтому, онъ требуетъ чтобъ его поставили въ тѣ же условія, въ которыхъ онъ находился бы, еслибъ выдача его имѣла мѣсто по рѣшенію бельгійскаго правительства [1]). Судъ принялъ отзывъ Шарпантье (рѣшеніе Суда отъ 29-го декабря 1866 года). Данное рѣшеніе было подтверждено аппеляціонною инстанціею 1-го февраля 1867 года. Но Кассаціонный Судъ отмѣнилъ рѣшеніе аппеляціонной инстанціи (кассац. рѣшеніе 4-го іюля 1867 года [2]).

Перейдемъ къ другому франко-бельгійскому экстрадиціонному случаю, также весьма извѣстному, а именно къ дѣлу Фора де Монжино (Faure de Manginot). Названный субъектъ обвинялся въ злостномъ банкротствѣ и въ соучастіи въ злоупотребленіи довѣріемъ и бѣжалъ

---

[1]) Замѣтимъ, что тогда имѣлъ силу договоръ франко-бельгійскій 1834 года, который не включилъ несостоятельность по неосторожности въ число правонарушеній могущихъ повлечь за собою выдачу.

[2]) См. Billot, стр. 380—388; Fiore, т. II, стр. 720, 721.

въ Бельгію, гдѣ онъ былъ подвергнутъ временному аресту. Во избѣжаніе продолжительности ареста, злоумышленникъ потребовалъ отъ бельгійскаго правительства, чтобы его выдали безъ исполненія экстрадиціонныхъ формальностей. Обвиненіе въ злостномъ банкротствѣ было признано неосновательнымъ со стороны судебной власти, и выданный злоумышленникъ былъ преданъ суду исправительной полиціи по обвиненію въ мошенничествѣ (escroquerie) и въ злоупотребленіи довѣріемъ. (Проступки эти не упомянуты въ экстрадиціонной номенклатурѣ франко-бельгійской картельной конвенціи 22-го ноября 1834 года). Тогда злоумышленникъ объявилъ, что выдача его со стороны бельгійскаго правительства имѣла мѣсто только по обвиненію въ злостномъ банкротствѣ, вслѣдствіе чего преданіе суду по другимъ пунктамъ обвиненія не можетъ имѣть мѣста. Судъ согласился съ отзывомъ Фора де Monginot (рѣшеніе 29-го марта 1867 года Сэнскаго суда исправительной полиціи). Аппеляціонная жалоба прокурора была оставлена безъ послѣдствій (рѣшеніе Парижскаго аппеляціоннаго суда отъ 24-го мая 1867 г.) Кассаціонный Судъ кассировалъ это рѣшеніе 25-го мая 1867 г. [1]).

По поводу обоихъ приведенныхъ экстрадиціонныхъ случаевъ имѣла мѣсто дипломатическая переписка между правительствами бельгійскимъ и французскимъ. Бельгійское правительство требовало, чтобы выданные злоумышленники были преданы суду только за тѣ правонарушенія, которыя мотивировали выдачу, причемъ оно указывало на недозволенность судебнаго разбирательства тѣхъ пунктовъ обвиненія, которые относились къ противозаконнымъ актамъ неупомянутымъ франко-бельгій-

[1]) См. Billot, стр. 388—390; Fiore, стр. 721—722.

скою картельною конвенціею. Французское-же правительство держалось мнѣнія Кассаціоннаго Суда, который считалъ требованіе выдачи безъ формальностей равносильнымъ отреченію отъ экстрадиціонныхъ гарантій. Соглашенія по данному спорному пункту между обоими правительствами не послѣдовало. Новый случай обнаруженія разногласія между правительствами бельгійскимъ и французскимъ по занимающему насъ вопросу представился при парламентскомъ обсужденіи бельгійскаго закона о выдачѣ преступниковъ, вотированнаго бельгійскою Палатою Представителей (Chambre des Représentants) 5-го апрѣля 1868 года. На запросъ депутата Ліенара (Liénart), бельгійскій министръ юстиціи Бара (Bara) отвѣтилъ, что бельгійское правительство не отказалось отъ прежней точки зрѣнія и что, во избѣжаніе недоразумѣній, въ случаѣ изъявленія требованія о выдачѣ безъ эктрадиціонныхъ формальностей со стороны индивида, о выдачѣ котораго идутъ переговоры между правительствами бельгійскимъ и французскимъ, правительство бельгійское предупредитъ бѣглаго злоумышленника о послѣдствіяхъ безформальной выдачи установленныхъ во Франціи. Если злоумышленникъ будетъ всетаки настаивать на своемъ требованіи, то онъ будетъ отправленъ подъ конвоемъ на французскую границу, причемъ, однако, до препровожденія къ границѣ имѣетъ мѣсто отобраніе подписки въ томъ, что злоумышленникъ отказывается отъ гарантійу становленныхъ при выдачѣ съ исполненіемъ экстрадиціонныхъ формальностей [1]). Спорный пунктъ, возбудившій франко-бельгійскія дипломатическія столкновенія по дѣламъ

---

[1]) См. Billot, стр. 391—393.

Шарпантье и Монжино, обойденъ молчаніемъ въ договорномъ международномъ правѣ.

Разбирая критически системы бельгійскую и французскую, мы не можемъ не отдать предпочтенія первой. Дѣйствительно, мы уже замѣтили, что называть выдачу безъ исполненія формальностей „добровольною“ (extradition volontaire), значитъ грѣшить противъ логики и здраваго смысла. Если бѣжавшій злоумышленникъ предъявляетъ требованіе о немедленной выдачѣ его, о выдачѣ его лишенной формъ экстрадиціонной процедуры, то, очевидно, онъ не имѣетъ въ виду отказаться отъ всякихъ гарантій личной неприкосновенности и отдать себя въ полное и безконтрольное распоряженіе правительства требующаго его выдачи. Его цѣль состоитъ въ возможномъ ускореніи наступленія момента начала судебнаго слѣдствія и въ возможномъ сокращеніи временнаго ареста въ государствѣ, куда онъ бѣжалъ. Весьма важно бываетъ также для преступника доказать неосновательность взводимаго на него обвиненія въ уголовномъ нарушеніи. Положимъ, что обвиняемый принадлежитъ къ торговому классу; положимъ также, что данное лицо обвиняется въ злостномъ банкротствѣ, что имѣло мѣсто, напр., въ разсмотрѣнномъ дѣлѣ Faur'a de Monginot, а также въ дѣлѣ Шарпантье. Для лицъ занимающихся торговлею смыть съ себя подобное обвиненіе значитъ достигнуть существеннаго результата. Стремленіе къ достиженію даннаго результата и побудило Faur'a de Monginot и Rennеçon'a Шарпантье предъявить требованіе о безформальной выдачѣ его французскому правительству, ибо вся коммерческая будущность этихъ лицъ зависѣла отъ уничтоженія этого позорнаго пункта обвиненія. Но ни Форъ де Монжино, ни Реннсонъ-Шарпантье не согла-

14*

сились-бы на безформальную выдачу, если бы они предвидѣли, что ихъ будутъ судить по сравнительно ничтожнымъ пунктамъ обвиненія. Они бѣжали изъ предѣловъ Франціи, надѣясь избѣгнуть территоріальнаго правосудія, и только желаніе очистить себя отъ обвиненія въ злостномъ банкротствѣ могло послужить достаточнымъ мотивомъ для отказа отъ экстрадиціонныхъ формальностей, ибо опроверженіе такого обвиненія есть жизненный вопросъ для всякаго коммерсанта. Но отказаться отъ формальныхъ экстрадиціонныхъ гарантій изъ за обвиненія въ совершеніи нарушенія, принадлежащаго къ категоріи актовъ разбираемыхъ въ судѣ исправительной полиціи, значитъ дѣйствовать въ разрѣзъ съ собственными интересами. Въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ правонарушенія, по обвиненію въ коихъ выданные преступники были преданы судуис правительной полиціи, не были упомянуты франко-бельгійскою картельною конвенціею 1834 года, и слѣдовательно злоумышленники не подлежали выдачѣ за совершеніе этихъ правонарушеній; поэтому предположеніе, что они, согласились на безформальную выдачу по обвиненію въ злостномъ банкротствѣ, согласились вмѣстѣ съ тѣмъ на такую-же выдачу по обвиненію въ совершеніи дѣяній, не влекущихъ за собою выдачи, лишено всякаго основанія. Но даже если-бы преданіе суду исправительной полиціи имѣло мѣсто по обвиненію въ совершеніи правонарушеній, включенныхъ въ экстрадиціонную номенклатуру франко-бельгійской картельной конвенціи, мы тѣмъ не менѣе утверждаемъ, что приравненіе безформальной выдачи къ добровольному преданію себя въ руки правосудія явилось-бы противнымъ правдѣ и справедливости. Подобное приравненіе исказило-бы смыслъ института безформальной выдачи. Без-

формальная выдача имѣетъ мѣсто по желанію бѣглаго злоумышленника съ цѣлью сократить срокъ временнаго ареста, а также съ цѣлью очистить себя своевременно отъ тяжкаго обвиненія. Но, безформальная выдача имѣетъ своимъ послѣдствіемъ лишеніе злоумышленника экстрадиціонныхъ гарантій индивидуальной неприкосновенности. Такое отсутствіе нормъ ограждающихъ права личности злоумышленника болѣе чѣмъ уравновѣшивается ускореніемъ выдачи и сокращеніемъ вслѣдствіе сего срока временнаго ареста. Въ концѣ концовъ институтъ безформальной выдачи является съ характеромъ выгоднымъ для преступника, что уже видно изъ факта наступленія этой выдачи только по желанію самого бѣглаго злоумышленника. Но если допустить значеніе безформальной выдачи, которое принято французскимъ Кассаціоннымъ Судомъ, то придется вмѣстѣ съ тѣмъ признать за выдачею безъ исполненія формальностей характеръ правоваго института невыгоднаго для субъекта, выдача коего требуется, ибо для злоумышленника представляется дѣломъ большей важности сохранить за собою гарантію правъ личности, чѣмъ сократить срокъ временнаго ареста, если приэтомъ лишеніе гарантій повлечетъ за собою преданіе суду по пунктамъ обвиненія, не упомянутымъ въ экстрадиціонномъ требованіи [1]).

---

[1]) Бельгійская система принята французскимъ законопроектомъ о выдачѣ преступниковъ (ст: 24). См. Fiore, франц. пер, стр. 810.

ГЛАВА VIII

Въ предѣлахъ опредѣленной государственной территоріи можетъ возникнуть надобность во взаимной помощи судебныхъ органовъ въ сферѣ слѣдственныхъ дѣйствій. Если какое либо слѣдственное дѣйствіе должно быть совершено внѣ судебнаго округа, въ которомъ производится слѣдствіе по уголовному дѣлу, то взаимное судебное содѣйствіе выражается въ формѣ такъ наз. commissions rogatoires, имѣющихъ обязательный характеръ. Подобныя судебныя повѣстки, посылаемыя другъ другу судебными установленіями одного государства не имѣютъ, конечно, значенія съ точки зрѣнія международной правовой. Но повѣстки эти получаютъ международны характеръ, когда взаимная судебная помощь имѣетъ мѣсто между судебными органами различныхъ государствъ. Приэтомъ обязательный характеръ данныхъ повѣстокъ зависитъ въ большинствѣ государствъ отъ существованія спеціальной договорной стипуляціи. Исключеніе представляютъ собою слѣдующія государства: Англія, Сѣверо-Американскіе Соеди-

ненные Штаты, Мексика и Грецiя [1]).—Въ международномъ договорномъ правѣ получилъ преобладанiе тотъ-же способъ передачи этихъ судебныхъ повѣстокъ, который принятъ по отношенiю къ предъявленiю требованiй о выдачѣ преступниковъ. Стипуляцiя передачи судебныхъ повѣстокъ дипломатическимъ путемъ заслуживаетъ одобренiя по мнѣнiю Билльо. Такая передача, говоритъ названный писатель, является доказательствомъ серьезности мотивовъ побудившихъ предъявить судебную повѣстку и реальности судебнаго интереса требуемыхъ свѣдѣнiй, ибо можно предполагать, что судебный органъ предъявившiй повѣстку рѣшился на этотъ актъ, имѣя на то важныя причины, такъ какъ онъ знаетъ, что повѣстка будетъ разсмотрѣна различными инстанцiями до прибытiя къ мѣсту назначенiя. Кромѣ того передача судебныхъ повѣстокъ дипломатическимъ путемъ ставитъ лицемъ къ лицу оба заинтересованныя правительства. Правительство предъявляющее повѣстку дѣлаетъ это подъ своею отвѣтственностью и ручается за серьезный характеръ повѣстки, правительство-же, которому предъявляется судебная повѣстка, защищено въ извѣстной степени отъ претензiй третьихъ державъ по предмету удовлетворенiя повѣстки [2]). Странно, право, читать разсужденiе подобное сейчасъ нами приведенному! Неужели Билльо полагаетъ, что судебные органы различныхъ европейскихъ государствъ станутъ посылать другъ другу судебныя повѣстки такъ, отъ нечего дѣлать, на здорово живешь? Вѣдь это не частная переписка лично знакомыхъ между собою судей. Вотъ еслибъ дѣло шло о письмахъ посылаемыхъ другъ другу судебными орга-

---

[1]) См. Fiore, франц. перев., т. II, стр. 740.
[2]) См. Billot, стр. 397, 398.

нами различныхъ европейскихъ государствъ, то, конечно, можетъ имѣть мѣсто переписка очень длинная и, можетъ быть, пустячная по содержанію: захотѣлось писать, ну и пишутъ. Чтожъ, пусть пишутъ, если это имъ нравится, если подобное времяпрепровожденіе въ состояніи утѣшить почтенныхъ представителей Ѳемиды отъ жизненныхъ треволненій или, по крайней мѣрѣ, разсѣять непріятныя впечатлѣнія. Но тѣ же судьи будутъ поступать иначе, если дѣло касается ихъ служебныхъ обязанностей. Тутъ ужь нѣтъ мѣста письмолюбію и потерѣ времени на переписку по маловажнымъ предметамъ. Судебные органы культурныхъ странъ слишкомъ уважаютъ себя и своихъ иностранныхъ коллегъ, чтобъ вести себя безразлично, идетъ ли дѣло о посылкѣ частнаго письма, или судебной повѣстки. Итакъ доводы Билльо въ пользу дипломатической пересылки международныхъ судебныхъ повѣстокъ не выдерживаютъ критики. А если такъ, то, очевидно, что было бы нелогично прибѣгать къ такому способу пересылки, который требуетъ слѣдующей сложной процедуры: судебная повѣстка должна быть передана министру иностранныхъ дѣлъ чрезъ посредство министра юстиціи; министръ иностранныхъ дѣлъ препровождаетъ полученную имъ повѣстку національному дипломатическому агенту аккредитованному при государствѣ, судебному органу котораго адресована повѣстка; дипломатическій агентъ препровождаетъ судебную повѣстку министру иностранныхъ дѣлъ даннаго государства, который уже передаетъ ее чрезъ посредство министра юстиціи мѣстному судебному органу. Отвѣтная судебная повѣстка должна пройти чрезъ такую же сложную процедуру. Это сложное дѣлопроизводство преобладаетъ въ международно-договорномъ правѣ, какъ мы выше замѣтили. Исклю-

ченіе въ этомъ отношеніи представляютъ собою слѣдующія картельныя конвенціи: конвенція между Италіею и республикою Санъ-Марино (собственно договоръ о добромъ сосѣдствѣ—traité de bon voisinage отъ 27-го марта 1872 г.), конвенція итальянско-швейцарская (конвенція 22-го іюля 1868 г.; собственно говоря прямая передача судебныхъ повѣстокъ стипулируется актомъ добавочнымъ къ конвенціи отъ 1-го мая 1869 года), конвенція итальянско-австрійская (декларація добавочная къ конвенціи, ратификованная Австріею 30-го мая 1872 г. и 22-го іюля того же года Италіею [1]) На основаніи циркуляра итальянскаго министра юстиціи отъ 22-го августа 1874 года, въ случаѣ полученія итальянскими судебными органами судебной повѣстки не нормальнымъ, т. е. не дипломатическимъ путемъ, удовлетвореніе повѣстки можетъ всетаки имѣть мѣсто, въ особенности если повѣстка имѣетъ связь съ важнымъ судебнымъ дѣломъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы документы имѣющіе отношеніе къ данной повѣсткѣ были представлены впослѣдствіи министру юстиціи, что дастъ возможность сдѣлать замѣчанія, которыя могутъ оказаться нужными [2]). Если судебная повѣстка предъявляется иностранному судебному органу по поводу разбирательства правонарушенія политическаго, то оставленіе повѣстки безъ удовлетворенія является логическимъ послѣдствіемъ невыдачи политическихъ преступниковъ. Если признано, что политическихъ преступниковъ выдавать не слѣдуетъ, то и судебная помощь въ формѣ отвѣтныхъ повѣстокъ не должна быть допускаема, ибо выдача преступниковъ

---

[1]) См. приведенныя конвенціи у Фіоре, т. II, стр. 742.
[2]) См. Fiore, т. II, стр. 743.

представляетъ собою международное содѣйствіе для достиженія цѣлей правосудія, тотъ же характеръ присущъ международнымъ судебнымъ повѣсткамъ, такъ что между институтомъ выдачи преступниковъ и институтомъ международныхъ судебныхъ повѣстокъ существуетъ только различіе въ степени, причемъ достиженіе цѣлей правосудія или охраненія юридическаго порядка осуществляется полнѣе, въ большей степени, при посредствѣ выдачи преступниковъ, чѣмъ при помощи международныхъ судебныхъ повѣстокъ. При этомъ должно замѣтить, что допущенныя нѣсколько разъ итальянскимъ правительствомъ исключенія изъ общепризнаннаго правила объ отказѣ въ удовлетвореніи международныхъ судебныхъ повѣстокъ имѣющихъ отношеніе къ дѣламъ политическимъ, когда требовалось допросить свидѣтелей въ пользу преступника [1]), не имѣютъ, по нашему мнѣнію, твердаго основанія. Данное замѣчаніе мы считаемъ умѣстнымъ сдѣлать и по отношенію къ взгляду, выраженному въ циркулярѣ итальянскаго министра юстиціи отъ 22-го августа 1874 года. Въ циркулярѣ сказано, что отказъ въ судебной помощи по дѣламъ политическимъ и военнымъ въ формѣ международныхъ судебныхъ повѣстокъ не имѣетъ значенія абсолютнаго правила [2]). Принятіе точки зрѣнія итальянскаго министра юстиціи и допущеніе итальянскихъ исключеній повело-бы къ болѣе или менѣе серьезнымъ международнымъ столкновеніямъ. Дѣло въ томъ, что подобный образъ дѣйствія есть вмѣшательство во внутренно-политическія отношенія субъектовъ международнаго права, ибо, дозволяя допросъ свидѣтелей въ пользу политическаго преступ-

---

[1]) См. Fiore, т. II, стр. 753;
[2]) Ibid. loc cit.

ника, итальянское правительство этимъ самымъ высказывается оффиціально въ благопріятномъ смыслѣ по отношенію къ преступнику и какъ-бы принимаетъ его сторону, между тѣмъ какъ при невыдачѣ политическихъ злоумышленниковъ это явленіе не имѣетъ мѣста. Невыдача этихъ лицъ не означаетъ защиты, охраны интересовъ преступника. Конечно, не выдавая политическаго правонарушителя, государство поступающее такимъ образомъ фактически оказываетъ пользу данному субъекту, но принципіально въ этомъ актѣ не выражается оффиціальнымъ путемъ сочувствія единичному преступнику, а цѣлой категоріи преступныхъ дѣяній независимо отъ объективной и хронологической конкретности.

Удовлетвореніе международныхъ судебныхъ повѣстокъ сопряжено съ извѣстными расходами, причемъ въ международно-договорномъ правѣ преобладаетъ правило, на основаніи котораго погашеніе этихъ издержекъ имѣетъ мѣсто со стороны государства ихъ производящаго. Правило это принято во всѣхъ французскихъ картельныхъ конвенціяхъ, за исключеніемъ конвенціи, заключенной Франціею съ княжествомъ Вальдекскимъ и Пормонтскимъ (10-го іюля 1854 года) [1]). Новѣйшія итальянскія картельныя конвенціи также придерживаются этого правила (конвенціи: съ Германіею, 31-го октября 1871 года; съ Даніею, 19-го іюля 1873 г.; съ Бельгіею, 15-го января 1875 г.; съ Люксембургомъ, 25-го октября 1878 г.; съ Нидерландами, 20-го ноября 1869 года и т. д.) [2]).—Говоря объ издержкахъ сопряженныхъ съ выдачею преступниковъ, мы старались доказать анормальность правила объ уплатѣ этихъ

---

[1]) См. Billot, стр. 399.
[2]) См. Fiore, т. II, стр. 766, № 502, прим. 1 bis.

издержекъ государствомъ выдающимъ преступника. Поэтому мы не станемъ повторять своихъ доводовъ и ограничимся замѣчаніемъ, что шаткость этого правила ясно обнаруживается изъ допускаемыхъ международно-договорнымъ правомъ исключеній въ вопросѣ о его примѣненіи. На основаніи конвенцій заключенныхъ Франціею съ Бельгіею (29-го апрѣля 1869 г.), съ Баваріею (29-го ноября того-же года), съ Италіею (конвенція 12-го мая 1870 г.) и съ Швейцаріею (9-го іюля 1869 г.) [1], расходы, проистекающіе отъ исполненія международныхъ судебныхъ повѣстокъ, погашаются государствомъ предъявившимъ эти повѣстки въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о назначеніи экспертизы уголовной, торговой или судебно-медицинской. Причиною подобной стипуляціи слѣдуетъ считать тотъ фактъ, что данныя экспертизы рѣдко требуются и могутъ повлечь за собою значительныя издержки [2]. Итакъ, если издержки, сравнительно, не велики, то расходы по исполненію международныхъ судебныхъ повѣстокъ должны быть возложены на государство, судебной власти котораго предъявляется повѣстка, ибо въ противномъ случаѣ могутъ возникнуть международныя пререканія; если-же рѣчь идетъ о расходахъ не маловажныхъ, то ихъ погашеніе должно имѣть мѣсто со стороны государства предъявившаго повѣстку! Если съ этимъ согласиться, то должно вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что съ увеличеніемъ расходовъ, вызванныхъ исполненіемъ международныхъ судебныхъ повѣстокъ, уменьшаются шансы на возникновеніе между-

---

[1]) См. Billot, стр. 399; Fiore, T. II, стр. 767, № 502, прим. 1 bis.

[2]) См. Billot, стр. 399.

народныхъ пререканій мотивированныхъ этими расходами.

Международныя судебныя повѣстки имѣютъ своею цѣлью или допросъ свидѣтелей, или очную ставку лица преданнаго суду въ государствѣ предъявившимъ повѣстку съ лицомъ заключеннымъ подъ стражу въ иностранномъ государствѣ, или полученіе какихъ-либо бумагъ, имѣющихъ отношеніе къ уголовному процессу, разбираемому въ государствѣ предъявившемъ повѣстку, или возвращеніе незаконно присвоенныхъ предметовъ, или назначеніе экспертизы, или-же, наконецъ, нотификацію судебныхъ документовъ. Разсмотримъ всѣ эти случаи. Если по извѣстному уголовному дѣлу, разбираемому въ государствѣ предъявившемъ международную судебную повѣстку, представится надобность допросить одного или нѣсколькихъ свидѣтелей, пребывающихъ заграницею, то, въ случаѣ достаточности письменной дачи показаній, данный актъ совершается передъ судебнымъ органомъ получившимъ международную судебную повѣстку, причемъ бумага содержащая показаніе иностраннаго свидѣтеля должна быть подана за его подписью. Если-же окажется необходимою личная явка иностраннаго свидѣтеля, то вопросъ только усложняется. Явка въ иностранный судъ, влекущая за собою перерывъ въ жизненной дѣятельности, перерывъ сопряженный, можетъ быть, съ значительною матеріальною невыгодою, представляетъ собою дѣло, соединенное съ нѣкоторыми затрудненіями. Положимъ, что иностранный свидѣтель не желаетъ явиться въ судъ; какъ поступить въ такомъ случаѣ? можно-ли его принудить къ явкѣ въ судъ, какъ это установлено европейскими законодательствами по отношенію къ мѣстнымъ свидѣтелямъ? При отсутствіи въ настоящее время договорныхъ стипуляцій по дан-

ному пункту, мы должны отвѣтить отрицательно на поставленный нами вопросъ. Но весьма желательно, какъ справедливо замѣчаетъ Билльо, [1]) чтобъ международно-договорное право пополнило свой пробѣлъ по данному вопросу и постановило обязательную явку свидѣтелей находящихся заграницею. Такая стипуляція была включена въ картельную конвенцію франко-швейцарскую (18-го іюля 1828 г.), но не вошла въ составъ нынѣ дѣйствующей конвенціи франко-швейцарской (9-го іюля 1869 г.) Противъ данной стипуляціи возстаетъ Фіоре; онъ находитъ, что установленіе международно-договорнымъ путемъ обязательной явки заграничныхъ свидѣтелей было-бы равносильно превышенію власти (!) [2]). Фіоре не защищаетъ своего мнѣнія никакими доводами, а потому мы и не считаемъ возможнымъ вступать съ нимъ въ полемику. Замѣтимъ только, что для насъ остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ, въ случаѣ общеевропейскаго примѣненія франко-швейцарской стипуляціи, имѣло-бы мѣсто превышеніе власти, и въ чемъ оно заключалось-бы. Стипуляція, противъ которой возстаетъ Фіоре, не принята договорнымъ международнымъ правомъ потому, что, какъ мы замѣтили выше, явка въ иностранный судъ нерѣдко сопровождается замѣчательными матеріальными жертвами [3]). Но, въ данномъ случаѣ, имѣетъ мѣсто столкновеніе между интересами политическаго цѣлаго и интересами отдѣльныхъ лицъ, а подобныя столкновенія должны всегда быть разрѣшены въ пользу интересовъ общественныхъ. Международныя судебныя повѣстки и, въ частности,

---

[1]) См. Billot, стр. 401.
[2]) См. Fiore, т., II, № 505.
[3]) См. Billot, стр. 402.

международный допросъ свидѣтелей имѣютъ своею цѣлью международную судебную помощь и содѣйствіе, а данное содѣйствіе тѣсно связано съ интересами и цѣлями членовъ международнаго правоваго общенія. Достиженіе-же цѣлей и охрана интересовъ какъ цѣлаго общенія международнаго, такъ и отдѣльныхъ его членовъ являются необходимыми условіями и полнаго развитія частной правовой сферы, а потому, какъ мы сказали выше, при коллизіи интересовъ охраняемыхъ публичнымъ правомъ, съ интересами частными, индивидуальными, должно имѣть свое примѣненіе правило о подчиненіи послѣднихъ интересовъ первымъ.

Путевые расходы, сопряженные съ явкою въ иностранный судъ для дачи показаній, погашаются государствомъ, предъявившимъ международную судебную повѣстку о явкѣ свидѣтелей находящихся заграницею, причемъ принимается въ разсчетъ поверстное разстояніе (или разстояніе опредѣляется по числу миль или лье) и время пребыванія заграницею. Если свидѣтель не въ состояніи израсходовать требуемыхъ суммъ, то имѣетъ мѣсто выдача денегъ со стороны государства получившаго повѣстку; деньги эти возвращаются данному государству правительствомъ предъявившемъ судебную повѣстку (конвенціи: франко-бельгійская 1869 г., франко-баварская того-же года, франко-швейцарская того-же года, франко-итальянская 1870 года, франко-бельгійская 1874 года, франко-датская 1877 г., франко-испанская того-же года, итальянско-австрійская 1869 г. и т. д.) [1])

Если свидѣтель, по предмету явки коего препро-

---

1) См. Billot, стр, 404, 405; Fiore т. II, стр. 771, 772 и примѣчаніе на послѣдней страницѣ.

вождена международная судебная повѣстка, совершилъ какое-либо правонарушеніе въ государствѣ предъявившемъ повѣстку, то непривлеченіе его къ судебной отвѣтственности въ данномъ государствѣ обезпечивается выдачею охранной грамоты [1]). Если требуется очная ставка лица заключеннаго подъ стражу въ государствѣ получившемъ международную судебную повѣстку съ лицомъ, надъ которымъ производится судебное слѣдствіе по обвиненію въ уголовномъ нарушеніи въ государствѣ предъявившемъ повѣстку, то, въ случаѣ исполненія судебной повѣстки по данному предмему, имѣетъ мѣсто какъ-бы временная выдача требуемаго лица, причемъ обратное препровожденіе даннаго лица подъ конвоемъ, послѣ очной ставки, считается обязательнымъ. Лицо выданное этимъ путемъ не подлежитъ преданію суду въ государствѣ, гдѣ должна имѣть мѣсто очная ставка за прежде совершенныя имъ правонарушенія въ этомъ государствѣ. Обратная высылка даннаго лица подъ конвоемъ должна имѣть мѣсто тотчасъ-же послѣ очнойставки.

Полученіе документовъ относящихся къ какому-либо уголовному дѣлу, а также вещественныхъ уликъ преступленія представляетъ собою одну изъ важныхъ цѣлей доставляемыхъ помощію международныхъ судебныхъ повѣстокъ. Требуемые документы или предметы должны быть немедленно возвращены по минованіи въ нихъ надобности. Расходы, вызва нные ихъ доставленіемъ, погашаются отчасти государствомъ получившемъ международную судебную повѣстку, причемъ погашеніе со стороны даннаго государства имѣетъ мѣсто по отношенію къ той суммѣ расходовъ, которая была обнаружена въ предѣлахъ національной территоріи этого

---

[1]) См. Fiore стр. 773.

государства. Объ нормальности приведенной международно-договорной стипуляціи было уже сказано выше.

Нотификація судебныхъ актовъ, которая также совершается при посредствѣ международныхъ судебныхъ повѣстокъ, имѣетъ существенное вліяніе на интересы лица пребывающаго заграницею и на имя коего адресована нотификація. Въ случаѣ, напр., заочнаго рѣшенія, состоявшагося по отношенію къ данному лицу, для даннаго субъекта представляется дѣломъ не маловажнымъ узнать во время о постановленіи заочнаго приговора, ибо этимъ путемъ получается возможность представить своевременно отзывъ на этотъ приговоръ. Таково-же значеніе нотификаціи судебныхъ актовъ по вопросу о своевременной подачѣ аппелляціонной или кассаціонной жалобы лицемъ находящимся заграницею. Международныя судебныя повѣстки, служащія нотификаціею судебныхъ актовъ, пересылаются непосредственно судебными органами различныхъ европейскихъ государствъ. Это исключеніе изъ общаго правила, по которому препровожденіе международныхъ судебныхъ повѣстокъ имѣетъ мѣсто дипломатическимъ путемъ, мотивируется тѣмъ, что нотификація судебныхъ актовъ не имѣетъ обязательнаго характера, и что, по большей части, полученіе нотификаціи благопріятно отзывается на интересахъ лица пребывающаго заграницею [1]). Мы уже замѣтили выше, что было-бы желательно подобное-же минованіе дипломатическаго пути не только при предъявленіи международныхъ судебныхъ повѣстокъ каково-бы ни было ихъ содержаніе, но и при предъявленіи требованій о выдачѣ преступниковъ.

Если дѣло идетъ о нотификаціи судебныхъ актовъ по

---

[1]) См. Billot, стр. 412; Fiore, т. II, стр. 780.

процессу политическому, то, всетаки, какъ намъ кажется, нѣтъ причины отказывать въ международномъ судебномъ содѣйствіи, ибо, какъ было замѣчено выше, нотификація большею частью согласно съ интересами лица пребывающаго заграницею; во всякомъ случаѣ, о вредѣ для даннаго лица отъ подобной нотификаціи не можетъ, быть рѣчи. Вопросъ о нотификаціи судебныхъ актовъ относящихся къ дѣламъ политическимъ, возбудилъ пререканія между правительствами итальянскимъ и прусскимъ по дѣлу графа Арнима [1]). Прусское правительство предъявило итальянскому правительству требованіе о нотификаціи графу Арниму, проживавшему во Флоренціи, судебнаго акта, на основаніи котораго графу предписывалось явиться въ четырнадцатидневный срокъ, считая со дня полученія имъ нотификаціи, въ Берлинъ, для отбытія наказанія (восьмимѣсячное тюремное заключеніе) за предумышленное задержаніе оффиціальныхъ документовъ. Послѣ долгихъ преній и подробнаго обсужденія вопроса, итальянскій Государственный Совѣтъ рѣшилъ, что нотификація даннаго акта графу Арниму можетъ имѣть мѣсто. Въ основаніи этого мнѣнія итальянскаго Государственнаго Совѣта лежали слѣдующія соображенія: Прежде всего Государственный Совѣтъ поставилъ себѣ задачею разрѣшить вопросъ о томъ, входитъ ли нотификація судебныхъ актовъ въ категорію актовъ судопроизводственныхъ, или-же она представляетъ собою начало приведенія въ исполненіе судебнаго рѣшенія? Данный актъ содержалъ предписаніе судебнаго органа о явкѣ графа Арнима въ Берлинъ для отбытія наказанія, къ которому онъ былъ присужденъ. Предписаніе это состоялось по окончаніи процесса, а потому

---

[1]) См. подробно у Fiore, т. II, стр. 754—761, № 491—495.

актъ, содержавшій означенное предписаніе, могъ считаться актомъ подготовительнымъ къ приведенію въ исполненіе судебнаго рѣшенія. Но акты подготовительные къ приведенію въ исполненіе судебнаго рѣшенія входятъ въ категорію актовъ судопроизводственныхъ; причисленіе ихъ къ актамъ исполнительнымъ невозможно, ибо къ актамъ исполненія судебнаго рѣшенія относятся только: арестъ осужденнаго, примѣненіе наказанія и всѣ дѣйствія, связанныя съ арестомъ и съ примѣненіемъ наказанія. Если-же нотификація судебнаго приговора есть актъ судопроизводственный, то разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи или не удовлетвореніи требованія о нотификаціи зависѣло отъ опредѣленія характера правонарушенія, по которому состоялся судебный приговоръ надъ графомъ Арнимомъ, ибо, на основаніи ст. 12 конвенціи итальянско-германской (31-го октября 1871 г.), натификація судопроизводственныхъ актовъ, относящихся къ дѣламъ политическимъ, путемъ международныхъ судебныхъ повѣстокъ не можетъ имѣть мѣста. Но, хотя принципъ невыдачи лицъ, обвиняемыхъ въ совершеніи правонарушенія политическаго или военнаго, имѣетъ въ Италіи безусловное примѣненіе, однако-же допускается исключеніе въ отношеніи къ международнымъ судебнымъ повѣсткамъ, содержащимъ нотификацію судебнаго акта, могущаго оказать пользу лицу, надъ которымъ состоялся обвинительный приговоръ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Блюнчли на Оксфордской сессіи Института Международнаго права, продолжавшейся съ 6-го по 10 Сентября н. с. 1880 г., высказалъ слѣдующія мнѣнія относительно выдачи преступниковъ:

I. Опасности, вытекающія для правоваго порядка (für die allgemeine Rechtssicherheit) изъ безнаказанности тяжкихъ преступленій, улучшеніе уголовныхъ законовъ и уголовнаго судопроизводства во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ Европы и Америки, повсюду распространенное убѣжденіе въ томъ, что правосудіе требуетъ наказуемости преступниковъ,—всѣ эти факты, въ настоящее время убѣдили государства или заключить между собою картельныя конвенціи, или, помимо конвенцій, помогать другъ другу въ преслѣдованіи бѣжавшихъ преступниковъ.

Всѣми теперь признается, что существуетъ извѣстная солидарность между цивиливизованными государствами относительно примѣненія и успѣховъ организаціи уголовнаго правосудія.

II. Не менѣе распространено исключеніе изъ правила о выдачѣ тяжкихъ преступниковъ по отношенію къ такъ называемымъ политическимъ бѣглецамъ.

III. Мотивовъ этого исключенія не слѣдуетъ искать въ идеѣ о томъ, что политическія преступленія менѣе тяжки или менѣе опасны, чѣмъ общія преступленія. Въ самомъ дѣлѣ, уголовные законы всѣхъ странъ по существу согласны въ томъ, чтобы наказывать государственную измѣну (Hochverrath et Landesverrath), какъ весьма тяжкое преступленіе и налагать очень строгія наказанія; съ другой стороны, часто случается, что инсуррекція или насильственная перемѣна государственнаго устройства производятъ пагубныя послѣдствія для спокойствія и мира сосѣднихъ государствъ.

IV. Различіе между общими и политическими преступленіями объясняется и принимается въ расчетъ болѣе въ виду мотивовъ международнаго права, чѣмъ въ виду опредѣленій права уголовнаго.

V. Народы не на столько расположены помогать другъ другу въ преслѣдованіи политическихъ преступниковъ, и это преимущественно по слѣдующимъ причинамъ и соображеніямъ:

A. Всякое государство имѣетъ свое государственное устройство и управленіе и, вслѣдствіе этого, призвано заботиться о томъ, что касается законнаго политическаго порядка (für seine politlch Rechfsisordnung zu sorgen). Политическое преступленіе, въ большинствѣ случаевъ, направлено исключительно противъ государственнаго устройства и управленія даннаго народа и данной страны.

B. Государственное устройство, политика различ-

ныхъ государствъ часто отличается по своей природѣ; иногда различіе это доходитъ до противорѣчія. Вслѣдствіе этого можетъ случиться, что лицо, преслѣдуемое въ одномъ государствѣ, какъ преступникъ противъ порядка и управленія этого государства, въ другомъ будетъ почитаться въ качествѣ политическаго единомышленника. Если бы требовать отъ какого либо государства выдачи его друзей и покровительствуемыхъ имъ иностранному государству, то это требованіе было бы часто противно чувствамъ и интересамъ государства давшаго убѣжище, это требованіе было бы противно природѣ и неосуществимо. Поэтому между государствами не существуетъ никакой солидарности въ преслѣдованіи политическихъ преступленій.

C. Исторія показываетъ, что тѣ, которые преслѣдуются въ качествѣ политическихъ преступниковъ, не всегда бываютъ людьми злонамѣренными или развращенными, часто они являются экзальтированными и добросовѣстными, иногда даже великодушными и достойными уваженія патріотами. Понятно, что незаинтересованныя государства колеблются содѣйствовать государству, интересы котораго нарушены, въ преслѣдованіи.

D. Опытъ также показываетъ, что гарантіи безпристрастія правосудія, когда дѣло идетъ о процессахъ политическихъ, являются меньшими, сравнительно съ обыкновенными уголовными процессами. Дѣйствительно, часто состояніе возбужденія, въ которомъ находятся либо представители власти, либо представители господствующей политической партіи, либо представители общественнаго мнѣнія, окажетъ даже на суды трудно устранимое вліяніе.

Такъ какъ было бы и невозможно, и неприлично съ точки зрѣнія дружественныхъ отношеній между государствами, и неумѣстно по отношенію къ этимъ различнымъ пунктамъ контролировать государство возбудившее преслѣдованіе, то давшее убѣжище государство предпочитаетъ отказывать, въ видѣ общаго правила, въ выдачѣ лицъ, преслѣдуемыхъ за политическія правонарушенія.

VI. Эти причины не существуютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подвергается опасности и преступному нападенію не только государственный строй опредѣленнаго государства, а законный общественный строй всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Напротивъ, въ этомъ случаѣ солидарность, соединяющая всѣ государства въ борьбѣ противъ нарушеній подобнаго рода, должна имѣть полное примѣненіе, и обязанность международнаго права состоитъ въ оказаніи взаимной помощи, въ преслѣдованіи подобныхъ общеопасныхъ преступниковъ.

Такъ, это имѣетъ мѣсто при преслѣдованіи пиратовъ—враговъ рода человѣческаго.

Тоже слѣдуетъ сказать по отношенію къ *коммунистическимъ и нигилистическимъ* заговорамъ, имѣющимъ международный характеръ и угрожающимъ властямъ всѣхъ странъ.

Для международныхъ болѣзней нужны и лѣкарства международныя.

VII. Когда политическія преступленія, напримѣръ, государственная измѣна, соединены съ общимъ, напримѣръ съ убійствомъ, то основанія выдачи примѣняются къ общему преступленію, а основаніе невыдачи къ политическому преступленію.

Невозможно разрѣшить столкновенія этихъ осно-

ваній, если распространить на общаго преступника покровительство, оказываемое лицу преслѣдуемому за политическое преступленіе. Безнаказанность, которая произошла бы отъ этого, не была бы согласна ни съ правосудіемъ, ни со всеобщими законными гарантіями, которыя были бы глубоко нарушены, еслибъ общій преступникъ могъ избѣгнуть наказанія, смягчая свое преступное дѣяніе при посредствѣ политическихъ мотивовъ, прибавляя къ политическому преступленію общее.

VIII. Согласно предложенію англійской парламентской коммиссіи, принятіе въ соображеніе политическаго характера главнаго правонарушенія можетъ покрыть данное дѣяніе и оправдать продолженіе пользованія убѣжищемъ, подобно тому, какъ это дѣяніе, если бы оно было совершено непріятельскими войсками во время войны, признавалось бы обычаями войны дѣяніемъ дозволеннымъ и имѣло бы оправданіе въ международномъ правѣ войны.

Если же, напротивъ, данное дѣяніе, совершенное солдатами во время войны, не можетъ быть разсматриваемо какъ послѣдствіе сраженія, а должно во всякомъ случаѣ считаться преступленіемъ достойнымъ наказанія,—напримѣръ, если это убійство въ собственномъ смыслѣ, — то политическія цѣли и соображенія не должны останавливать уголовнаго преслѣдованія: наказаніе необходимо.

Можно принять въ расчетъ политическія соображенія, установляя, чтобы го
убѣжище выдавало бѣглеца подъ условіями достаточно обезпечивающими безпристрастный судъ и наказаніе.

Институтъ Международного Права въ той же сессіи вотировалъ слѣдующія положенія по интересующему насъ вопросу:

I. Выдача есть актъ международный, согласный со справедливостью и интересами государствъ, такъ какъ она имѣетъ цѣлью предупреждать и дѣятельно пресѣкать нарушеніе уголовнаго закона.

II. Выдача примѣняется вѣрно и правильно только тогда, если объ этомъ существуютъ международные договоры, и желательно, чтобы число таковыхъ возрастало.

III. Впрочемъ не одни только договоры дѣлаютъ выдачу актомъ согласнымъ съ правомъ; она можетъ имѣть мѣсто даже при отсутствіи какого бы то ни было международнаго обязательства.

IV. Желательно, чтобы во всѣхъ странахъ законъ опредѣлилъ производство подобныхъ дѣлъ, а также условія, при которыхъ требуемые въ качествѣ злоумышленниковъ могутъ быть выданы правительствами, съ которыми не существуетъ договора.

V. Условіе взаимности въ дѣлахъ подобнаго рода можетъ вытекать изъ видовъ политическихъ, но справедливость этого не требуетъ.

VI. Между странами, уголовныя законоположенія коихъ построены на аналогичныхъ условіяхъ и которыя взаимно довѣряютъ своимъ судебнымъ установленіямъ, выдача собственныхъ подданныхъ была бы средствомъ обезпеченія хорошаго устройства уголовнаго правосудія, такъ какъ представляется желательнымъ, чтобы юрисдикція fori delicti commissi, поскольку возможно, была предпочитаема.

VII. Допуская даже существующую практику, которая освобождаетъ собственныхъ подданныхъ отъ

выдачи, не слѣдуетъ принимать въ соображеніе національности, принятой уже послѣ совершенія дѣянія, вслѣдствіе котораго требуется выдача.

VIII. Требованіе выдачи со стороны государства должно имѣть основаніе въ его собственныхъ законахъ; оно не должно противорѣчить закону страны давшей убѣжище.

IX. Если предъявлено нѣсколько требованій выдачи за одно и тоже дѣяніе, то предпочтеніе отдается государству, на территоріи котораго правонарушеніе совершено.

X. Если одного и того же индивида требуютъ нѣсколько государствъ по поводу различныхъ правонарушеній, то государство, которому предъявлено требованіе выдачи, должно принять во вниманіе сравнительную тяжесть этихъ правонарушеній.

Въ случаѣ сомнѣнія относительно тяжести правонарушеній, государство, которому предъявлено требованіе выдачи, должно принять во вниманіе время предъявленія требованія.

XI. Вообще, нужно требовать, чтобы факты, къ которымъ примѣняется выдача, были наказуемы по законодательствамъ обѣихъ странъ исключая тѣхъ случаевъ, когда, по причинѣ особенности государственнаго устройства или географическаго положенія страны служащей убѣжищемъ, не можетъ имѣть мѣста совокупность признаковъ преступленія.

XII. Выдача, составляя важную мѣру, должна примѣняться только къ значительнымъ правонарушеніямъ. Въ международныхъ договорахъ должны быть съ точностью исчислены эти правонарушенія постановленія объ этомъ естественно различаются по взаимному положенію договаривающихся сторонъ.

XIII. Выдача за политическія нарушенія не можетъ имѣть мѣста.

XIV. Государству, отъ котораго требуется выдача, принадлежитъ верховная оцѣнка вопроса о томъ, имѣетъ ли фактъ, по поводу котораго требуется выдача, политическій характеръ. При этой оцѣнкѣ государство обязано руководствоваться слѣдующими двумя идеями:

а) Политическая цѣль лицъ совершившихъ факты, заключающіе въ себѣ всѣ признаки преступленія противъ общаго права (убійства, поджоги, кражи), не должна освобождать ихъ отъ выдачи.

в) Для оцѣнки фактовъ, совершенныхъ во время бунта, инсуррекціи или международной войны, слѣдуетъ поставить вопросъ о томъ, могутъ ли быть они оправданы обычаями войны.

XV. Во всякомъ случаѣ выдача за преступленіе, имѣющее характеръ и преступленія политическаго и преступленія противъ общаго права, должна имѣть мѣсто лишь тогда, если государство требующее выдачи обяжется не подвергать выданнаго лица суду чрезвычайныхъ трибуналовъ.

XVI. Выдача не должна имѣть мѣста ни по отношенію къ дезертирамъ сухопутныхъ или морскихъ силъ, ни къ правонарушеніямъ чисто военнымъ.

Это правило не должно быть принято по отношенію къ выдачѣ матросовъ военнаго или торговаго флота.

XVII. Законъ или международный договоръ о выдачѣ преступниковъ можетъ относиться и къ фактамъ, совершеннымъ до вступленія ихъ въ силу.

XVIII. Выдача должна происходить дипломатическимъ путемъ.

XIX. Желательно, чтобы въ государствѣ, давшемъ убѣжище, судебная власть была призвана къ оцѣнкѣ требованія выдачи послѣ состязательныхъ преній.

XX. Государство, которому предъявлено требованіе выдачи, не должно удовлетворить этому требованію, если, согласно публичному его праву, судебная власть рѣшитъ, что это требованіе не должно быть исполнено.

XXI. Разсмотрѣніе требованія выдачи должно имѣть въ виду общія условія выдачи и основательность обвиненія.

XXII. Правительство, требованіе коего о выдачѣ за извѣстное дѣяніе исполнено, обязано ipso jure подвергнуть выданное лицо суду и наказанію только за данный фактъ.

XXIII. Правительство, удовлетворившее требованіе о выдачѣ, можетъ затѣмъ изъявить согласіе на преданіе выданнаго лица суду даже за факты не мотивированные въ требованіи о выдачѣ, при тѣхъ лишь условіяхъ, чтобы эти факты могли повлечь за собою выдачу.

XXIV. Правительство, во власть котораго выданъ данный индивидъ, не можетъ его выдать другому правительству безъ согласія выдавшаго правительства.

XXV. Постановленіе судебной власти о томъ, что выдача можетъ быть допущена, должно опредѣлить условія выдачи и дѣянія, за которыя она послѣдуетъ.

XXVI. Выданному лицу должно быть предоставлено дѣлать, предъ судомъ, призваннымъ окончательно судить, возраженія по поводу неправильныхъ условій выдачи.

(Revue de droit international. T. XIII стр. 72—77).

